

КНИВЕ

По мотивам мира Артёма Канонистого

Дети
Саят Хе
ПОДЗЕМЕЛИИ

Никогда не знаешь, улыбнулась ли тебе судьба или показала угрожающий оскал. Не понять толком.

История о жизни небольшого жирного стаба, в котором появились чужаки. Пришли ноиткуда.

Брюзжащая тетка с ручным монстром, затем появился тихий знахарь со странной тетрадкой в сумке.

Глава стаба Гипс видит в происходящем неуловимую птицу удачи, однако, дела обстоят далеко не так радужно, как кажется на первый взгляд.

Обратный отсчет спокойной и сытой жизни начался.

ПРОЛОГ

Темно и жутко воняет. Сладковатый запах гниющей плоти неприятно щекочет ноздри. Еще немного. Пальцы разжимать нельзя. Впереди маячит перспектива улететь дальше, по пищевому каналу, выделяющему совершенно дикие ферменты, переваривающие металл.

Интересно, из каких тканей состоят кишки твари, у которой, похоже, в качестве желудочного сока плещется ядерная смесь соляной и азотной кислот? Опытным путем проверять желания нет. Оно и понятно.

Пальцы отчаянно цепляются, соскальзывают по стенкам ненадежной опоры. Неприятно закончить свою жизнь здесь. И Ярослав должен приложить все оставшиеся силы. Их немного, но их должно хватить.

Дышать тяжело. Зловоние обжигает легкие. Втягивать в себя воздух, снабжая кислородом тело, становится все проблематичнее. Нужно что-то решать. Долго он не выдержит.

Где же топор? Ага, вот он. Пальцы свободной руки нашарили на поясе удобную деревянную рукоять.

Еще побарахтаемся.

Глава 1. Ярослав

Из неоплаченных счетов за телефон я склею маленький кораблик. Пускай плывет, пускай несет тебе привет. Теперь ты можешь говорить, что ты с приветом.(с)

Выходные у Славика не задались. Мало того, что дура-жена затянула его в эти Богом забытые лиманы, так еще и в придачу его угораздило там заблудиться.

Ярослав был вполне себе заурядным обывателем с приличной работой, машиной, квартирой, женой, пачкой детей и прочими плюшками трудолюбивых людей средних лет. Занимаемая должность коммерческого директора компании не повысила его ЧСВ (далее в тексте — чувство собственной важности) до небес, он оставался веселым и приятным в общении человеком.

Работал Ярослав Игоревич Незлобин как вол, но и отдохнуть любил с огоньком. Нет фанатом гламура или же каких-либо оргий он не был. Был Славик рыбаком. Рыбалку коммерческий директор уважал не абы какую, а непременно полную экзотики, но и мазохизмом отнюдь не страдал. Подледная ловля в двадцатипятиградусный мороз не прельщала. Славика подавай кранкса, радужную форель, байкальского омуля, в общем, все, ради чего надо было мотаться к черту на кулички. Жемчужиной его коллекции было приключение на китобойном судне в Северном Ледовитом океане.

Да, рыбалка, можно сказать, была второй сущностью Славика со всеми вытекающими. Он прекрасно разбирался в любой оснастке, так или иначе касающейся рыбной ловли, умел собрать все необходимое за полчаса и был легок на подъем.

А теперь, мало того что он, как новичок-любитель, заблудился в трёх лиманах, так ещё и приступ мигрени, подкатил невовремя, играя болевыми ощущениями в его голове этюды Листа, может быть, и Шопена. Ему было плевать, какое именно произведение воспроизводил взбесившийся мозг, от классической музыки Ярослав был далёк и вовсе с ней не дружил.

Всё Ленка, мать её, со своими сюрпризами.

В пятницу вечером Ярослав Игоревич Незлобин, ничего не подозревая, вернулся домой (ровно три дня спустя подумав об этом, Славик твердо решил, что именно тогда перспектива податься в недельный запой была бы как нельзя кстати).

Жена встретила его хорошим ужином и веселым (на самом деле — торжественным) молчанием целых 15 минут. После еды Славик отправился в душ, переоделся в халат и занял почетное место лентяя — на диване возле ящика.

Во время просмотра новостей, ежедневно кормящих обывателей свежими трупами, Ленка присела рядом и начала делать ему массаж ног. Ежедневная беготня в новомодных дизайнерских туфлях (ну он же все-таки коммерческий директор, а не рабочий с завода — должен и выглядеть соответственно) давала о себе знать, ступни были словно волки в полнолуние.

Жена все прекрасно понимала, поэтому не упускала случая угодить любимому мужу.

Походу разведет меня Ленка на очередное платье, — подумал Ярослав, оценивая ситуацию, и оттого немного развеселившись, — ох неспроста она молчит. Славик улыбнулся, делая одобрительный жест рукой.

— Ну, дорогая, слушаю, чего тебе для счастья не хватает?

Елена зарделась.

— Я тур на выходные купила, думаю, тебе понравится, — её лицо растянулось в улыбке. — Ни за что не догадаешься, куда мы поедem!

В голове у Ярослава чётко обрисовался образ его и Ленки с выпученными глазами удирающих от белого, нет, трёх белых медведей где-нибудь на заснеженном Щпицбергене. Его жена по части культурного отдыха всю тянула за ним и обладала искромётной выдумкой.

В прошлом году Ленка умудрилась купить паломнический тур в Индию.

Шесть (!) дней они спали по пять часов в сутки, посещая храмы, занимаясь йогой, медитацией и перемежая всё это постоянным полутора- или даже шестичасовым марафоном в автобусе по сорокоградусной жаре.

Кормёжка была не особо вкусной — Ярослав привык к изысканным (ну, или на худой конец — сносно приготовленным, домашним блюдам), да и к тому же вегетарианской. Ленка всё это терпела стоически и ни разу не пожаловалась — её затея как-никак, а Славик то и дело стебался над живностью, которая, как правило, жила в стенах отелей, видя в ней ценный источник белка.

Из Индии тогда привезли чувство усталости, кучу статуэток (подарки родственникам, коллегам и прочим знакомым) и около четырех килограмм благовоний, которые лежат в их квартире по сей день, заглушая аромат пребывания в доме двух животинок семейства кошачьих.

С того времени у Ярослава и Елены была негласная договоренность — все маршруты поездок выбирает Славик, а Ленка имеет право вносить лишь несущественные изменения, либо дополнять отдых парой-тройкой местных достопримечательностей. Как-то так.

— Мы едем любоваться лотосами! — голос Ленки отвлек Ярослава от созерцания тех недалеких воспоминаний.

— Ты в ботаническом саду на них не могла полюбоваться? — с нотой раздражения в голосе спросил он.

— Нет! Я хочу увидеть, как растут эти цветы в дикой природе, тем более, что нам не нужно будет терпеть долгих перелетов — в тысяче километров от нас по прямой. Замечательная турбаза в Азовских лиманах, рыбалка... — Ленка совсем сникла, уловив в его голосе недовольство, и уже не надеясь доказать Славику всю уместность этой затеи.

— Что ты там про рыбалку говорила?

— Зеркальный карп, лещ, сом, раки, — она просияла.

Ярослав фыркнул. Ага, лещ, сом. Пфффффф...

Но, иногда жене можно и уступить. С неохотой он кивнул.

— А с подопечными что делать будем?

— Дети на три дня с мамой, котам я заказала гостиницу.

— Самолет во сколько?

Она закатила глаза и выдохнула:

— В полшестого утра.

— Окей, я спать, вставать рано. Ты со мной?

— Ну как же я тебя одного в спальню отпущу?!

Турбаза порадовала хорошим сервисом, приятно удивила кухня — шашлык был действительно восхитительным, да и закуски не подкачали. Выбор оснастки и арендуемых лодок вполне приличный, к тому же консультант дело своё знал и от рыбалки получал

удовольствие не меньше, чем Ярослав.

Было около трех часов пополудни. Славик, потрепавшись с консультантом Костей не менее полутора часов, наконец-то отправился в свою стихию. С продавцами в магазине он может и дома поговорить, в Краснодарский край за этим переться глупо.

Укомплектовавшись и погрузив все необходимое, Ярослав завел лодочный мотор и двинул в самые рыбные места.

И тут началось. Когда он отъехал километра на полтора от турбазы, когда винт намотал на себя сеть. Очевидно расставленную браконьерами. Что ж, бывают в жизни огорчения.

Пока он справлялся с этой неприятностью — налетел густой туман, который уже через некоторое время начал отдавать жуткой химической кислотой.

Солнце, которое до этого светило, пригревая первым весенним теплом, скрылось за густыми черными тучами. Заискрились вспышки молнии.

Гроза будет — подумал Славик. — Что такое «не везет» и как с этим бороться.

Настроение испортилось. Лодку подхватило какое-то странное, но достаточно сильное и быстрое течение, более свойственное горным рекам, хотя Костя уверял, что в этих лиманах течений нет и быть не может. Поскольку эти водоемы являются по сути питомником — рукотворными прудами, четко поделенными на квадраты, соединяющиеся между собой небольшими протоками. Факты доказывали обратное.

Когда Ярослав все-таки освободил винт от сети, то с неприятным удивлением обнаружил, что ландшафт изменился, причем кардинально. Вместо камышей — высокие угольно-черные скалы, Ярослав мог с высокой долей вероятности предположить, что на Азовском море, тем более в лиманах — такие громадины еще надо поискать.

Попробовал на вкус воду за бортом — пресная, значит определенно не в море. Поворачивать назад смысла нет — течение очень сильное. Можно попробовать выйти к какой-нибудь другой турбазе и спросить дорогу — благо их тут понатыкано, что тюльпанов в административных клумбах.

Глава 2. Бомжара

— Папа, а как попасть в историю?

— С твоим везением, сынок, в нее можно только вляпаться.

Приблизительно через полчаса пути скалы исчезли, а водное русло расширилось до неприличия (на лиманы это уже стопроцентно никак не походило — скорее совсем обычная равнинная речушка около километра в поперечнике) — берег стал песчаным и на диво чистым, ни одной пластиковой бутылки или кострища. Тучи рассеялись так же быстро, как и налетели. Походу сегодня прогноз погоды снова сделал синоптиков.

Вдали от берега просматривались небольшие холмы, густо заросшие тёмным хвойным лесом. Ярослав этот пейзаж поверг в некоторый шок.

Уж ельников в этой местности днем с огнем не сыщешь. По левую сторону берега на расстоянии пары километров на холме просматривалось белоснежное здание в ореоле парковой зоны, окруженное все тем же лесом, тянувшемся насколько хватало возможности видеть. Но тут его внимание привлекла совсем другая картина.

Перед ним, над рекой возвышался кованый мост, взятый из какой-то европейской сказки — причудливые узоры балясин отметали все мысли о том, что это штамповка — чувствовалась рука мастера.

На всевозможных металлических завитках висели замки всех мастей — от изящно-вычурных в форме голубей, сердечек и прочей чепухи до вполне серьезных моделей, которые, не имея ключа, можно снять разве что автогеном.

Помимо бросающегося в глаза своей вычурностью моста не менее привлекало взгляд действо, разворачивающееся на нем. Туда, припадая на одну ногу, взбежал заросший мужик в грязном до безобразия и кое-где рваном камуфляже. За ним резво гналась невеста и еще тип, подозрительно похожий на жениха, если бы не одно но: нижняя часть одежды отсутствовала полностью. Ярослав сначала не поверил своим глазам — нужно съесть что-то из ряда вон выходящее, чтобы по улице средь бела дня без трусов бегать. Его размышления прервал крик камуфлированного:

— Сваливай, братка, жива-а-а-а!! — истошный вопль игнорировать было очень сложно.

Славик не заставил повторять дважды. На нормальных людей эти двое похожи не были, хотя бы тем, что издавали на всю округу жуткое урчание, чем-то похожее на кошачье, но на порядок громче и своеобразнее.

Краем глаза он уловил, что мужик перепрыгнул через перила и бомбочкой полетел в воду. Ярослав начал разгонять мотор, но как только он проплыл под мостом, мир перед его глазами побелел. Затем лодка сотряслась, зачерпнув через борта приличное количество воды. Славик на миг потерял ориентацию в пространстве, но это было лишь мгновение. Дикая боль и холодная забортная вода привели его в чувство. Что-то очень неприятно стиснуло его запястье. Ярослав поднял глаза. Девушка, которую он видел на мосту несколько секунд назад, сейчас стояла к нему практически вплотную, привлекая к себе за левую руку. Мутные неживые глаза смотрели безучастно, зато силы в захвате были более чем достаточно. Рот раскрылся, отдавая ядерной вонью давно нечищенных зубов, между которыми застряли волокна гниющего мяса.

— Уррррррррр!

Быстрый анализ ситуации показал, что по ходу пьесы сейчас она ему что-нибудь, да

выкусит. Если ничего не предпринять, скорее всего, одним трупом в этих проклятых лиманах станет больше.

Свободной правой рукой Славик отвесил барышне оплеуху. Чпок.

Невеста пошатнулась, лишь сильнее сжимая его руку и притягивая добычу к себе.

— Отвали, дура!

— Урррррр!

Такое поведение ненормально. Что бы они там со своим женихом не употребили, так вести себя нельзя.

Страх, прокачанной солидной дозой адреналина, сделал с Ярославом то, что в судебной практике называют состоянием аффекта. Рухнули барьеры, моральные принципы спрятались где-то далеко в подкорке сознания. Остался лишь инстинкт самосохранения.

Не сегодня, девочка.

Все еще свободная рука сложилась в кулак.

Удар. Еще. Еще.

Девушка не была готова к столь скоротечной развязке, поэтому от неожиданности (а может, от беспросветной тупости) выпустила запястье Ярослава и улетела за левый борт, тут же красиво уходя ко дну топориком.

Вместо испугавшегося нормального человека, наружу выбрался другой. Циничная, думающая только о себе сущность. Она не спешила покидать сознание, и даже пыталась подкидывать нехорошие думки.

— М-да, — подумал Славик, — все-таки не зря невесты выбирают такие наряды — утонула она с шиком. — Господи, неужели это мои мысли?!

И тут же содрогнулся — выражение лица у этой юной особы было специфическим, глаза черными с непонятной мутью, поэтому Ярослав и заподозрил что-то не то, и без лишних сожалений отправил её за борт.

Он пытался себя оправдать, но в глубине души понимал, что это невозможно. Защищался, да. Но зачем было превращать ее висок в кровавое месиво?

А когда барышня так резко и стремительно пошла ко дну — на мгновение испытал облегчение от того, что добивать её не придется.

А может быть, достать? Наверняка она не умеет плавать.

Стоп. Поведение невесты далеко не адекватное. А если девушка утянет его на дно за собой?

Пока Ярослава терзали противоречивые мысли, кусок грязно-белого шлейфа окончательно скрылся под водой. Все. Поздно. Наверняка она уже захлебнулась. Дальше что?

Деру отсюда и поскорее, труп рано или поздно всплывёт, а в полиции поди докажи, что не осёл. Он перевел дух.

Так, а что там с этим камуфлированным бомжом? Ярослав оглянулся. А-а-а, жив, красавчик, и четко плывет к нему, резво перебирая конечностями, видно, понимает, что от этих психов приятных разговоров не дождешься. Мотор заглох еще во время приземления девушки в белом, поэтому лодка влекомая течением, двигалась теперь своим ходом.

Этот бродяга — свидетель. А если... Нет. Второй труп ему не нужен. Наверняка с подобными мыслями в голове начинал свое творчество Джек-Потрошитель. Убивать еще и ни в чем не повинного мужика — полная дичь. Или нет?

Ну да ладно, два хороших человека всегда смогут договориться между собой.

Незнакомец был в нескольких метрах от лодки, когда Славик кинул ему канат. Бомжара с благодарностью его принял. Не прошло и минуты, как тот уже стоял на борту, улыбаясь и протягивая здоровенную мокрую пятерню.

— Жмых, — представился он. — Спасибо тебе, братка, выручил ты меня сегодня, я уж думал совсем каюк пришел. Ни ножа, ни автомата, ни клюва — НИЧЕГО! Только рваная нога да двое бегунов за спиной.

— Бегуны? Какие же это бегуны?! Бегунов я знаю — это такие спортсмены в коротких шортах с накачанными ногами. Так что, мужик, это совсем не бегуны, а это психи с перекошенными мордами и обгаженными подолами. Эстафетную палочку они не передадут, а сожрут сами, с аппетитом у них проблем явно нет, — тут Ярослав почувствовал, что напряжение последних минут отпускает и его начинает накрывать. — Нет, это совсем не бегуны.

— Привыкай — Жмых пожал плечами.

— К чему? — недоуменно спросил Славик.

Тут как нестати подкатил мерзкий приступ дурноты, сопровождавшийся знакомыми ритмичными спазмами. Быстро перегнувшись через борт металлической лодки, он постарался ухватиться покрепче. Состояние, конечно, не фонтан. Не особо хотелось разглядывать полупереваренный обед, он закрыл глаза и ждал пока все успокоится.

Когда желудочные конвульсии прекратились, Ярослав быстро вытер рот рукой, затем лихорадочно схватил пластиковую бутылку с водой. Открыл. Глуша «Липецким бюветом» омерзительный вкус, понял, насколько мучила его жажда. Вот они, нервы.

— Попал ты, братка, как кур во щи, — вид у Жмыха был такой, будто он знает то, что другим не постигнуть за целую жизнь. На происходящие со спутником проблемы он даже внимания не обратил. Плохо человеку, что тут скажешь. — Кстати, голова не болит?

— ??!

— На, вот, сделай пару глотков, попустит. На вкус, конечно, далеко не нектар, но голова пройдет практически сразу. — Жмых протянул ему флягу с дурнопахнущей жидкостью.

Голова Ярослава болела так, что он был готов закусить носками, около недели использовавшихся по прямому назначению. Впрочем, жмыхово пойло мало чем отличалось от оных. Лишь бы этот перестук молотков в голове закончился. Запил живчик минералкой. Сойдет.

Чтобы немного отвлечься от тяжелых раздумий по поводу совершенного убийства, Славик попробовал завести мотор. Дернул — ноль реакции. Ямаха не подавала признаков жизни, несмотря на все манипуляции.

— Выкинь его за борт, братка, тут этого добра на каждом углу. Как голова пройдет, расскажу тебе все, у нас есть немного времени. Потом быстро и дружно двигаем в зимовье. Переночуем, потом к Волгограду.

Этот чувак предлагает выкинуть мотор? Ямаху?! Походу я подобрал ненормального, дал Бог денек...

— Волгоград от нас в шестистах километрах. Да и не думаю, что из-за какой-то психопатки нужно так далеко уматывать. Она просто утонула, а нас здесь не было. — Ярослав в бега не собирался, и перспектива поехать в Волгоград прельщала его мало.

Жмых на секунду задумался, переваривая информацию. Затем снисходительно улыбнулся.

Оооо. Он ДУМАЕТ?

— Я вижу, голова отпустила. А теперь слушай внимательно и не перебивай, все интересующие вопросы потом. И не забывай смотреть по сторонам — хоть мы и на воде, о полной безопасности не может быть и речи. Ты — на корме. Смотришь вперед, я — назад. Увидишь что-то странное — ори во всю глотку, не стеснясь. Паранойя — это то, без чего в Улье не выжить.

Да ладно. Я смотрю, у тебя она в полном разгаре.

Жмых выдохнул и продолжил.

— Видишь ли, как там тебя зовут?

— Ярослав.

— Первое и самое главное правило — всегда держи при себе оружие. Что у тебя есть?

— Топорик, электрошокер... еще нож, «мичман». Наверное, и все.

— Поделись, чем не жалко. Я себя прям неглиже без оружия ощущаю.

Славик не без опаски отдал Жмыху нож. Тот явно облизывался на топор, но и разделочный инструмент принял с великой охотой. Затем продолжил.

— Видишь ли, Ярослав, ты уже далеко не там, где был несколько часов назад. Сейчас ты в Улье, или Стиксе, как говорят некоторые. И выхода отсюда нет. Семье, друзьям и ненавистной работе можешь помахать ручкой. Ты попал сюда, как только заплыл в кисляк, то бишь кислый туман, его не с чем не спутаешь.

У этого бомжа все в порядке с головой? Все меньше и меньше в это верится. Тогда откуда он знает про туман?

— ...Перенос в Улей переживают далеко не все — где-то от одного до пяти человек на сотню. Организм атакует паразит, таково мнение наших ученых. Большинство людей он превращает в тупых пустышей, часть погибает, будучи сожранными, так и не поняв где они и во что вляпались, некоторым иммунным везет немного больше — они сохраняют рассудок, получают дар Улья, способность быстро регенерировать и пожизненную зависимость от живчика.

— Что за дар?

— Потом, не перебивай. А то забуду что-нибудь важное.

— Так что, имей в виду, за убийство бегуна тебя никто не посадит. Наоборот, большинство иммунных за то, чтобы тварей стало как можно меньше. Пустыши жрут друг друга и со временем грейдятся.

Вслушиваясь в поток слов, больше напоминающий текст книги раздела «постап», Ярослав смотрел на Жмыха все более недоверчиво.

Окей. Значит, это не свидетель. Клоуну никто не поверит. А еще он несет несусветную чушь. Ладно, попробуем поддержать разговор.

...Следующая стадия — бегуны, с этой разновидностью ты успел познакомиться. У всех монстров, начиная со стадии бегуна отрастает споровый мешок в районе затылка, похожий на половину чесночной головки, в которой мы нередко добываем полезные вещицы.

О боже, он еще и черепашку мертвым вскрывает. Во вляпался.

-.. спороны — такие зеленые виноградины, из которых делается лекарство для всех иммунных, живчик, горошины — черные шарики, и жемчуг — перламутровые кругляши.

Кстати говоря, споровый мешок у тварей — уязвимое место. Достаточно небольшого повреждения, и любой мутант отдаст концы. Это ты должен помнить всегда. Но вернемся к нашим монстрам.

Итак, пустыш, бегун, далее идут горошники, — лотерейщик, топтун и прочие руберы.

Чем круче тварь, тем меньше она похожа на человека — со временем они обрастают плотной костяной бронёй, наращивают мышечную массу. В нескольких словах, становятся быстрее, прыгают выше, бьют сильнее. Лотерейщик ударом своей клешни способен запросто снести тебе полголовы. После горошников идут жемчужники — элита мира тварей и вершина их пищевой цепочки.

А еще Жмых видит каких-то монстров. Тут впору 03 звонить.

— Но, допущу оговорку — хоть жрут они и друг друга с большим удовольствием, самым лакомым блюдом для них является человек. Вкуснее человека только коты, собаки, лошади и прочий домашний скот. Классификация тварей соответствует хабару, который добывают из их споровых мешков. Если спороны жизненно необходимы каждому, то горошины и жемчуг — опционально для развития своего дара.

Развивает какой-то дар. Епта. Да тут полный список симптомов серьезного психического заболевания. Нахрен я ему нож отдал?

— Теперь о географии. Улей состоит из кластеров — своеобразных сот, участков той или иной местности, словно конструктор. Кластеры делятся на три типа — обычные — таких большинство, перезагружаются с определенной периодичностью, стабильные — или вообще не грузятся, или грузятся с очень длительным периодом ожидания, и черные — жуткое безжизненное пространство, даже заходить туда Минздрав предупреждает. Видимо, не наша среда обитания.

Каждый раз на перезагружаемый кластер опускается один и тот же кусок местности с людьми, зданиями, техникой, растительностью и прочим. Внешне они не отличаются, только конструктор этот Стикс выдергивает из параллельных Вселенных. В нескольких словах, все то же самое, только носки красные.

А вот с этого места поподробнее.

— Вполне реально встретить двойника. Есть тут у нас парочка — теперь вдвоем гуляют.

Поехали дальше. Основная масса народа живет в стабильных кластерах, образуя что-то наподобие небольшого городка. Некоторые городки объединяются в анклав — своеобразные мини-государства — сообща ведут торговлю, охотятся на монстров и получают прочие преимущества от совместной хозяйственной деятельности.

Валюта везде едина — спороны, оружие, бронетехника и прочие инструменты членовредительства. Все что за стабами — территория беспредела.

Кто бы сомневался. Человеческая сущность, со всех сторон обложенная моральными нормами, просто лезет наружу как тушняк из автоклава.

О чем это я? Ну и бред...

— Волгоград — один из таких стабильных кластеров, тот еще клоповник, но выбирать не приходится. С городом на нашей Земле ничего общего не имеет. Знаю лишь, что основатель этого городка был родом оттуда.

Еще, забыл упомянуть — никаких Саш, Олегов, Славиков у нас нет. Каждый, кто попадает в Стикс, берет себе прозвище. Как-то так, братка. Вопросы?

Проверка обратной связи?

— А ты почему без оружия гуляешь? — Ярослав все это время внимательно слушал монолог Жмыха, и, принимая то, что тварь можно встретить, мягко выражаясь, и под соседним кустом, задал именно этот вопрос.

— Долгая история. В двух словах, вышли с группой на охоту, да сами стали добычей. Из двенадцати человек ушел я один, да и то, гол как сокол, только фляга с живчиком и ничего

больше. Ну так что, какое прозвище берешь? Так и быть, сегодня ты спас мне жизнь — отблагодарю тебя, стану крестным.

Да ладно. Даже крестным будет?!

— Первая часть моих обязательств перед тобой выполнена — что здесь к чему я в доступной для тебя форме я объяснил. Со второй частью посложнее.

— А что там?

— Я должен довести тебя до стаба. Обычай такой. Да только самому бы добраться целиком. Так что с прозвищем?

— Друзья за глаза меня рыбником называли.

— Рыбак что ли?

— А что я здесь, по-твоему, с полной лодкой снастей делаю?!

— Окей. Будешь Рыбаком.

— Не Рыбаком, а Рыбником.

— Уговорил.

Жмых торжественно встал, взяв в руки флягу.

— С этой минуты нарекаю тебя прозвищем Рыбник, воспитанником Жмыха, детищем Улья. Пусть руки твои...

Мать моя женщина. Шабаш в полном разгаре.

— Давай без церемоний.

Жмых принял обиженное выражение. Ну вот, обидел человека — подумал Ярослав — может он всю жизнь мечтал окрестить кого-нибудь по всем правилам. Его размышления прервал голос крестного.

— Ну что за люди пошли, ни капли уважения к старшим.

— Ты лучше про подарки Стикса расскажи.

— Что здесь рассказывать-то, и так все понятно. Улей взамен твоей чудесной, спокойной и сытой жизни дарит тебе своеобразный подарок. Каждому — свой. В любом случае — какая-либо способность, но на таком зачаточном уровне, что является по сути бесполезной.

Интересно все-таки получается. А если... правда?

— Чтобы её сколько-нибудь развить, нужны годы, а средняя продолжительность жизни попавших сюда иммунных мала до безобразия. Кому-то дается способность видеть в темноте, кому-то отличать правду от лжи, женщинам же зачастую попадается дар очаровывать мужчин.

А вот это в точку. Есть на свете такие красавицы.

— Таких здесь называют нимфами. Но для них подарок Улья становится проклятьем. Их нигде не любят — ну кому понравится даже намек на возможность быть управляемым взбалмошной девицей?

— А какой дар у тебя?

— Я же говорил, дается дар в зачаточном состоянии, а я здесь сравнительно недавно.

Значит подкрепить свои слова ему нечем. Впрочем, неудивительно.

— И все же?

— Я делаю твердое мягким, могу менять форму или структуру выбранного элемента. Но так как дар развит плохо — всего несколько десятков грамм, и то, с металлами и камнями пока туго. Вот от запора избавиться — запросто, да только клиентуры нет.

Специфика Улья такова, что достаточно выйти за ворота стаба, увидеть тварей, которые

стадами пасутся за пределами городков — и проблем с кишечником как не бывало. Так что дар Улья — та еще рулетка, да и более того — могу дать гарантию, близкой к ста процентам — когда он у тебя появится, первые месяцы будет бесполезен.

Угу. Ты супермен, да только абилка еще не выросла. Да.

Тут взгляд Ярослава уткнулся в разодранную, пропитавшуюся кровью штанину.

— Может, ногой займешься? Неслабо тебя приложило, смотрю, я бы с ума сошел уже от боли.

— Мне не больно. Живчика припил — жить буду. А царапина через пару часов зарастет, и беспокоить не будет. Так-то, братка.

Нет, чувак, ты серьезно? Я бы уже в обмороке лежал.

— Да у тебя там мясо наружу торчит, зашить бы.

— Успокойся. Послушай старого больного дядюшку Жмыха. Если сказал — зарастет — значит, так и будет.

— А рука отрастет, если вдруг что?

— Угу, через пару месяцев. А потом еще полгода будешь к ней привыкать. Это если сам на сам. В медицинских центрах процесс регенерации проходит гораздо быстрее — за пару месяцев, но все равно — для Стикса это очень большой промежуток времени. Тут только голова не отрастет. Да и если травмы получишь, несовместимые с жизнью. Все остальное — Улей вылечит. От простуды до рака и триппера — вылечит. Да еще омолодит на пару десятков лет. Как-то так, братка. Если доживешь.

Так он что, меня сейчас того..?

— В смысле?

— Во-первых, ты здесь находишься, как я вижу, еще очень мало времени, возможно ты переродишься.

Как там их... первых звать..

— И стану пустышом??!

— Ну да. Выкину тебя из лодки и поплыву дальше.

— Добрый ты, — ехидно заметил Ярослав.

— Зато честный. Ты поступил бы точно так же. Жить хочется всем, братка. Но, могу тебе сказать, что выглядишь ты бодро, могу предположить, что ты иммунный. В противном случае — выкину за борт — твари плавать не умеют.

— А какова вероятность, что я останусь человеком?

— Один к двадцати. Плюс-минус. В Улье никто точных подсчетов не ведет. И один к ста, что ты протянешь здесь хотя бы год. Человеческая жизнь здесь не стоит ничего. Всегда имей в виду.

Она и так ничего не стоит. Простые парни есть везде. Лом в рюкзаке, кирпич за пазухой.

Впрочем, лет эдак двадцать назад Ярослав был активным членом гоп-компании. Он старался забыть сей неприятный период жизни, но от себя не скроешься. Совесть все-таки подлая штука. В юности она спит, давая гормонам сносить крышу, а потом противно царапает мозг острыми когтями.

Ярослав оценил свои перспективы. Мда, коммерческому директору с навыками рыболова-профессионала здесь делать нечего. Чтобы отвлечься от не слишком радужных мыслей, Славик решил перевести разговор в другое русло.

— Нам долго еще плыть?

— Потерпи, братка, еще немного. Ельник закончится, через часа полтора, пойдет черная пустыня, обычный кластер, только с черными песками, километра два по воде. Сразу за ней — таежный лес, причаливаем к правому берегу и топаем к зимовью. Недалеко, если бодрым бегом — минут пятнадцать. Там уже выдохнем, да и сожрать чего-нибудь не помешает.

Ярослав почувствовал, что зверски голоден.

Сколько он здесь? Часы показывали погоду, электронное табло горело всеми значками и индикаторами одновременно. Часы были подарком жены, и он носил их, практически не снимая, показывая, насколько дорог ему этот жест внимания.

Сейчас он злился. Ну почему Ленка не додумалась купить ему надежный хронометр, работающий сугубо на механике?!

— Рыбник, оружие в руки, и в вооооду, быстrrrrра!

Ярослав оглянулся, поскольку впереди ничего странного он не наблюдал и похолодел. К ним на большой скорости приближалась субмарина.

Глава 3. Первый улов

Утро начиналось не важно. В правый глаз светило солнце, из левого торчало копьё.

Конечно, субмарина — громко сказано, но что-то в этом было. Жмых прыгнул вправо и быстро поплыл к берегу, но, шансов, если честно, у него было маловато. Над водой был виден лишь край спины. След бурлящей воды и брызг по бокам хребта говорил о немаленькой скорости, сравнимой с небольшой яхтой спортивного класса. Вмиг оценив ситуацию — через две-три секунды ЭТО перевернет лодку и пообедает содержимым, безуспешно пытающимся уплыть к берегу, Ярослав прикинул свои возможности выжить — да, нулевые.

Придется идти ва-банк.

Мгновенно перехватив топорик поудобнее, он вскочил на корму, и принялся ждать удобного момента. Два, один... Берегись, суууука!

Прыгнуть он не успел. Тварь, чья голова, вылезшая на поверхность, говорила о рептилоидной основе мутации, раскрыла огромную пасть.

Славик, надеявшийся прыгнуть и расколоть споровый мешок с одного маху, просчитался. Мля, а сколько надежд было.

Мутант просто проглотил Ярослава вместе с железной лодкой и всем содержимым. Уровень адреналина в крови зашкаливал. Пережевывать пищу тварь не собиралась. И слава Богу.

Оценивая объективно свои параметры, Рыбник подумал о том, что по принципу питательности он, мелкий человечешко, был ей на один зуб.

Едва плавсредство с его единственным пассажиром, пересекло границу «снаружи монстра-внутри монстра», Ярослав почувствовал жуткий смрад.

Основу «букета аромата» составляла химическая кислятина, вкупе с приторно-сладким тошнотворным запахом распадающейся плоти.

На огромной скорости, влекомый течением потоков воды, которую чудище заглотило вместе с вкусным обедом, Ярослав коротким замахом глубоко вонзил туристический топорик в нёбо мутанта, свободной рукой уцепившись за язычок преддверия глотки.

Ощущение, как будто находишься в мультфильме, ей-богу.

Но весело почему-то не было. Упершись ногами чуть ниже, и поймав немного равновесия, Рыбник рукой, в которой был зажат топор, прорубил в тканях мутанта небольшой, но глубокий разрез, и, кое-как убрав оружие членовредительства за пояс, устойчиво зацепился освободившейся конечностью где-то в глотке твари.

Нестерпимо воняло. Дышать становилось все тяжелее. Казалось, с каждым потоком воздуха, рабочая поверхность альвеол неумолимо сокращалась. Нужно двигаться, нужно что-то делать.

Специалистом по смертоубийству Ярослав не был, но прекрасно представлял себе анатомию человеческого тела. Точнее, анатомию позвоночных существ. Где-то, чуть дальше по пищеводу в параллельной плоскости идет позвоночник, а там, где позвоночник, есть костный мозг, повреждение которого чем ближе к голове, тем фатальнее.

Твари очень не нравилась «крошечка», которая застряла в глотке и не давала сосредоточиться на следующей части мизерного обеда. Мутант делал глотательные движения до тех пор, пока Рыбник, помогая себе топориком шел дальше, исследуя красоту

пищеварительного тракта.

Вроде здесь. Подтянувшись, он крепко уперся ногами и одной рукой, прорубая себе дорогу в светлое будущее. Топор звякнул. Нет, здесь кость. Нужно ниже. Или выше.

Наконец найдя точку соприкосновения, Рыбник начал медленно, но верно долбить уязвимое место. Он цеплялся, как мог, весь в крови и задыхаясь от ядовитых испарений, которые окутывали его раз за разом в унисон с дыханием жадной до мяса твари.

Добрался. Все мышцы, в том числе и те, которые служили опорными точками телу, задергались в предсмертной агонии. Вдобавок ко всем радостям на Ярослава потоком вылилось изрядное количество синовиальной жидкости, которая приятными текстурами не обладала. А теперь деру.

Спасибо тебе, топорик, выручил.

Пробираясь через мышечную ткань, но только уже в шее, цепляясь изо всех сил, Рыбник почувствовал, что еще немного, и все телодвижения в своей пользе сойдут на нет.

Причиной послужил толстый костяной нарост, служивший этой мутировавшей амфибии наружным скелетом. Времени искать стыки пластин не было. Сознание, отравленное жуткими испарениями внутренностей монстра, собиралось покинуть вымотанное тело и улететь в далекие дали.

Нет, не пойдет. Рыбник бился из последних сил, орудуя топором, словно заправский мясник. Есть. Часть кости поддалась, но это только начало. Сквозь щель хлынул свежий воздух. Ничего приятнее в своей жизни до этого момента Славик не вдыхал. Муть в голове прояснилась. Все-таки он смог. И это очень радовало.

Ярослав вылез из туши через некоторое время. Его было не узнать. Непонятное существо, все в крови и какой-то слизи, оставляющей за собой дурнопахнущие следы. Рыбник упал на колени, и наконец-то дошло, что он находится на каменистом берегу. Суша.

А еще появилось осознание того, что бомжара шизофренией не страдал. На Земле таких тварей нет.

— Жмыыыых! — в ответ молчание. Запоздало понял, что в Стиксе лучше не орать. Целее будешь.

Ладно, спутника нет, но можно подумать о трофеях. В конце концов, он заслужил небольшой бонус.

Споровик Ярослав определил сразу и без всякой брезгливости рассек промежуток между «зубчиками», запустил туда пятерню, схватил содержимое, вынул зажатый кулак (не так-то просто это было сделать, костяные наросты не раздвигались, и он прилично оцарапался). Мутировавшая рептилия едва не сожрала его, и брезговать ценной добычей было бы, по меньшей мере, не очень умно.

Тем более, что хабар был залогом безбедного существования в течение N-ого количества времени.

Ковыряясь в споровом мешке, Рыбник отбросил какие-то непонятные нити, опутывающие заветные кругляши. Он аккуратно складывал все плюшки на плоский камень, напоминающий своей формой обеденную тарелку.

Ярослав не заметил, как за его спиной, из леса, появился Жмых, удивленно рассматривая человека, изгвазданного в крови и еще чем-то непонятном, но сейчас занимающегося очень важным и полезным делом.

Он подошел к Рыбнику и всей своей мощью легких гаркнул:

— Да мы богаты, братка! — сказал Жмых, оценивая содержимое споровика недавно

убитой Ярославом твари. Четыре матово-черных кругляша и три перламутровых, два черных и один красный.

— Почему это мы? — Ярослав сощурил глаза, — монстра убил я.

Делиться столь знатной добычей ему не хотелось совсем, но разум подсказывал ему, что убийства людей друг другом происходят в Улье в основном на почве жадности, либо личной неприязни. Жмых хоть и славный парень, крестный как-никак, но ведь не зря одна из христианских заповедей гласит: «Не введи во искушение». Да, жадничать сейчас смысла нет.

— Я увидел монстра и предупредил, а еще я тебя до стаба доведу и помогу амуницию подобрать недорого и у проверенных поставщиков. И это.... Можно мне немного этих нитей? Я смотрю, тебе они без надобности.

Про нити случайный попутчик ничего не говорил. Забыл? Возможно. Ладно, самое ценное я к рукам прибрал.

Ярослав улыбнулся, все еще не собираясь давать понять Жмыху, что тот в доле.

Да и вообще. Если рассказанная этим бомжарой байка — правда, а все к тому идет, пора вытаскивать наружу свою нелицеприятную сущность. Быть приличным человеком — удел мирных граждан. А здесь... Что здесь? Беспредел, ага. Вот и примерим маску отморозка. Хотя бы на время.

— И сколько ты хочешь?

— Одной жемчужины мне достаточно. Черной, — по Жмыху было видно, что он сам офонарел от своей борзости. На снисходительный кивок Рыбника по поводу бесхозных нитей, резво прибрал своими граблями все, что плохо лежит.

— Две горошины и одна жемчужина, черная — сказал Ярослав, — Но! Попытаешься мне нож в спину воткнуть или горло перерезать, — он опять сощурился, — привяжу тебя вниз головой к ели, повыше, и пушу кровь. Будешь висеть долго и мучительно. Монстры тебя унюхают, но доберется самый ловкий. Ощущения будут незабываемые, поверь.

— Не, братка. Жмых не гнилье. Да мне, честно говоря, пары горошин с головой. Но от жемчуга отказываться не буду. В стабе спокойно с долгами рассчитаюсь, и опять в рейд пойду. Опять, же, если доберемся. Оружия у нас как не было, так и нет, а без огнестрела за пределами стабов делать нечего — верная смерть.

— Хватит рассуждать, — прервал монолог Жмыха Ярослав. Всю добычу он собрал в металлическую коробочку из-под крючков и закрепил ее в нагрудном кармане своего мокрого рыбацкого жилета, предварительно вывернув содержимое тот же каменистый берег. — Куда двигаем?

— Нам бы обсохнуть, да тряпки выстирать, на запах крови можно толпу желающих пообедать собрать.

— Ок. Сполоснуться мне не помешает.

Все процедуры заняли у Рыбника немногим больше пяти минут. Он, как мог, выстирал свои тряпки, окунулся сам, и был готов к следующему переходу.

— Пошли. С ногой что?

— Да заросла почти. Крови нет, выполоскалась в реке вся.

— Ну тогда двигаем, бодрячком.

Берег реки был усеян небольшими гольшами среднего размера, кое-где встречались небольшие островки травы, упорно пробивающейся сквозь булыжники.

А ведь не только у людей есть воля к жизни. Идти было не особо приятно — с точки зрения удобства Ярослав бы предпочел старый добрый асфальт.

Хоть не песок, и то радует. В сапогах чавкало, и далеко не майский ветерок охлаждал тело до зубовного скрежета. Вдобавок дико хотелось есть. Вдоль берега рос все тот же густой и жуткий ельник, шагать было далеко, погода стояла так себе — хмуро, свинцовые тучи висели низко над головой, от этого настроение было гадкое, несмотря на хорошую добычу, которую, как уверял Жмых, не всякий рейдер в глаза видел.

— Рыбник, слушай, братка. Совет тебе хочу дать. Ты, это, пока не поздно, жемчужину-то одну съешь.

— Зачем? Она же только для развития дара пригодна. А его у меня пока что нет. Так что жрать нехилые деньги я не собираюсь.

— В стабах поговаривают, что съевший жемчужину новоиспеченный иммунный приобретет дар, который ему действительно нужен.

— То есть, имеет право выбора?

— Не совсем. Способность активизируется в определенный момент, когда она тебе действительно нужна... Например удираешь от бегуна — рррраз, и у тебя суперскорость, причем уровень способности не зачаточный, как у всех, а прилично развит.

— Мне суперскорость не нужна.

— Это я для примера. Кстати, будь любезен, отдай сейчас мне мою жемчужину.

Ярослав, не задавая лишних вопросов достал коробочку, открыл, взял черную жемчужину и две горошины. Протянул Жмыху.

— Горох пусть пока у тебя полежит, до стаба доберемся, — отдашь, сейчас он мне без надобности, — он протянул руку и взял перламутровый шарик. Посмотрел на него пару секунд и закинул в рот.

— Вот теперь мой дар бесполезным быть перестанет, — Жмых криво ухмыльнулся. — Спасибо тебе, братка.

— На хлеб не намажешь.

Ярослав остановился ненадолго, ссыпая горошины обратно в коробочку, и взял красный шарик. В ладони потеплело.

То, чего меньше — зачастую самое ценное.

Тоже закинул в рот.

Через несколько секунд Славик почувствовал маленький костерок, начинающий тлеть где-то в районе желудка. По нутру пронеслась волна жара, согрев промерзшие кости. Может и повезет получить действительно ценный дар.

Лишь бы не мужиков очаровывать. Если девушек-нимф просто побаиваются, стараясь не связываться, то мужика завалят, не особо задумываясь. Ярославу такая перспектива улыбалась мало.

Жмых заметил:

— Это хорошо, что красную съел, в таком деле экономить нельзя.

— Я вот все думаю.

— О чем?

— Если достать ту тварь и сделать из нее чучело, мне бы пришлось перестраивать дачный дом, — он улыбнулся. Мысль о том, что его коллекцию пополнил еще один трофей, грела душу.

— Да редкий улов. Встречу с водными тварями переживали единицы.

— Ты говорил, что на воде безопасно.

— Я говорил ОТНОСИТЕЛЬНО безопасно. Такие монстры встречаются редко, и

единицы. Почти все — элита. Уж не знаю, чем и как они обжираются в местных водоемах, но факт в том, что конкуренции у них здесь нет. Обычно элитники очень умные, даже не пойму, почему эта тварь дала тебе себя завалить.

— Она и не дала. Просто такая голодная была, что разжевать не додумалась. Тебе бы стало легче, если бы она меня сожрала? Поверь, через пару секунд мы с тобой были бы в одном желудке.

— Да не в этом дело, братка. Я видел, что с ней что-то не то. Заглотив лодку, она сразу же выбросилась на берег и легла, как будто ей кто-то хороший кирпич на голову положил. Я даже задумался над таким ее поведением.

— Над поведением пусть психиатры думают. А я действительно рад, что целый остался. Топором чикал ей нутро уже на автомате, думая, что все, бесполезно.

— Да я вообще не представляю, как ты умудрился элиту одним туристическим топориком зарубить.

— Жить хотелось, да и топор острый был. Тем более, что другой возможности убить у меня не было. Это ты знаешь, мог и оценить объем поставки. Один хрен если бы что-то пошло не так, были бы мы с тобой, Жмых, на аминокислоты да моносахариды разложены.

Глава четвертая. Черная пустыня.

Чукча хвалится своими приключениями на охоте в пустыне: Иду я по песку, вдруг вижу — лев! Достал кинжал, бросился и сразу хвост отрезал! — Зачем хвост, надо было голову. — А головы там не было....

Дальше шли молча. Спустя двадцать минут ельник с своим каменистым берегом исчез. Река пошла дальше, лишь цвет воды поменялся на глубокий синий. А вот с ландшафтом произошла совсем беда. Устойчивый камень сменился черным сыпучим песком, ходить по которому было достаточно трудно, особенно в резиновых сапогах. Это еще хорошо, что поклажи нет, — думал Ярослав, напрягая мышцы, стараясь идти хотя бы отчасти, но все-таки бодрым шагом, — не, ну от нескольких килограмм еды он бы сейчас не отказался.

Жары тут тоже не было. По всей видимости, климат в Стиксе стабильно-прохладный, причем на всех кластерах. Путники вышли к гребню исполинского бархана, крестный предложил спуститься, чтобы не мелькать на открытом месте, ведь желающих перекусить твоей тушкой к Улье предостаточно, и часть пустыни, выдранной откуда-то из Монголии, так же не являлась оплотом безопасности.

— Эй, Жмых, а ты жрать хочешь?

— Хочу.

— А долго еще телепаться?

— Не, потерпи, братка. Пару километров отшагаем, воон до того холма, пересечем его, потом бегом минут пятнадцать — и на месте.

Рыбник хмыкнул. Пара километров по этому жуткому песку приравнивались по затратам энергии к десяти, а то и к пятнадцати. Он смотрел под ноги. Отвлечшись от созерцания жуткого черного месива у себя под ногами Славик поднял глаза на Жмыха и упал, споткнувшись обо что-то.

Жмых заржал.

Нихера смешного в том, что я нажрался песка, нет.

Рыбник поднялся и решил рассмотреть, на что это он напоролся на ровном месте. Жмых продолжал ржать и тут Славик понял из-за чего.

— ЭТО что, мля, здесь делает??!

На песке, гордо возвышаясь, стоял самый обыкновенный каменный половой орган. Жмых уже начал давиться хохотом. Чуть дальше, сантиметрах в тридцати от Славика стоял еще один, точно такой же, только размерами поскромнее. Дальше еще один, и еще.

— Это...я... я.... — Жмых наконец отсмеялся и членораздельно проговорил — Прости, братка, это я свой дар отрабатываю.

— Сразу видно, с бабами в Улье проблема. Че б полезного сделал.

Перед ним тут же нарисовалась табуретка.

— Ты предлагаешь посидеть?

— Я просто не знаю, что из песка можно сделать полезного.

— Оружие сделай.

— Ага, бронетранспортер с крупнокалиберными пулеметами, вдобавок ко всему работающий от того же песка.

— Как идея. Подумай об этом на досуге.

Заниматься разговорами на открытом месте в Улье Минздрав предупреждает, Рыбник и Жмых старались пересечь местность как можно быстрее и незаметнее. Погода теплом по-прежнему не радовала. Жмых еле слышно пыхтел, стараясь держать бодрый темп. Выходило из рук вон плохо. Немного грело то, что одежда начала-таки высыхать, уже не пробирая холодом до костей, а лишь слегка неприятно напоминала о купании в стылой воде. Так же низко висели тучи, в пяти минутах ходьбы виднелась граница кластера.

Рыбник вовсю собирал моральные силы для следующего четвертьчасового забега. Желудок давно жаловался на пустоту и одиночество, но Ярослав ничего не мог сделать. Оставалась лишь надежда на то, что в зимовье найдется хоть что-нибудь съестное. Он не отказался бы от высококалорийного армейского рациона, но в пустыне не то, что съестное, воду найти проблематично.

Где-то недалеко послышался рокот большегрузной машины — с легковушкой не спутать. Или двух. Количество машин на слух Рыбник определять не умел.

— Похоже на рейдеров — прокомментировал Жмых.

Судя по тому, что крестный Ярослава не торопился выбегать навстречу гулу мотора, он подумал, что человек человеку в этом мире далеко не брат, а выпрыгивать из укрытий к кому попало весьма опасно для здоровья.

К рокоту, издаваемому грузовиком, добавился треск автоматной очереди, на грани слуха можно было уловить знакомое уже урчание.

— Шумят чего-то, походу монстры напали, — заметил Жмых.

— Я думаю, стрелять просто так они бы не стали.

— Ага, сейчас всех тварей с округи соберут. Нам повезло, отвлекут от нас внимание.

— Тебе не кажется, что нам нужно будет сходить посмотреть что там? — автоматная очередь стихла.

Послышались взрывы. Ко всему прочему прибавился вой пулемета, до этих пор отчего-то молчавших.

Наверное, сначала мелкотня прибежала, вот и не стали крупнокалиберники использовать. А сейчас, судя по всему, время пришло.

Славик на мгновение показалась, что там, вдалеке, кто-то истошно кричал. Или не послышалось. В любом случае, люди очередной раз отстаивают свое право на жизнь в Улье.

— И зачем нам туда идти?

— А тебе не приходит в голову, что там можно будет раздобыть оружие?

— Не факт.

— Попробовать стоит.

— Ты прекрасно понимаешь, что не сейчас. Теперь слушай. — Они перешли границу кластера, под ногами появилась пожухлая прошлогодняя трава. — На счет три — за мной, бегом! Один...три! — Жмых бодро порысил в сторону ближайшего перелеска, Ярослав постарался не отстать.

Обувь удобством не блистала, Рыбника подстегивала лишь мысль о том, что еще немного, и он все-таки кинет свою уставшую тушку в подходящее место. И наконец-то набьет зверски зудящий желудок.

За перелеском открылась земляничная поляна, и Ярослав уже в сотый раз проклял Улей. Ну почему, блин, здесь так опасно?! Почему именно ему так повезло здесь оказаться, в этом убогом диком мире? Что он сделал в своей жизни не так?! За что, мля?!

Они остановились на краю строя реденьких деревьев, чтобы осмотреться. Отдышавшись не более минуты, мужчины огляделись. К юго-востоку от них струился столп черного дыма. Не было слышно ни звука.

— Походу отвоевались ребятки, — тихо заметил Жмых.

Ярослав не знал, что ответить.

— Жаль, — выдавил он из себя дежурную фразу.

— Кого жаль?

— Да никого не жаль. Уверен, что если я склею ласты, по мне тоже плакать никто не будет. Побежали дальше.

— Не будет.

Жмых, как и Рыбник не заметил ничего подозрительного, наверняка, все монстры в округе сейчас потрошат большегрузную консервную банку, начиненную вкусным сладким мясом. Славик сделал себе зарубку все-таки туда вернуться. Жмых против не будет.

Они пересекли земляничную поляну, густо усеянную мелкими сочными ягодами. Кошки скребли на душе от зрелища ароматных плодов, размазывающихся по подошвам армейских ботинок Жмыха. Край этого пятачка вздымался исполинским валом. За ним начался настоящий таежный лес.

Они удалялись от реки на северо-запад по едва заметной тропе. Жмых сделал знак сохранять молчание, и их бег сопровождался лишь пыхтением двух потных уставших мужиков, вымотанных до полуобморочного состояния.

В процессе Рыбник вкусил все прелести летней тайги: невероятное обилие комаров, мошкеры, которые были готовы сожрать тело не хуже того же бегуна, лишь намного медленнее и изощреннее.

Лес был сумрачным, но легкопроходимым. Ни одного кустарника, лишь подстилка, сплошь состоящая из опавшей хвои, была покрыта вездесущими лишайниками. Жмых передвигался между исполинскими елями и пихтами уверенно, и Ярослав понял, что их путь помечен массивными насыпями сухих старых веток явно рукотворной природы.

Из последних сил перебирая ногами Рыбник и не заметил, как в 30 метрах от него открылся вид на небольшое таежное зимовье. Небольшая землянка, заметить которую издали было достаточно сложно. Крыша была густо покрыта лапником, а стены ненамного возвышались над общим ландшафтом.

Издали, да еще и с отвратительным зрением, можно было бы принять за большой холм. Напарник обогнул землянку. Убрал массивный кол, подпирающий дверь, заскочил внутрь,

заложил вход изнутри двумя деревянными досками внушительной толщины. И выдохнул, опустившись на пол. Ярослав последовал его примеру.

— Добрались, — в голосе Жмыха звучало торжество. — Добрались, братка, все-таки. Ща, со светом что-нибудь решим. Он пошарил на полке, справа от двери. Зажег две свечи. Одну поставил на стол, другую оставил себе.

Потом он поднялся, подошел к исполинскому деревянному шкафу, по-хозяйски открыл и начал ковыряться в содержимом.

— Что есть будешь? — пробубнил Жмых, перебирая по полкам. — Есть консервы, бич-пакеты, сырокопченая колбаса

— Все буду.

Напарник достал из нутра шкафа портативную газовую горелку.

Вода в бутылках, — он кивнул в сторону входа, — чайник набери.

Пока Ярослав возился с посудой, Жмых оформил «дошираки», дополнив их содержимым банок с говяжьей тушенкой, Нарезал колбасы.

Рыбник поставил чайник на огонь и уселся за стол, гипнотизируя газовую горелку. У него появилось время оглядеться. Обстановка была так себе, но охотничье зимовье — не зал для приемов.

Помещение без окон, с толстыми деревянными стенами. Не сказать, что роскошно, но вполне себе чисто и уютно. Из мебели — две кровати, стол с тремя добротными табуретками, каменная печь в углу и безразмерный неотесанный шкаф.

В его нутре и ковырялся Жмых. Он что-то перебирал, негромко переговариваясь сам с собой.

Ярослав взял большую амбарную тетрадь, лежащую здесь же, на столе, открыл на последней странице, начал читать.

***Динго, Албанец. Отсиживались пять дней. Без происшествий. В окрестностях тихо, спасибо Туману за патроны. Оставили баллоны к горелке и тушенку, пару бутылок живчика. Извините, ребята, больше лишнего не было. Салют!**

***Позер, Носорог, Ковтун. Переночевали. Было тихо. В кластере монстров не видел. Спасибо Динго за живчик. На границе ячейки видел обглоданные кости. От ребят остались оружие, ножи, патроны. Оставляю в землянке. От себя ложу две пары ботинок и комплект камуфляжа, всем удачи.**

***Коперфильд и караван. Тихо. Оставили спек и перевязочный материал. Область применения и дозировку смотрите в упаковке. Объединение знахарей в Волгограде. Круглосуточно. Ул. Гимназистов, д.108, 2 этаж. Всем добра.**

Закипел чайник. Рыбник выключил горелку, залил кипятком «Дошираки» и кружки с растворимым кофе. Жмых наконец-то оторвался от содержимого шкафа, вернувшись с бутылкой коньяка и двумя пластиковыми стаканчиками.

— Я так понимаю, эта землянка — касса народной взаимовыручки?

— Как-то так, братка. Одни приходят, берут то, в чем нуждаются, оставляют что-нибудь свое, для тех, кто заглянет позже. Делают записи в журнале. Так сказать, оставляют свой след в истории. Здесь всего два дня пешего пути до Волгограда, для торговцев это вообще как место паломничества. — Жмых налил по пять капель и протянул стакан Ярославу.

— И кому они тут поклоняются? — Рыбник принял посуду, понюхал, глянул на бутылку. Ого, «Реми Мартин Кентавр диамант». Видимо, с удовольствием в Улье проблем нет. Это был далеко не тот коньяк, который следует пить из пластиковых стаканчиков, но за

неимением лучшего и так хорошо.

— Примета у них есть. Если в зимовье не зайдешь и не оставишь там сколько-то благотворительной помощи — удачи в походе не жди, не будет. Тем более, зачастую они в журнале размещают свою рекламу. Ну, братка, по традиции Улья, первый тост за удачу!

Выпили. От спиртного изнутри поднялась волна добра, свойственная для напитков с маркировкой «коньяк». Настроение Ярослава резко пошло вверх.

— А не находились желающие нахалюву разжиться патронами, оружием с целью материальной выгоды?

— Находились. И их потом находили. Проводили воспитательную работу и выкидывали вон из стаба без возможности возврата. Жадностью здесь страдают все, как и паранойей — он ухмыльнулся, — но есть зимовье. И никто не имеет права брать отсюда больше, чем действительно нужно.

Жмых сел, придвинул к себе «Доширак». Открыл, перемешал. Славик сделал то же самое. Пять минут прошли в молчании, нарушаемом лишь вжиком пропадающей во ртах голодных мужиков корейской лапши.

Закончив с нехитрым ужином, Жмых щедро плеснул коньяк в опустевшие стаканчики.

— Ну, братка, за смысл жизни. Чтобы у тебя здесь он появился. — Жмых выпил свой коньяк залпом. Выдохнул, — а то понаразвелось среди иммунных суицидников, не хотелось бы, чтобы ты был в их числе.

— Что, много?

— Достаточно. Здесь тенденция такая. Потерял семью — в петлю, бросила девушка — так надо обязательно с высоты сигануть, просрал караван, потерял статус — вены вскрыл. И в голову никому не приходит просто пойти за стены стаба и отдать себя на растерзание мутантам. Нееет, сдохну и всем нагажу, вот пусть власти думают, что потом делать с моей мертвой тушкой. Хоронят, сжигают. Нет, ну правда, твари же тоже живые, жрать хотят. Вот че проблемы создавать?!

Вспомнив о жене, детях, об их уютном гнездышке, которое пахло, как лавка с благовониями, Славик вздохнул. Вроде бы как все сходится, и Жмых четко обрисовал картину мира, но просто так взять и смириться с тем, что больше никогда не увидишь близких тебе людей — сложно.

В подкорке засела мысль о том, что он просто сошел с ума и тело его лежит где-нибудь в психиатрической лечебнице, в то время как больное сознание фонтанирует постапокалиптическо-бредовыми идеями. Но полнота ощущений говорила об обратном. Ладно, что гадать, будем справляться с проблемами по мере поступления.

— Как соберусь лишать себя жизни, обязательно вспомню твой монолог. — Ярослав отпил глоток кофе из кружки, решив свести разговор в другое русло, спросил, — а это тоже стаб?

— Да, только небольшой и почти безопасный.

— Колочей проволоки вокруг я не видел, с чего он вдруг безопасный? — Ярослав заинтересованно посмотрел на своего крестного.

— С юга его омывает река, севера и запада — черный кластер. На востоке — кластер с монгольской пустыней, но там монстры шарить не любят. Пустыня, что уж тут скажешь, если перезагружается, то наверняка такая же пустая и безлюдная. Ловить мутантам нечего. И некого. Сквозь черные кластеры монстры также не гуляют — предпочитают обходить стороной. Сюда можно забрести либо со стороны пустыни, либо со стороны оживленных

торговых путей, там узкий проезд между двумя черными кластерами, напрямик к зимовью ведет. Монстры по стабам стараются не шарить — мяса нового не появляется. Поэтому здесь мы в относительной безопасности. Можно передохнуть, восстановить силы, пополнить запасы, потом двинуть дальше.

— Про воду ты тоже говорил, что она безопасна. Вообще, как я понял, в Стиксе быть уверенным в своей полной сохранности нельзя. И это, я спать хочу. — Рыбник зевнул, и как раз подумал о том, что неплохо бы было сейчас завалиться и проспать часов двенадцать. А с утра все будет ясно.

— Даже и не думай. Сейчас оружие подберем, снарягу какую, потом спать.

— А обязательно делать это сейчас?

— Вдруг ночью что, жуть какая придет, а ты ее топориком встречать будешь? Или, может быть, оглушишь электрошокером?

— Уговорил.

— Я не уговаривал, братка, а объяснял всю целесообразность выбора оружия на данный момент. — У Жмыха в голосе скользнули менторские ноты.

— Я понял, — Ярослав на мгновение растерялся, понимая, что сейчас он опростоволосится, — я не разбираюсь в оружии.

— Ясно все с тобой, — тон Жмыха никуда не делся, — а теперь, ИНТРИГА. — Он достал из шкафа несколько увесистых ящиков. — Открываем заветные ларчики. Я сюда еще не заглядывал.

Жмых по очереди открыл все короба. Ярослав стоял рядом, оглядывая содержимое. Угу, пара ящиков со стволами, пара — с боеприпасами, патроны, гранаты, масло, шомпола и прочее. Один ящик с кирками уменьшенных размеров, еще — с арбалетами, стрелами и всякой-всякой мелочевкой.

Глаза Жмыха восхищенно загорелись.

— Неужели! Моя прелесть, мой старый добрый друг — он любовно взял один из стволов. — Красава, — он повернулся к Рыбнику.

Ярослав узнал в любимце Жмыха винторез. Пока Рыбник соображал, в каком сериале его видел (оружием он особо никогда не интересовался — не было ни времени, ни интереса, в армии он не служил по медицинским показаниям) Жмых уже деловито шарил в другом ящике, выбирая коробки с патронами. Он уже и запасными магазинами упаковался, шустрый, мля.

— А мне что взять? Может, подскажешь? — Ярослав напомнил о себе, когда, его крестный, увлекшись, уже обшаривал третий короб, доставая смазку и прочие приспособления для ухода.

— Ага, сейчас, братка, он вернулся к ящику со стволами. Объясню подробно. У меня винторез. Этот красава бьет бесшумно и далеко, была бы на нее оптика — вообще шоколад. Но, как говорится, в бочке меда... В комплекте голый ствол, оптики нет, фонарика тоже. Жаль. Гранат мало, но имеются, если знаешь, как обращаться, бери. Компенсирует низкую убойность патрона основного калибра. Въезжаешь?

— Немного.

— Дальше. По логике вещей, если мы ходим парой, а пока что это так, тебе нужно выбрать убойный дробовик, далеко не постреляешь, шума много, но на близких дистанциях самое оно. Будешь бить почти в упор — редкий монстр останется равнодушным. Поражение на дистанции 30 метров, держи — он достал ствол. — Это М4. Полное название Benelli M4

Итальянка, убойная. Сайги здесь нет, поэтому берем ее. По патронам. Он подошел ко второму ящику. Выбрал несколько коробок. Это твои. Патроны на нее 12/76. Запомни как отче наш. Завтра постреляешь из моего красавца, твою голосистую дуру, использовать можно лишь в крайнем случае — у тварей слух хороший — сбегутся за десяток километров окрест. Все понял?

— Да.

— Повтори.

— Мой патрон 12/76, без острой нужды не стрелять.

— Вот и отлично, пошли к столу, покажу как че заряжается. И это, клюв себе выбери.

— Кого?

— Клюв. Эти мини-кирки. Хорошо потрошат споровики, имеют хорошую проникающую способность.

— У меня топорик неплохой.

— Как знаешь, мое дело — предложить. А я себе возьму.

— Слушай, Жмых, я действительно с ног валюсь.

— Топор под подушку, ствол рядом с кроватью — и спи себе спокойно, только думай, что проснешься дома в своей кровати. Это я так, братка, твои надежды обрубаю. Все мы надеемся в первую ночь уснуть, а проснуться уже дома, и понять, что все, что было с тобой в Улье — страшный сон. Что нет никаких кластеров, никаких тварей готовых тебя сожрать с удовольствием, что ничего этого нет и никогда не было. А не получается, братка, ни у кого еще не выходило. Так что прими реалии и живи дальше.

— Жмых, я просто хочу спать.

— Доброй ночи, ага. Я еще чуть в шкафу пошарюсь и тоже на боковую.

То ли пережитое за прошедший день дало о себе знать, то ли долгие прогулки на свежем воздухе так повлияли, Ярослав уснул моментально. Рыбник провалился в глубокий сон без сновидений, свойственный людям, занимающимся тяжелой физической работой.

Он не услышал, как Жмых перебирая оружие, хранящееся в ящиках, здесь же, в шкафу, выбрал хороший охотничий нож и подошел к спящему напарнику.

Внимательно изучив сопящего Рыбника, Жмых убрал нож и с облегчением выдохнул.

— Не переродится все-таки. Надо же, прет ему удача, только рот успевай раскрывать.

Подойдя к столу, Жмых задул свечи и завалился на соседнюю кровать. Ему нравился этот спокойный и собранный парень. О лучшем напарнике и мечтать не приходится. Лишь бы гнилью не оказался.

Он вспомнил своего последнего крестника. Тот, едва представилась возможность, умотал со всем снаряжением Жмыха. Самого же крестного Сезам запер в подсобке магазина, где они собирались пошарить в поисках оружия. Стволы здесь дорогие, вот и хотелось хоть чуть, но поднять денег. Затарились они хорошо, вот только напарник у Жмыха был гнидой.

Вырубил, затянул в подсобку, запер и ушел по-английски, не прощаясь. А и хрен бы с ним, с тем Сезамом, подумалось Жмыху. Не будь Сезама, он бы не удирал он бегунов на том мосту для поцелуев, не встретил бы Рыбника.

Ярославу, конечно Жмых наврал и про группу, и про рейд, не хотелось, чтобы новичок узнал, как старожил лоханулся, на секунду отвернувшись от своего напарника.

Ладно, завтра, все завтра, завтра будем думать, что и как. Он закрыл глаза.

Не все ли равно, — усмехался внутренний голос, — ты бегаешь по кругу, и бег этот

закончится лишь когда тебя сожрут, ну или убьют.

Заткнись, — Жмых скривился, — еще побарахтаемся. И тут усталость все-таки взяла свое. Он уснул.

Ночь прошла спокойно. Рыбник открыл глаза, оценил обстановку. Провалами в памяти он не страдал. Вернувшись взглядом на соседнюю кровать, увидел, что Жмых зашевелился, потягиваясь.

— Слышь, Жмых, а с женщинами в Стиксе действительно туго? — Ярослав встал.

— Туговато, но не сильно, — он поднялся с постели, похрустев позвонками, разминаясь, подошел к умывальнику. — Туалет на улице, хватай ствол, пошли.

— Мне теперь всю оставшуюся жизнь со стволом наперевес бегать?

— В стабе можешь жить и без оружия. А так, изволь, хочешь жить — защищайся.

Позавтракали приличной порцией картофельного пюре быстрого приготовления с тушенкой, салатом из морской капусты. Ярослав ее обожал, в то время как Жмых ел чуть ли не с отвращением.

— Не нравятся водоросли — жуй фасоль. — Рыбник уплетал с завидным аппетитом.

— Да в печени уже сидят эти консервы. — Жмых скривился.

— Альтернативы нет, — Ярослав, не переставая жевать, высыпал пакетик растворимого кофе в кружку.

— Ага, мне тоже поначалу казалось, что это терпимо — есть из банок холодную тушенку или кашу, «доширак» или пюре — вообще роскошь, потому что кипяток в походе — вещь труднонаходимая.

— Тушняк на спиртовке греть можно, а кипяток — в термосе таскать.

— Это ты сейчас умный такой, — Жмых, казалось, обиделся, — Братка, я о другом речь веду, если ты не понял.

— Ты о женщинах, что ли?

— Да.

— Я все прекрасно понял, не тупой. Конечно, на завтрак хочется кушать блинчики со сгущенкой, на обед — вчерашний борщ со сметаной и прочие прелести семейной жизни. Так я говорю?

— Да. Рыбник, ты был женат?

— Ага. А ты?

— Немного.

— Тут немного не бывает. Либо ты женат, либо нет.

— А у меня было немного. Я всю свою жизнь дальнебоем отпахал. Два раза женат. Два раза разведен. Дети, взрослые уже были, самостоятельные, когда я сюда попал.

— И чего тебе женатым не сиделось?

— Так обе и ушли, потому что борщи с блинчиками я не ел. Даже странно, там, дома, я этого совершенно не ценил, думая о том, что на пенсии буду сидеть и уплетать паровые котлетки, а сейчас — еще молодой, надо денег, больше и больше, надо работать.

Не вылезал из рейсов, бывало, месяцами дома не появлялся. Жене скучно, завела ухажера, влюбилась, ушла. Со второй точно так же. Третий раз я уже не рискнул, смысла не видел. Вот сейчас есть у меня на примете одна женщина, а подойти стремно, не поверишь, братка. Я же в рейдах постоянно.

— Найди себе занятие в стабе.

— Думал, да должок у меня висит большой, я только рейдерством отработать могу, в

стабе таких зарплат нет. Вот рассчитаюсь — достану или куплю шикарное кольцо, сделаю Аконите предложение.

— Она в курсе?

— Я думаю, она догадывается — Жмых мечтательно улыбнулся.

И стал ковырять свою капусту дальше.

Рыбник и на Земле отличался природной любознательностью, поэтому во время сиесты после завтрака, выпытал у своего крестного еще больше информации об Улье. Ничего нового для себя не открыл — Стикс был похож на миры вселенной постапокалипсиса, так часто описываемой в современной фантастике. Читать Славик любил, почти так же как рыбалку, поэтому ни наличие внешников, муров, килдингов, трясучку и прочие прелести Улья его не удивили. Все как всегда. Человечество предсказуемо.

После сиесты решили сделать вылазку к месту вчерашнего побоища. Наверняка монстры уже все сожрали и поскакали дальше по своим черным делам. А за мародерство здесь «ай-ай-ай» никто не говорит. Пропустил выгоду — идиот.

Собрали рюкзаки. Помимо оружия и боеприпасов уложили по рюкзакам аптечку, гранаты, четыре коробки сухпайков, бинокль, кое-что по мелочи. Жмых на пояс подвязал флягу с живчиком и клюв. У Рыбника снаряжение было почти такое же, только вместо клюва топор и кроме всего прочего, в боковом кармане рюкзака торчал двухлитровый термос с кофе. Электрошокер и одну горошину он оставил в шкафу. В журнале сделал запись.

Жмых, Рыбник. Тихо. Спасибо Туману за боезапас, всем остальным — за тряпки и живчик. Оставили электрошокер и горох. Больше нечего. Всем удачи.

Двигались по той же дороге. Небо было ясным, светило солнце. Вообще насчет погоды в тот день стояла благодать. Шагали молча и быстро. За час добрались до места побоища, предварительно осмотрев местность в бинокль. Два развороченных грузовика и кучи ошметков органики, от костей до кусков приличных тварей. Видимо, сожрали не все. Признаков жизни видно не было.

Неудивительно.

Глава 4. Катенька

Дача. Бабушка с внучкой пьют чай. На столе стоит варенье, к которому с разных сторон ползут муравьи. Девочка, недолго думая, раздавила одного.

Бабушка давит на жалость ребенка:

— Лизонька, ты что, как же так можно?! Муравьишки тоже ведь живые, им больно! У них детки есть! Вот представь: сидят они дома и ждут свою маму... А мама не придет...

Лиза (дав пальчиком очередное насекомое):

— И папа тоже не придет!

День переброски в Улей для Фаины Анатольевны ничем особенным не отличался.

Совершенно обычное утро. Типичный завтрак двух пожилых людей. Овсянка, пара ложек меда и горячий чай.

Она должна была забрать внуков из деревни и отвезти к родителям. У зятя и дочери времени не было. Она вела свой маленький Крайслер PT Cruiser (с возрастом Фая не потеряла желания иметь красивые вещи) по новой недавно отремонтированной трассе.

Понарожают, — думала она, наслаждаясь пустынной дорогой (больше всего на свете ее раздражала езда по городу в одном потоке с безбашенными обезьянами), — а ответственности — ноль.

Отправили детей к черту на кулички, бабушка Фаина, выручай, забирай скорее своих внуков, а то же пропадут в деревне, ведь в школу завтра.

А Володька, козел старый, колени у него болят. С хера ли болят, всю жизнь его зад возили на работу, целыми днями он свою пятую точку с дивана в кресло пересаживал. Свинота.

Фаина Анатольевна перебирала в памяти события жизни — все, что у нее осталось. Реальность радовала не особо, старая уже стала, болячки дают о себе знать. Ей 45, и каждый год приближает к черте. К точке невозврата.

Школа, университет, красный диплом и многообещающая интересная профессия. Фаечка уже договорилась с директором аудиторской фирмы о стажировке. И как всегда в самые прекрасные моменты жизни. Две полоски. Замужество. Первый ребенок.

Пеленки, отрыжки, какашки, зубы режутся, постоянное недосыпание, взятка директору детского сада, а потом — вторая беременность. Куда же без этого, ведь один ребенок в семье — эгоист, да и вообще, несерьезно как-то.

Муж вечно прячется на работе, ни слова поддержки, пьяные необоснованные скандалы и початые пачки презервативов в кармане.

Слезы в подушку от ощущения собственного бессилия. В определенный момент в ней что-то оборвалось.

Фаина в то время наконец-то расставила для себя приоритеты — ее задача — сохранить семью. С того момента и определила в своей голове четкий план действий.

Идеальная чистота в доме, полный холодильник вкусной еды, никаких скандалов и красивая, довольная и всегда ласковая жена — вот что получил Володька, муж Фаины Анатольевны.

Знал бы он, каких усилий ей стоило поначалу не выплеснуть ему кофе в морду на «что-то кофе несладкий». В голове проносилось «руки-ноги есть, иди добавь сахара сколько нужно, в душе не *бу, вчера ты просил одну ложку, позавчера положил четыре».

Вместо этого она улыбалась, забирала чашку и шла за сахаром, скрепя зубами.

Со временем свыклась. Впрочем, Володька до сих пор видел в ней прислугу. В душе она тихо его ненавидела.

Конечно, не такой уж он был и плохой, после того, как он подцепил хламидиоз от очередной своей пассии, и они дружно вдвоем ходили на прием в КВД(кожвендиспансер — Прим.), гулянки Володьке как отрезало.

Фаечка уже отправила в детский садик второго ребенка, вышла на работу на полставки, и забеременела третьим. Пообещав себе, что этот ребенок будет последним, она свое слово сдержала.

Дети росли, их надо было учить, женить, помогать материально, в общем, когда Фаина поняла, что без нее уже ничего не развалится и можно себе выделить неделю-другую, чтобы поваляться на пляже, все радости полной беззаботности жизни утратили свою прелесть.

Ну не тот уже возраст гулять по ночным клубам, от лишней капли спиртного наутро голова болит так, что хоть вешайся.

А в медицинской карте стоял веселенький диагноз — «Пограничное расстройство личности», в нескольких словах, «отвалите от меня все, я вас ненавижу».

Вот так, в суете и заботах о детях, прошла ее жизнь. Все разъехались, в пустом гнезде остались лишь она, Володька и пара овчарок, ведь Фаечке же надо было о ком-то заботиться!

Итог всех страданий был на зависть всем подругам Фаины Анатольевны — один брак, длиною всю жизнь, обеспеченные жильем дети, хороший загородный дом. Дуры, всю жизнь пропели, ничему не учились, ничего не пробовали, ни к чему не стремились, — думала Фаина, улыбаясь в ответ на очередные завистливые речи престарелых «подружек».

Она ехала, перебирая в памяти воспоминания. Положа руку на сердце, с внуками в одной комнате она могла находиться не более получаса. На детей за свою жизнь она насмотрелась, желания возиться с ними у нее как не было, так в старости и не появилось.

Как только из дома уехал последний отпрыск, Фаечка, недолго думая, легла под нож пластического хирурга.

Как же орал Володька. «Ты у меня и так красавица». Ага, как же. Вся молодость прошла в уходе за детьми. Ничего себе. А время тикает. Фитнес — это хорошо, а с мордой что делать?

Это была ее единственная взбалмошная идея. Фая заслужила. За многолетний физический и моральный труд.

Врач криворуким не был, и результат работы мастера скальпеля и женской красоты порадовал. Выглядела она лет на тридцать. С небольшим.

Всех членов своей семьи Фая очень любила, никогда не стеснялась эту любовь выражать, но прекрасно понимала, что глубоко внутри страдает острой формой человеконенавистничества.

За окном автомобиля тянулись ухоженные фермерские поля бахчи, Фаине Анатольевне сильно приспичило выйти, хоть до деревни было рукой подать.

Она остановила машину на обочине, трасса и не была очень оживленной, но она решила добраться до ближайшего перелеска, разделяющего поля.

Фая не упускала из виду свое изящную железную лошадку, тем более, что внезапно начал сгущаться туман, отдающий острым химическим запахом. В небе, до того момента бывшего иссиня-голубым, засверкали молнии, земля ушла из-под ног.

Фаина не устояла и свалилась лицом в колючий куст тыквы. Поднявшись, она

обнаружила, что наступила ночь.

Я что, уснула в этой бахче?! Надо было идти к машине. Обернувшись, она не увидела линий электропередач, идущих вдоль дороги.

На сколько хватало обзора тянулась ровная засеянная местность полей. Фая пошла в сторону машины, но поле заканчиваться и не думало, она шагала уже полчаса, возвращаясь, петляя и ища верное направление.

В конечном итоге поняла, что заблудилась.

М-да, топографический кретинизм я так в себе и не изжила — думала Фаина Анатольевна. Это ж надо было машину в четырех кустах потерять.

Внуки так и не дождались бабушки.

Меня ж все ищут, наверное.

Тут она вспомнила, что телефон-то как раз был при ней.

Семья называется, ни одного неприятого вызова. Впрочем, сети тоже не было. Часы на телефоне показывали полвторого дня. Фаина встала на цыпочки, поводила трубкой из стороны в сторону, ища хотя бы слабый сигнал. Безуспешно.

Она села на землю и расплакалась. Впервые за пятнадцать лет. Последний раз она рыдала на свадьбе старшего сына.

Так Фаина Анатольевна и сидела, жалея себя и проклиная собственную тупость. Ничего дельного, как дожидаться рассвета, ночуя среди тыквы, в голову не приходило.

В поле зрения попала вспышка. Потом еще. Она увидела, а потом и услышала грохот взрывов. Трескотня автоматных очередей и крупнокалиберных пулеметов дополняла прекрасную симфонию разворачивающейся баталии.

Про себя решив, что кому-то наверняка понадобится срочная медицинская помощь, Фаина Анатольевна приняла направление и пошла в сторону сполохов огня. Поле казалось бесконечным. Ноги путались, цепляясь за каждый куст, она падала, вставала, шла дальше.

Ей понадобилось около получаса, чтобы добраться до места. К тому времени звуки перестрелки стихли.

Фая пару раз была свидетельницей страшных ДТП, но то, что сейчас открылось ее глазам, превзошло виденное в сотни раз.

Похоже, знатная разборка была, — подумала женщина.

Еще бы. Бронетранспортер, черный от копоти, явно обгоревший. Похоже, что-то пробило бензобак и спровоцировало реакцию с его содержимым. Сами по себе БТРы не загораются.

М-да. Быстренько он сгорел, еще недавно все полыхало, выдавая местоположение сборища за несколько километров окрест. Сейчас лишь слабо подсвечивается остатками пламени.

В кювете два «хаммера», их ни с чем не спутаешь. Напротив сгоревшего исполина повалены транспортные средства неизвестной конструкции. Таких Фаина Анатольевна нигде не видела. Двухэтажные КАМАЗы, ну, или ГАЗоны.

Даже в марках отечественных грузовых машин Фая разбиралась плохо, но крепость их внутренностей говорила о том, что это было сделано в России. Об этом же и кричали всем своим видом неприкрытые колесные диски. Трупы, десятка два, или три. Много, очень много.

Еще неизвестно, сколько людей было в этих двухэтажных уродцах, они походили на нечто вроде «автобусов», выгоревших дотла за компанию с броневиком.

Фаина Анатольевна решила обойти пепелище. На секунду задержавшись, попробовала по сотовому вызвать МЧС, полицию. Безуспешно. Сеть помахала ручкой и скрылась в неизвестном направлении.

Место пожарища было мертвым, ни намёка на движение. Вокруг все усеяно покореженными кусками металла, телами каких-то бандюгов, носивших при себе оружие, частями тел, принадлежавших явно не людям.

Ну не бывает у людей клешней с полметра длиной. Женщина даже растерялась, уговаривая себя, что ей просто все это чудится в темноте, от перенесенных переживаний.

Жуткая бандитская разборка на дороге, невозможность дозвониться до МЧС, все это ввело мыслительные процессы Фаины в полный ступор.

Надо двигаться дальше, ловить здесь нечего.

Фаина Анатольевна наконец сообразила, что она нашла дорогу. Теперь лишь остается поискать свою машину. Предполагая, что нужно двигаться в направлении, откуда пришла, Фая развернулась и зашагала прочь из жутковатого, воняющего гарью места.

Ночь была с переменной облачностью, да и света луны было недостаточно. Еще раз осмотревшись, подсвечивая мощным фонариком от смартфона себе под ноги, она семенила, обходя мусор, валяющийся на асфальте.

Гильзы. Стреляные. Оторванная волосатая пятерня. Нож, покореженный невообразимым образом.

В луч фонаря попала чья-то лысая голова странной формы с опухолью в районе затылка. Фаина ее обошла. Но простое женское любопытство заставило обернуться и подсветить лицо.

О, божечка, урод-то какой. Как вообще с таким лицом в обществе жить. Наверное, у бандюгов был в качестве инструмента для запугивания. Без костюма, как говорится. Носа почти нет, мертвые иссиня-голубые мутные глаза. Зубы, полный пэ. Хоть бы к дантисту сходил, подточил. Нельзя с клыками в десять сантиметров длиной по улице ходить. Убить могут, перепугавшись до смерти.

Кого я обманываю?! — это НЕ ЧЕЛОВЕК! Мозг Фаины Анатольевны в панике привел организм в такой тонус, что женщина была готова пробежать марафонскую дистанцию.

Она отвернулась от головы, собираясь дать старт от всего этого ужаса подальше и поскорей. Фаина еще толком и не успела разогнаться и пробежать пары десятков метров, как луч фонаря выхватил человека, наклонившегося над кучкой тел.

— Эээй. Вы целы? — мужчина повернулся и утробно заурчал. Со всех концов пепелища кто скоренько, кто очень медленно подходили к Фаине Анатольевне люди. И поползали тоже.

Все-таки кто-то остался жив. Только странные они какие-то. Неестественные движения не скрыл даже мрак ночи.

Фая думала, что урчание ей только слышится, слух могли травмировать достаточно близкие звуки выстрелов и взрывов. Ан нет. На слуховую галлюцинацию это похоже не было.

Урчащий мужик, находившийся на ближней дистанции, бросился на нее почти сразу. Смартфон упал, Фаина задержалась, совсем не соображая, как отбиться от настойчивого ублюдка.

Щелчок. Патрон лег в магазин. К нему поспешил присоединиться его кровный брат. Ружье поднялось, дуло уставилось в голову твари. Выстрел.

Бегун, еще недавно веселившийся на шикарной пирушке, не успел понять, что произошло. Голова, поймав порцию картечи, разлетелась на мелкие куски, обдав женщину малоприятным содержимым.

Это еще хорошо, что не успела закричать. Набила бы полный рот сальтисона.

С ушами совсем беда. Не привыкла к выстрелам, но неожиданному спасителю — большой поклон. Она попыталась приподняться, скидывая с себя тело агрессивного мужика. Точнее, его остатки.

Что за херня здесь творится?

Пальцы привычно дернули цевье, выбрасывая стреляную гильзу. Невидимый спаситель еще раз нажал на спусковой механизм.

Второй выстрел грохнул в голову следующего монстра. То, что от него осталось, еще продолжало бежать, фонтанируя кровью и прочими прелестями расчлененного тела.

Отщелкнуло, дробовик плюнул картечью в парочку, что обреталась поблизости. Движения у них были явно замедленные. Сталь словили оба, и тут же способности передвигаться у них поубавилось.

Урчания слышно не было. Да и Фая могла просто потерять способность воспринимать звуки.

— Че сидим?! — гаркнул неведомый спаситель. — Встала, пошла!

Фая немного оторопела от грубой речи, но пришлось подчиниться, ведь теперь ствол дробовика был направлен прямо на нее.

Ну вот, вляпалась, приключений на старости лет не хватало? Какой, Фаечка, хрен тебя понес на место разборки непонятных бандитов, а? Жалко? Да твоя жалость напрямую граничит с тупостью.

— Заткнись, — Фая решила усмирить свой внутренний диалог. — Вляпалась, ну да. При лучшем моменте постараюсь исправить ситуацию.

Так она и шла, подталкиваемая неизвестно откуда взявшимся мужиком, который вроде бы ее спас, вот только непонятно, зачем.

Слева под ноги скатился кусок покореженного железа, груды металлолома взорвалась, разбрызгивая вокруг ошметки липкой массы.

Лишь бы не кишки с дерьмом, подумала Фаина, продолжая идти.

Перечить агрессивному человеку с ружьем было страшно. Телефон был посеян где-то в грудях наваленных тел, шансы незаметно позвонить — нулевые. Да и кому звонить?

«Спаситель» за спиной ухнул, нечленораздельно булькая. Фая набралась храбрости и повернулась. Глаза постепенно привыкли к темноте, она заметила, что из груди агрессивного мужика что-то торчит. И не только из груди. Со спины тоже.

Бегом отсюда, и как можно скорее.

Повернувшись, женщина взяла низкий старт, ориентируясь на направление, выбранное ею изначально. Застучали по дороге черные лакированные «оксфорды». Кое где перепрыгивая крупногабаритный мусор, Фаина бежала, не помня себя от страха. Бешено колотилось сердце, прошибал пот, грудь никак не могла набрать в себя нужное количество воздуха.

Давай, дорогуша, ты сможешь.

До ушей донесся сдавленный хрип: «П-помогиии».

Надо, надо помочь.

Но она была женщиной. Со всеми присущими этому виду слабостями. Жалостью и

извечным желанием подарить заботу.

Опять, Фаечка, на те же грабли!

Сделав разворот уже в который раз, осторожной поступью пошла на зов.

«Помогииии...»

Жутко, конечно, но теперь она не одна, возможно этот, просящий о помощи, будет не таким агрессивным.

Смерть неизвестного мужика Фаю не очень-то и расстроила. И обстоятельства, при которых она наступила, женщину интересовали мало.

Все-таки, вдвоем пережить этот ужас будет проще, кто же там?

Ну да, кучкой умирать веселее, — ехидно заметил внутренний голос. Голос этот вообще отличался бесцеремонностью и извращенным чувством юмора, но все-таки он был частью самой Фаины, и приходилось к нему прислушиваться. Вдвоем им было нескучно.

Ага, что-то ползет к ней, огромное. Мля, да это же ТО, что убило мужика с дробовиком!

— Мать моя женщина, ну и жуть. — Фаина Анатольевна, следуя инстинкту самосохранения, кинулась прочь от этого неизвестного науке чудовища.

Оно было явно не в форме, раз перебирало только передними конечностями. Задние отсутствовали напрочь. Получалось у него довольно резво, двигался монстр со скоростью человека, идущего прогулочным шагом.

— Ппомогииии, — еще раз прохрипел он. — П-пожжалуйстаа.

Фая остановилась. Обернулась влоборота к твари.

— Ты меня не сожрешь?

— Нннеет. Я уммирррраю. Помоги.

— Как? Походу ты не жилец.

— П-пицца.

— Кафе поблизости нет. Извини. — Все еще не веря своим ушам, Фаина подошла к монстру на десять шагов, при этом в полной мере издеваясь над ним. Настроение не очень. Созерцание массовой гибели при мистических обстоятельствах не способствует радужному мироощущению.

— Мясо. Дай мясо.

Оглядевшись, нашла поблизости чью-то руку. С омерзением взяла, подтянула к головной части монстра. Тот раскрыл пасть, усеянную жуткими длинными зубами, подцепил мясо, помогая себе передними конечностями. Рука исчезла в нем со скоростью спагетти. Нет, определенно опасная тварь.

Фаина заподозрила, что сейчас эта рука появится с противоположного конца тела чудовища, ведь вторая половина монстра, скорее всего, была оторвана. Но нет. Оно раскрыло пасть и сказала более бодрым голосом.

— Еще.

— Ты точно меня не сожрешь?

— Нет. Я обещала. Неси мясо. — На этом моменте Фаина Анатольевна поняла, что перед ней — девочка.

Она вспомнила про жуткую голову, но та была далеко. В нескольких шагах валялась похожая.

Знатно ребятки повеселились. Она попробовала ее пнуть, чтобы не брать в руки, а подкатить к монстру. Голова с трудом поддалась. Фая допинала ее до чудовища.

Тот принял трапезу, отколов от подношения тот самый нарост, показавшийся Фаине

несколько странным. Она содрогнулась.

Да эта тварь могла ее сразу покалечить еще тогда, когда она подтаскивала руку.

Сейчас она увидела, что радиус поражения конечностей монстра составлял около двух метров. В темноте просматривались только контуры тела, но и этого было вполне достаточно, чтобы понять — зверюшка серьезная. До ужаса.

Странно все это, может, это — НЛО, — внутренний голос не прекращал вести свои монологи.

Хватит, — прервала Фаина Анатольевна, — в конце концов она тоже живая.

Еще около часа женщина кормила монстра останками поверженных врагов. Когда она присела на голый асфальт, чтобы передохнуть, мутант заговорил, хотя до этого он ограничивался одной лишь фразой «еще».

— Спасибо. Теперь я буду жить.

— Это хорошо. Помогите мне найти людей.

— Ты уверена, что они тебе нужны?

— Да.

— Подожди. Я помогу, дай немного времени. Мне нужно полноценно двигаться.

— Без ног особо не побегаешь.

— Они у меня уже отрастают. Но мне нужно еще мясо.

— Я устала.

— Я сама соберу себе пищу. Только подождать нужно немного.

— Слышишь, а ты откуда такая здесь взялась? — Фаина задала вопрос, который жег ее последний час.

— Я здесь была. Всегда.

— Всегда-всегда?

— Да.

— Зовут тебя как? — Фаина Анатольевна решила, что пора и познакомиться.

— Катя.

— А я Фая. Катюша, я правда очень устала, и голова сильно болит. И вообще, со мной что-то не так. Галлюцинации у меня серьезные.

«Катюша» на секунду задумалась. Где-то, в обрывках сновидений, воспоминаний, она помнила, что ее называли именно так, ласково, Катюша, Катенька, Катерина.

Внутри поднялась волна теплоты и родства к этой убогой слабой женщине, которая таскала ей мясо на своем горбу, не жалея сил. Ну и что, что вкусная. Голод — вещь, которая никогда не проходит.

— Ты здорова. Ты человек. Ты никогда не будешь такой как я.

— А откуда ты знаешь, что ты — Катя. Кто тебя так назвал?

— Я всегда была Катей. Такой. Боялась людей, любила их мясо. Еще кошек люблю. И собак. Есть люблю. Я всегда голодная.

— Катя — это человеческое имя.

— Вы тоже, люди, когда появляетесь здесь, становитесь такими, как мы. Жадными до мяса и всегда голодными, а потом такими же сильными, как все плотоядные. А некоторые остаются такими как ты, слабыми. Они хитрые охотники. Многие вас боятся. Но вы — наша пища, вкусное опасное мясо. Мне кажется, я тоже когда-то была человеком, но ничего не помню.

— Разговариваешь по-русски ты неплохо.

— Мы, некоторые из нас, умеют разговаривать. Вашу речь понимают почти все, но разговаривают единицы, и то только Высокие.

— Катюш, ты тоже — Высокая?

— Да, ведь я умею говорить. Мне надо есть. Извини.

Катя исчезла из поля зрения, было ощущение, что она просто телепортировалась, но поток воздуха, метнувшийся вслед за ней, ударивший по ноздрям Фаины запахом сгоревшего шашлыка, говорил о том, что монстр просто очень быстро пробежал мимо.

Невдалеке послышался жуткий хруст, Фая оглянулась. Катюша сидела на сгоревшей двухэтажной банке, еще около часа назад бывшей исправным транспортным средством. Скрежет металла.

Ох, и мерзкий звук.

Опять чавканье и хруст.

Силуэт Катеньки в свете луны исчез и появился в двадцати метрах от исходной точки. Опять хруст. Так продолжалось около пятнадцати минут. Монстр надолго нигде не задерживался. Съел, видимо, не прожевывая, и двинул дальше. Фаина Анатольевна подозревала, что Катюша не успокоится, пока не съест все и всех.

Наконец тварь закончила трапезу и появилась перед Фаей. Катя протянула чудовищную клешню — рукой это назвать язык не поворачивался. На передней конечности монстра болталась фляга.

— Пей. Все ваши пьют. Вам это нужно.

Фаина Анатольевна протянула руку, взяла фляжку, густо измазанную кровью, или еще чем — пахла она дурно.

Травить меня смысла нет.

Подумала о том, что Катюша съела бы ее давно. И раз тридцать. Монстр был настроен дружелюбно. А иметь в друзьях Высокого или Высокую, которая умудрилась справиться с бронетранспортером, весьма и весьма выгодно.

Интуиция подсказывала Фаине, что происходит нечто необычное, пока она не знает что, но определенно, в рукаве у нее появился неплохой козырь в лице Катюши.

Отхлебнув, Фаина скривилась. Пойло явно было с хорошим градусом, но вот букет...

Господи, его что, с канализационной водой смешивали? Неожиданно для себя самой, она сделала еще один глоток, потом еще.

Отняла флягу от лица и посмотрела на Катю. Монстр стоял на месте, не двигаясь, но при этом медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

— Катя, мне к людям нужно.

— Помолчи немного. — Тварь, продолжала поворачиваться, создавалось ощущение, что она сканирует местность по принципу радара.

Через несколько минут Катерина нарушила молчание.

— У нас есть немного времени. — И тут чудовище подкатило лапами к Фаине нарост, снятый с головы какого-то собрата. — Вскрывай.

— Зачем, не хочу.

— Говорю, вскрывай. Надо.

— У меня даже ножа нет.

Катерина мгновенно ткнула в нарост своей исполинской клешней. Кряк. На асфальте лежала кучка из наружной оболочки в смеси с какими-то оранжевыми нитями.

— Ищи шарики.

Фаина послушно зашарила одной рукой в куче ошметков, все на ощупь. Телефон потерялся в неизвестном направлении, полусвета едва хватало на определение мрачных безрадостных силуэтов.

Рука нащупала что-то твердое, маленькое, сферической формы. Фаина Анатольевна достала четыре шарика, уложив их рядом, здесь же, на асфальте.

— Что мне с этим делать?

— Возьми с собой.

Фаина положила кругляши в карман брюк.

— Садись на шею. Фаина Анатольевна осторожно поднялась на цыпочки рядом с монстром. Катенька подставила ей свою клешню для упора. С горем пополам Фаина взобралась на шею твари. Было неудобно. Комфортности поменьше, чем в ортопедическом матрасе, и на порядок.

— Держись крепко.

Воздух в ушах свистнул, они с Катей оказались на другом участке побоища. Тварь опять подкатила нарост к Фаине, разбила его.

— Ищи.

Под конец потрошения странных мешков, карманы брюк Фаины были почти полными непонятных кругляшей. Женщина уже думала, что ковыряния в неаппетитных кучках никогда не закончатся.

Катерина, все время, пока Фаина Анатольевна обыскивала споровики, сканировала местность. Ну, или просто кружилась. Может, нравилось так Катюше развлекаться.

— Возьми самый маленький шарик.

— Зачем?

— Съешь.

— Не буду.

— Так надо, не спорь. А то Я тебя съем. — Катенька быстро клацнула зубами перед лицом женщины.

Ее передернуло. Угрожает?

— Ну, раз тебе так хочется...

Женщина порылась в карманах, на ощупь выбирая самый маленький шарик. Аккуратно достала. Обдало порывом ветра, облака на мгновение расступились, мерцающее лунное сияние осветило землю. Теплый шарик на ладони блеснул перламутром.

— Теперь мы идем далеко. Тебе надо держаться крепко.

— А куда мы идем? — Задала вопрос Фаина, взбираясь на шею Катеньки. Катюша опять подставила свою клешню, чтобы помочь ей забраться.

— К людям.

— К людям — это хорошо. Вези меня, большая черепаха. — И женщина крепко обняла монстра за шею, думая о том, что если она соскользнет, то Катя и не заметит, поскакав дальше. Но теряться Фаина Анатольевна не собиралась.

Монстр передвигался очень быстро. Встречные струи воздуха завывали в ушах свою песню, убаюкивая. Дико хотелось спать. И есть. Но она держалась. Мозг, вымотанный слишком уж странными событиями, выполнять дополнительные функции не хотел. В голове было пусто и тихо.

Не прошло и получаса, как Катя остановилась. Тварь затормозила резко, и Фаина

прилично впечаталась лицом в нарост на затылке, моментально взыв от внезапной боли. Ничего серьезного, но очень неприятно.

Женщину синяки на лице не украшают, но это все мелочи по сравнению с великой Октябрьской революцией.

— Слезай.

Фаина Анатольевна спустилась на землю и огляделась, осмотрев округу.

Кажется, я что-то путаю. В ставропольском крае кедровые не растут. Однозначно.

А это были именно кедровые.

Женщина даже в преклонном возрасте помнила, как они выглядят.

Когда ей было около пятнадцати лет, родители решили наконец-то взять ее с собой в поход, вместо того, чтобы как всегда, оставить на бабушку. Или Фаечка их уговорила. Она уже не помнила. Но леса Иркутской области она запомнила хорошо. Валяющиеся под ногами шишки, и ни с чем не сравнимое восхищение ребенка, среди десятка пустышей находящего один, но очень вкусный и ароматный кедровый орешек.

Взгляд, уже давно привыкший к темноте различил хорошо укатанную тропу, ведущую к огромной (это что, ангар тут?) металлической двери, впечатанной в громадный холм посреди леса.

На верхушке густо росли деревья, и эта дверь, нет, все-таки ворота, казались несколько чужеродными.

— Катюш, а тут что, люди живут?

— Да. Стучи.

Фаина короткими, но быстрыми и уверенными шагами направилась к двери. Попробовала постучать. Ее по-детски маленькие кулачки не давали хорошего гулкового звука.

— Я постучу, — сказала Катя. — А потом исчезну. Не ищи меня. Люди — мои враги, я не могу быть в их поле зрения.

Фаина провела клешней по воротам. Раздался жуткий то ли скрип, то ли лязг.

Женщина скривилась. Катенька уже исчезла, и Фаина стояла одна в темном ночном лесу перед воротами, за которыми якобы обитают люди.

Она не услышала топот грубых армейских ботинок за спиной. Что-то больно укусило ее под лопатку, и Фаина начала терять сознание.

Последнее, что она видела и слышала — Катенька стояла над ней и шипела на кого-то рассерженной змеей. «Не тронь!».

И тут ее сознание окончательно померкло.

Глава 5. Гладко было на бумаге

Одесса. Привоз.

— Почем ноги на холодец? 40 гривен?! А если без носков?

Добыча была знатной. Рыбник со Жмыхом долго копались на месте вчерашних баталий, орудуя ножами. Не забывали осматриваться по сторонам и прислушиваться. Слишком уж все хорошо шло.

Мало того, что Ярослав выжил в первый день, так еще и элитника завалил без особых хлопот. Одним топором. Кому расскажи в Улье — повесят на тебя клеймо бессовестного вруна, да еще и на Запад отвезут. С одним топориком в руках. Ты ведь везунчик.

Прибарахлился оружием нахалюву, патронами и крестным папой Жмыхом, добродушным, но очень опасным в этих местах дядькой.

Что-то должно пойти не так.

Неприятные и неожиданные приключения, как правило, сопровождаются именно таким везением, с сопутствующим отсутствием подлянок и прочих атрибутов бочки меда. Напарники спокойно порылись где можно и где нельзя. Единственной проблемой было то, что все унести все ценные трофеи своим ходом было достаточно сложно. Жаль, что поблизости нет вьючных животных.

Договорились со Жмыхом самое ценное сложить в кучу, отобрать то, что унести вполне реально, остатки оставить на месте, а в «судовом журнале» времянки сделать пометку с ориентирами.

Кому надо — вернутся.

Недолго посоветовавшись, напарники решили, что нужно брать с собой самое легковесное и дорогое, а именно: все внутренности споровых мешков невинно убиенных мутантов, крупнокалиберные патроны, пару гранат, (видимо, остатки роскоши кидать было уже некому), и четыре образца огнестрельного оружия, по словам крестного, достаточно дорогостоящего.

Винторез, брат жмыхова «красавы», только в модификации ВСС, пара дробовиков и внушительных размеров «Desert Eagle» всегда безотказного 45-го калибра.

Только от вида этого монстра Ярослава бросало в холодный пот, страшно подумать, что эта игрушка может натворить в умелых руках.

Ну, в принципе, и все. От мысли тащить пулемет и прочие крупнокалиберники отказались. С горем пополам, уложив все содержимое в габаритную сумку, нашедшуюся во все том же зимовье, двинулись в обратный путь.

— Смотри, братка.

Ярослав обернулся. Посреди места встречи каравана с мутантами стоял большой указательный камень.

Прямо пойдешь — смерть найдешь

Вправо пойдешь — голову потеряешь.

Налево пойдешь — ничего не найдешь.

ЭТО СТИКС, ДЕТКА.

— Силы бы не тратил понапрасну, балагур.

— Сил теперь хоть отбавляй. — Жмых веселился.

По его мнению, шутка удалась. Видимо, не терпелось этому выпендреннику

использовать свой дар в деле.

— Не мне тебе объяснять, что в Улье никогда не знаешь, кого встретишь за поворотом. — Ярослав нахмурился. Чувство того, что они благополучно доберутся до места стоянки, отсутствовало напрочь.

Что-то было явно не так, но взгляд ни за что не цеплялся, да и тишина в пустыне стояла гробовая. Плотный воздух стоял, словно прибитый гвоздями. Ни ветерка, ни движения.

Погода радовала теплом, вот только эти проклятые черные пески никуда не делись. В армейских ботинках шагать было на порядок удобнее, чем в резиновых сапогах.

Но песок, да еще и дико сыпучий, своих свойств не утратил. Еще несколько минут назад Рыбник радовался приятной погоде и ласковому весеннему солнцу, не скупящемуся на жар.

Сейчас же Ярослав обливался потом, таща на себе тяжеленный рюкзак и огромную сумку, набитую всякими полезностями.

Жмых пыхтел рядом, за спиной у него был точно такой же рюкзак, но руки были пустыми, точнее, сумки там не было, в состоянии готовности находился «Вал», чтобы прикрыть напарников в любой момент.

Еще до того, как покинуть землянку, Жмых и Ярослав определились, что один из них должен идти со свободными руками. В случае опасности, которая редко дает о себе знать до определенного момента, нужно быстро реагировать на изменившиеся обстоятельства. С руками, не занятыми поклажей, это делать на порядок легче.

Пустыня закончилась, и началась благодатная тень хвойного леса. Мошकारа сегодня решила отдохнуть.

Наелась вчера, что ли. Идти стало легче и веселее.

Вот какого лысого мне нужно было идти туда, — Ярослав шел, из последних сил перебирая ногами, сумка, сначала казавшаяся чуть тяжеловатой, на середине пути уже была неподъемной. — Вот смог остаться наедине со своей жадностью. Дебил.

Ярослав, жадный ты сукин сын, декорации поменялись, а ты остался тем же. Проблема в том, что здесь ставки совсем другие, головой рискуешь, — Он продолжал заниматься самобичеванием.

До зимовья оставалось не более пяти минут ходьбы, холм, густо обложенный еловыми ветвями, уже отчетливо виднелся. И это обстоятельство радовало. Очень радовало.

Из ближайшей кучи сваленного лапника перед Жмыхом, злобно урча, выскочил лотерейщик.

Ха! Рыбник увидел, как напарник сделал какой-то неопределенный пасс, не выпуская из рук винтореза. Мутант стоял, бессильно урча и размахивая передними конечностями.

Как понял Славик, это далеко не самая опасная тварь в Улье. Но надо поторопиться.

Ярослав мгновенно бросил сумку, перехватывая дробовик. Возможно, придется пострелять. Жмых шел впереди на пятнадцать шагов, и тварь выскочила именно на него. Добрый дядя, закончив водить руками, тут же угостил ее свинцовой пулей. Видимо, «красава» мутанта не успокоил, а, наоборот, обозлил и придал сил. Чудовище мгновенно дернулось в сторону спокойно стоящего куска мяса. Жмых заорал. Именно заорал, что было сигналом подбегающему Рыбнику пускать в ход свою «дуру». Напарник валялся на спине, уже не крича, а жалобно завывая.

Над ним стоял, не двигаясь, монстр.

Матерясь сквозь зубы, Ярослав рванул с места.

Неее, друг, сегодня не твой день.

Рыбник, подбежав, выстрелил почти в упор, голова мутанта потеряла половину своей целостности. Все-таки картечь — вещь убойная. Да.

Тело лотерейщика бессильно опустилось на землю.

— Жмых, в порядке? — Напарник был не весь.

Оторванная ступня валялась неподалеку. Обрубок ноги Жмыха фонтанировал кровью. Он скрипел зубами, пытаясь подавить вой.

Воооо, блин! Что теперь делать?!

Рыбник, не теряя времени, быстро достал из рюкзака жгут и перетянул культю. Противошоковое в шприц-тюбиках было в аптечке, но он долго возился, прежде чем найти вену. Вколол.

Кинул ступню в пакет (Господи, зачем я это делаю). Вылил на кровь, густо разлившуюся по лесной подстилке, кофе из термоса.

Вдруг собьет запах.

Как он помнил из рассказов напарника, нюх у тварей прекрасный, и свежую кровь он чуют издалека.

Не хватало еще паровоза из мутантов. Закрыв рану повязкой. Походу Жмых откльгивает, вон, уже подняться пытается.

— Ты это, братка, споровик выпотроши.

— Пусть твоя еврейская жилка сейчас помолчит, — Ярослав одной рукой поддерживал скачущего на уцелевшей ноге напарника, другой тянул сумку. Откуда брались силы — непонятно.

Благо идти недалеко. Тяжко. Очень тяжело.

— «Красава» подвел. — Жмых скрипел зубами. Странно, но его до сих пор не вырубило. Это понятно, что напарник далеко не сентиментальная барышня, но при виде своего растерзанного тела даже крепкие мужики хлопаются в обморок.

Травматический шок, дикая боль — мозг не выдерживает экстремальной нагрузки и зачастую гасит сознание. Так Рыбнику объясняли близко знакомые с врачеванием приятели, а этот чувак мало того, что прыгает как заправский физкультурник начальных классов, так еще и просит Ярослава пошарить в хабаре убитого монстра.

Жить будет.

Да и нога со временем отрастет. Было бы оно, это время.

Добрались. Напарники спустились ко входу землянки. Ярослав отодвинул кол, подпирающий дверь. Закинул сумку, подтянул Жмыха к кровати, помог лечь. Пулей метнулся, заложил засов.

Отдышавшись, в полной темноте, пошарил по столу, найдя свечки и зажигалку. «Включил» свет. Жмых лежал без движения. Все-таки его вырубило.

Ярослав было хотел подойти к шкафу, чтобы более детально порыться в медикаментах. Хоть Стикс и лечит, но далеко не всегда это проходит безболезненно. Хорошая анестезия, желательно общая, напарнику не мешает. Жмых что-то говорил про спек.

Ага, шприц-тюбик ярко-оранжевого цвета в прозрачном полиэтиленовом пакете, запаянном с двух сторон, выделялся на фоне бледных аптечных коробок.

Общий наркоз — вещь рискованная, подумал Рыбник, доставая из шкафа спек, да и образования и опыта практикующего анестезиолога у него не было. А спек — почти то же самое, что уринотерапия, те же яйца, только в профиль. Хе-хе.

Бедолага валялся на своей кровати в глубоком обмороке, не издавая ни звука. Ярослав

повернулся к нему. Его внимание привлекли ярко-красные нити, тянущиеся от культи к сумке с ценными призами и наградами.

Мля, да там же ступня напарника. Рыбник в суматохе про нее совсем позабыл. Да и зачем он ее брал — тоже непонятно, наверное, следуя принципу «все свое ношу с собой». Ага, хозяйственник, как же.

Стараясь не зацепить странные нити, тянущиеся к оторванной части тела, Рыбник подошел к сумке, достал ногу в армейском ботике. Все точно, эти странные красные каналы заканчивались именно здесь. Ярослав рассмотрел огрызок ноги. Срезано одним ударом.

Острота когтя мутанта была далеко не идеальной, тем не менее, сколов кости почти не наблюдалось. Нити, тянущиеся к ступне, обвисли при перемещении оной, как будто сами были чем-то материальным. Рыбник попробовал подцепить пальцем одну из них, и она поддалась. Невесомая, одна из сотен тех, что связывали тушку напарника с оторванной конечностью.

Славик немного подумал, затем решил, что ступне самое место возле хозяина. Осторожно, стараясь не спутать клубок связующих ниточек, он положил кусок мяса в ботинке рядом со Жмыхом. Пальцем подцепил канал, стараясь выпутать его из общего кома. Завязал петлю на всю длину нити, стараясь максимально приблизить друг к другу части и целое.

Ярослав не верил своим глазам. Полупрозрачный, совсем маленький кусок кожи «завязался» между щиколоткой и ступней.

Если что-то начало получаться, доведи до конца. Делай лучше, хуже получится само.

Так любил говорить Игорь Моисеевич, отец Рыбника. Минуту подумав, он понял, что все это неспроста, и решил начать планомерно проводить «нейрохирургическое» макраме.

Освободил кусок оторванной плоти от ботинка. Тошнотворный запах крови щекотал ноздри.

Он все-таки вколол Жмыху спек, чтобы надежно отрубить того часов на двенадцать. Снял с культи повязку, осмотрел рану. Ага, тромб есть, Ярослав ослабил жгут. Тромб тут же выскочил, не справляясь с напором внутреннего давления.

Жгут пришлось перетягивать заново, чуть повыше. Когда кровь остановилась, Рыбник вытер постель старой повязкой, новую накладывать не стал. Выдохнув, он принялся за работу. Помня о том, что сила, активирующая дар, имеет свойство заканчиваться, а странные каналы, которые он видит, ничто иное как проявление способности, Рыбник решил сначала «соединить» костный мозг, так как самое сложное в восстановительной медицине — вернуть конечности чувствительность, чтобы потом беспроблемно ей управлять.

На Земле это бы заняло месяцы, ведь физиотерапия и лечебная физкультура хоть ощутимый эффект и дают, но далеко не моментально.

Поочередно отделяя нити, Ярослав стал формировать их в петли, связывая узлом. Петли бледнели, становясь оранжевыми, потом бледно-желтыми, а на месте «шедевра макраме» образовывалась новая ткань.

Ярослав мог бы брать не по одному, а по нескольку каналов, связывая их в пучок, но что-то подсказывало, что действия «на отцепись» ни к чему хорошему не приведут.

Рыбник и прошлой жизни халтуру не любил, считая ее уделом слабых и бесперспективных людей. Поэтому он тщательно, шаг за шагом, подвязывал нити, восстанавливая связь Жмыха с оторванной конечностью.

Сколько времени прошло, он точно не знал. Создавалось ощущение, что не более пары

часов.

А ведь можно было бы неплохое пособие по анатомии сострять, думал Ярослав, кропотливо завязывая очередной «узелок», без крови и а-ля натурель. Количество каналов казалось бесконечным, но около половины Рыбник одолел.

Он уже сформировал приличную часть костной ткани, некоторые крупные кровеносные сосуды, как его выключило. Тело обессилено упало с табуретки. Ярослав уснул крепким сном.

...Он бежал по голому ровному полю, стараясь как можно быстрее скрыться в глубине оросительного канала. Над головой летали самолеты, скидывая снаряды, уничтожающие все и вся в радиусе нескольких метров.

Самолеты почему-то были ярко-оранжевого цвета, Ярослав ни разу не видел таких. Обычно ВВС старались придавать своей авиации наиболее незаметный вид.

Но они были ярко-оранжевыми, причем летели на достаточно низких высотах, так, что невооруженным взглядом можно было разглядеть открывающееся «брюхо», выпускающее куски железа продолговатой формы, начиненные смертоносным содержимым.

Грохот, жуткий грохот. Прилетело близко, Ярослава отбросило взрывной волной в тот самый канал, казавшийся ему до этого спасительным. Лишь бы сюда не кинули. Рыбник приложился лицом об остатки камыша, до этого, кем-то выжженным. Лишь из земли торчали желтые сухие палки с черными опалинами на концах. Не подушка. В кровь асцарапал лицо. Глаза целы и это главное.

Мгновенно придя в себя, он полз вдоль высохшего за жаркое лето канала. Недолго, открылась развилка и справа показалась насосная станция.

Может, хоть там удастся спрятаться.

Ярослав держался правого берега и полз, жалея, что у него нет даже перчаток, чтобы защитить руку от острых остовов камышовых зарослей. Внезапно он увидел перед собой сливной люк. Еще быстрее перебирая руками и коленями, Рыбник метнулся, держа направление в сторону спасительного отверстия. Грохот не утихал.

И что там, в поле понадобилось этим нелепыми самолетами?

Если что бомбят, значит это кому-нибудь нужно, думал Ярослав, мысленно перефразируя Маяковского. Уши жаловались на громкость, явно превышающую порог безопасного прослушивания треков.

Но главное он все-таки услышал. Нет, почувствовал. В спасительном ходу кто-то был. И этот человек плотно задраивал крышку люка. Изнутри. Ярослав начал яростно тарабанить кулаком по металлу.

— Впустииии!! — Рядом разорвалась очередная бомба, тело обдало потоком воздуха, волна не достала, — впусти, впусти, открой!

— Откроооой! Аааааа! — Ярослав очнулся от жуткого сна, пытаюсь сообразить, где он, и что происходит. Тьма. И жуткие вопли снаружи.

— Впустииии...

Глава 6. Задушевные беседы

А ты смешной, мы съедим тебя последним

Фая лежала на соломенном тюфяке, который она даже своим собакам постеснялась бы предложить. Медленно приходила в себя. Пошевелила ногой, рукой, все целое.

Неуклюже приподнялась, огляделась. В пустом ангаре из зарешеченных высоких окон ощутимо поддувало. Подъеденный ржавчиной металл и разбитые бетонные полы добавляли атмосфере унылости. Двери заперты, на полу стоит поднос с двумя мисками неаппетитно выглядевшей баланды, стакан с чаем. Тут же зеркало и таз с плавающей в нем ветошью.

Зачем?

Рука потянулась к зеркалу.

О божечка, ну и рожа у вас, дорогуша.

По другую сторону смотрела свинья. Лица не узнать. Запекшаяся кровь, органические ошметки. Выделяются два карих глаза, хищно поблескивающих в льющемся из зарешеченных окон приглушенном свете. Волосы больше напоминают дреды, заплетенные сумасшедшим парикмахером.

Лихорадочно взяла из таза тряпку, отжала. Остервенело протерла лицо и шею.

Орудя салфеткой, огляделась. Воспоминания вчерашнего дня лавиной захлестывали и без того неустойчивое сознание.

Ладно уж. Посмотрим, что к чему. И определимся.

Взгляд упал на поднос с едой. Чай пришелся как нельзя кстати, а вот остальное содержимое на вид было малоаппетитным. Да и есть не особо хотелось.

Эти уроды что, людей этим кормят?

Еще раз осмотрела себя. Одежка сильно потрепалась, светло-голубые джинсы известной марки теперь можно было узнать с трудом. Висели тряпкой. Карманы по-прежнему были набиты под завязку непонятными шариками.

Как они выглядят при свете?

Рука вытащила пригрошню кругляшей. Разные. Одни размером с виноградину, другие — чуть меньше и более правильной сферической формы. Встречались и совсем малютки.

— Спрячь, — до ушей донеслось тихое шипение Катеньки. Она была здесь. Вот что значит настоящая женская дружба.

Быстро убрала трофеи в карман.

Странно, подумала Фаина Анатольевна, прибирая волосы в высокий пучок на макушке, брюки вроде бы не должны были так сильно растянуться за вечер.

Не все ли равно. Отстираются они вряд ли, проще выкинуть.

Опасение вызывала грудь, которая, по ощущениям, за время, пока Фая валялась в отключке, увеличилась на пару размеров.

Блин, внуков никто не забрал, она сама черт-те где, запертая в ангаре, а думает! О тряпках.

Фаине стало стыдно за свои мысли. Она поискала в кармане куртки новомодный девайс, подаренный старшим сыном на годовщину их с Вовчиком свадьбы.

Кажется, вчера женщина его выронила. Точно.

Во время путешествия на шее монстра, Фаина Анатольевна, и так обладающая фантастическим даром топографического кретинизма, совсем потеряла направление и

ориентеры. Взгляд, ища себе занятие, лихорадочно блуждал по помещению, в котором она была заперта.

Все та же серость.

Декорации скрашивала Катенька, дремавшая в дальнем углу старой постройки. Места здесь было мало, туша зверюги занимала почти четверть общей площади. Катюша спала, компактно сложившись калачиком, клешнями прикрывая места, где у нее, по логике вещей, должны были быть уши. Болела голова. Фаина машинально пошарила на поясе. Фляги нет. И не было, ведь на пояс ее никто не цеплял. Осталась там, на пепелище.

Припоминая недавние события, Фаина Анатольевна пришла к выводу, что судьба, видимо у нее такая — под старость лет попасться к бандюгам. Те, которыми Катерина недавно поужинала, просто не успели дожить до ее появления, чтобы взять в плен.

Да кому ты нужна, старуха, постеснялась бы своих мыслей.

Интересно, а почему животинка отказалась съесть очередную порцию плохих дядек?

Было зябко, и женщина, подцепив тьюфяк одной рукой, двинулась в сторону спящего монстра. Бросив засаленную подушку возле Кати, она плюхнулась и негромко позвала.

— Катюша, спишь?

— Нет, — зверюга аккуратно, чтобы не зацепить Фаину положила свои конечности на пол, вдоль тела. Женщина придвинулась ближе, чувствуя, что от Катеньки исходит невероятно уютное тепло. И изрядная вонь.

— А почему мы здесь?

— Тебя заперли, не видишь.

— Поняла, что заперли, не тупая. Ты почему здесь. — Фаина Анатольевна не любила людей, разговаривающих односложными фразами, хоть Катя и не была человеком, ее речь жутко раздражала старую женщину.

— Потому что ты сейчас жива. — Катя с лентой вытянула заднюю конечность, — я не хочу разговаривать, я голодная. А ты — пища.

— Ты обещала меня не есть. — Из глотки твари послышался то ли вздох, то ли хрип, она отвернула морду к стене.

Тяжко Катюше, ей бы покушать, — Фаина опять вспомнила о своем муже, — Володька тоже был неразговорчивым и злым, пока перед ним тарелку с борщом не поставишь.

От грустных мыслей о муже, детях, внуках, и о ее овчарках, отвлек скрип открывающегося замка.

Фаина скривилась.

Безалаберные уроды. Даже замок смазать не могут. Вот заклинит, что потом?

Дверь приоткрылась с таким же противным звуком. И петли бы тоже не помешало смазать. Между створок протискивались люди.

Вошли четверо, точнее трое. Четвертого несли, связанного, как барана, по рукам и ногам. Фаина Анатольевна нахохлилась и поближе придвинулась к телу Катеньки. Монстр повернул морду и стал одним глазом с интересом наблюдать за происходящим. Второго глаза, по мнению Кати, компания не заслужила.

Первым подошел парнишка лет шестнадцати. Его походка выдавала занятие танцами с ранних лет. Мелкие, грациозные шажки вкуче с осанкой, приличествующей королеве, нежели молодому человеку в пору полового созревания.

Катенька зашипела, парень побледнел, видно было, как у него подогнулись колени.

Еще немного, и придется менять штаны, — отметила Фаина, ехидно наблюдая за

проявлением страха на лицах всех трех человек, крепко стоявших на своих ногах. Взгляд четвертого, связанного, был отрешенным, он не рассматривал ни монстра, ни сидящую на засаленной соломенной подстилке старую женщину.

Паренек стоял в пяти шагах и молчал. Хранили безмолвие и остальные. Фаина решила взять инициативу в свои руки. Сейчас все и прояснится. Непонятная ситуация уже давно тяготила Фаину Анатольевну.

— Тебя, сопляк, со старшими здороваться не учили? — Посмотрим, как отреагирует молодняк, возможно еще есть шансы уйти отсюда целиком.

Парень вздрогнул, отвлекаясь от созерцания Катеньки. Вообще, с того момента, как он зашел в ангар, молокосос смотрел на монстра заворуженно, как кролик на змею. Это раздражало.

Он расстегнул куртку, достал оттуда странного вида блокнот, подошел, положил рядом с Фаиной, отстегнул от пояса флягу, уместил рядом. Она бросила взгляд на обложку.

Стикс, инструкция к применению

Полустершиеся рукописные буквы, и общая потрепанность «книженции» говорили о том, что читали ее не раз. И не два. Мда. Должно быть популярное среди бандюгов чтиво.

Но этот, мелкий, что он среди них делает? Из приличной семьи, видимо. Рабочие сыновей в балетную школу не отдают. Такое поведение больше характерно для людей искусства.

Фаина прекрасно осознавала, что «барана» эти трое принесли не просто так, а скорее всего, для акта устрашения. Интересно, что же они сейчас с ним будут делать.

Да пожалела бы бедолагу. Чего жалеть-то?

Женщина вообще людей ненавидела.

«Балерун» отошел от Фаины, когда Катя то ли играя, то ли действительно отпугивая паренька, громко и со вкусом лязгнула своими зубами.

Содержание челюсти Катерины, надо признать, было знатным. Белоснежные клыки длины стандартной школьной линейки, а именно — сантиметров тридцать. Или около того, рулетки у женщины не было, да и мысль измерять зубы «девочке» в голову ей просто не приходила.

— Прочитайте, пожалуйста, потом будем разговаривать. — А не, хорошее воспитание не пропьешь.

Фаина одарила «балеруна» ободряющей улыбкой. Взяла блокнот. Открыла на первой странице, погрузилась в чтение. Краем глаза заметила, что трое развернулись и пошли на выход, бросив «барана» посреди ангара.

— А с этим что делать? — крикнула вдогонку Фаина, не понимая, зачем ей нужен этот пленник.

Один из молчунов небрежно бросил:

— Это твоей зверюшке ужин. Не жалея. Это гниль. Чтобы мои слова не были пустыми объясню, что он с особой жестокостью убил свою жену на глазах у ребенка. Без подробностей. — Он повернулся к двери и вышел.

— Катюш, тебе хватит этого? — Спросила Фаина, отхлебывая из фляги мерзкий живчик.

Катенька встала, и аккуратно, чтобы случайно не задеть Фаю (ох и силища у девочки) подошла к «барану». Обнюхала.

Нежно, зубами сняла балаклаву. Рот мужика был заклеен скотчем. В глазах стояли

слезы, а с макушки небольшими каплями стекала кровь. Наверное, Катенька сняла шапку вместе с куском волос и кожи.

Подожди дорогой, это только начало. Фаина подозревала, что монстр нарочно не торопится, растягивая удовольствие.

Она была солидарна с Катюшей. Не стала снимать скотч со рта жертвы — нет ничего противнее человеческих криков. А оправдания выслушивать, ну, зачем это нужно? Перед смертью кого не спрашивали, все играли роль безвинно убиваемых агнцев.

Она расплылась в улыбке, когда Катенька откусила «барану» ухо. Тот задергался всем телом, давясь своим же криком, неспособным вырваться из-за толстой полоски липкой ленты. Да и связали его на совесть.

Затем тварь облизала место укуса своим мясистым иссиня-черным языком. Мужик дернулся всем телом, пытаясь отстраниться. Не получилось.

Да, толк в пытках зверюга знала.

Фаю сцены с мясом не прельщали, поэтому она уткнулась в чтение блокнота, принесенного ей «балеруном», старательно отводя возвращающийся к месту пыток взгляд.

...Вы теперь в Стиксе. Соболезнуем.

Фаина дошла до конца записей в блокноте, и поняла, что читала она сейчас далеко не художественное произведение, а банальную «выживалку». Несколько неформатную, но все сходится.

Катенька, непонятно откуда взявшаяся, мерзопакостный напиток, снимающий головную боль и тот странный туман с химическим привкусом. Для полной картины не хватало еще рвоты, но, вероятно, ее чаша сия миновала.

В интернете много информации о том, как обустроить и оснастить бункер на случай ядерного апокалипсиса. Муж одно время страдал паранойей по поводу атомной угрозы, поэтому ей частенько приходилось выслушивать инструкции, что надо купить и как себя вести. Ведь бункер все-таки был отстроен. Да. Знал бы, где упасть, как говорится.

Фаина должна была расстроиться, осознав, что, скорее всего, не увидит больше родных и близких ей людей.

СВОБОДНА.

Настроение зашкаливало все нормы приличия, женщина поднялась, и, ища возможность хоть как-то выразить свои чувства, крепко обняла шею Катеньки, к тому моменту уже расправившейся с трапезой.

Она не услышала, как створка двери открылась, и в ангар вошел недочеловек.

Он кашлянул, привлекая внимание. Фаина отошла от Катеньки, которая в свою очередь, решила прилечь в облюбованном ей углу. Вытерла предательски пробившиеся слезы.

— Фаина Анатольевна.

— Гипс, глава, — коротко представился он.

Про квазов в брошюре Фая читала, но подумать, что они настолько уродливы фантазия отказывалась напрочь.

Еще один довод в пользу теории Улья. Печаль? Или нет?

Чтобы скрыть брезгливость, мгновенно отразившуюся на лице, она улыбнулась. Дежурно и холодно.

— Рада знакомству. Надеюсь, оно окажется полезным.

— И я тоже. Фаина Анатольевна, вы прочитали инструкцию?

— Да.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Написана она с орфографическими ошибками, да и переписать надо, нельзя людям в руки давать такой кусок сала. У вас вроде как приличное поселение, а инструкция выглядит так, как будто ее собаки таскали. Еще. Замок надо смазать, как и дверные петли. Лишние звуки, привлекающие внимание, вам ни к чему. По поводу еды, которую мне принесли...

— Стоп. — Гипс попытался абстрагироваться от потока ненужной информации, исходящей от Фаины, — если вы внимательно прочли инструкцию, то у вас должны были возникнуть вопросы.

— Беспросветной тупостью я не страдаю. Да и замечания были по существу. — Женщина была намерена твердо отстаивать правоту и уместность высказанных ею слов.

— То есть, вопросов по поводу нахождения в Улье у вас нет?

— Нет. В блокноте все подробно описано. За исключением качества написания текста и состояния бумаги.

— Я понял. — Гипс сделал в голове пометку, что имеет дело с дотошной перфекционисткой. — Тогда спрашиваю, чем вы можете быть нам полезны.

— Умею оказывать первую медицинскую помощь, прошла курсы при местном отделении МЧС РФ.

— Мы умеем класть компресс, мы с Тamarой красный крест, — задумчиво протянул Гипс. — Нет, Фаечка, — женщину передернуло, так ее называть могла себе позволить только мама, ну или ровесницы-подружки. — А что-нибудь по хозяйству вы умеете делать?

— Я же говорила. По поводу баланды, что мне принесли.

— Да что не так с фасолевым супом?!

— Я прекрасно умею готовить.

— Ну наконец-то я выдавил из вас хоть какую-то полезную информацию.

От взгляда Фаины не укрылось, что Гипс во время разговора практически неотрывно пялился на ее грудь, куртка была плотно запахнута, но тонкая ткань плохо скрывала выдающиеся рельефы тела. Да и Гипса не смущало то, что Фая замечает, куда смотрят его глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Понеслась душа в рай. Еще этого наглого урода в кавалерах не хватало.

— Если вы хотите оставаться в защищенном месте, вам стоит тоже делать вклад в развитие поселка. Хотя бы со сковородой и кастрюлями наперевес. Параллельно будете проходить курсы владения оружием и рукопашного боя, детально изучите поведение и классификацию монстров, — он перевел взгляд на Катеньку, — пригодиться во время профилактики трясушки.

— А с Катюшей что? — Фая вспомнила, что не одна она находится в этом ангаре в роли пленницы.

— Вашего монстра зовут Катюша?

— Да, она не представилась?

— Да мне в голову не приходило, что мутанты вообще разговаривать умеют.

— Не все. Понимает речь только элита.

— До этого наш отряд дошел опытным путем, уговаривая ее отойти от вашего тела, валяющегося без сознания. Доза была рассчитана на медведя. Вы провалялись почти около полутора суток.

— И что, Катя просто так отошла от меня, отдав вам на расправу? — Фая повернулась к

спящему в углу ангара монстру.

Та клацнула зубами.

Даже во сне жрет.

Фаина не сдержала улыбку. Милое создание. То, что надо в компаньоны беззащитной и одинокой женщине.

— Нет, мы ее уговаривали около получаса. Сразу на нас она не накинулась, это было странно, и я дал приказ опустить оружие. Пока каждый из нас по очереди клятвенно не заверил вашу «девочку» о мирных намерениях в отношении вас, Катя не подвинулась ни на шаг.

— И вы закрыли нас в ангаре?

— Пока вы не дали согласия остаться с нами, надо же было вас где-то держать, — монстр шел за нами след в след, явно не собираясь оставлять вас одну. Кстати говоря, сегодня вы выглядите намного лучше, чем вчера, — Гипс улыбнулся, от его сального взгляда становилось не по себе.

— Выпустите Катеньку, ей нужно прогуляться и покушать.

— А вы всерьез думаете, что эти стены ее удержат? Этот ангар ей до задницы дверца, — Гипс ухмыльнулся удачной шутке.

Прямо Петросян местного разлива, — подумала Фая, — сам пошутил, сам посмеялся.

— Да что мы тут сидим? Пойдемте в поселок, там и посмотрите что к чему.

— А Катя? — женщина еще раз с умилением поглядела на свою «девочку».

Оставаться без такого внушительного прикрытия наедине с этим похотливым уродом Фая очень боялась.

— Катеньке покажут другой вход, через ракетную шахту, в ход, через который пойдем мы с вами, она не поместится.

Гипс взял Фаину за руку и повел к выходу из ангара.

— Катюша, не пропадай, пожалуйста, — успела крикнуть женщина, увлекаемая подозрительным квазом в сторону поселения.

Глава 7. Старые новые знакомые

У Иуды было много преданных друзей.

— Впусти! — стук в дверь становился более интенсивным, — тут только три бегуна! Впусти! Открой, сука! Мы без оружия! Впустииии!

— Рыбник, проснись! — голос Жмыха вернул его в реальность.

Ярослав быстро поднялся, ситуация того требовала, плохо ориентируясь в темноте, споткнулся об табуретку, зацепил стол. Все это сопровождалось грохотом падающей мебели.

Стук не прекращался, Рыбник нащупал засов, снял. Дневной свет резанул по глазам. В помещение ввалились две фигуры. Он быстро закрыл дверь, заложив доски на место.

— Ружье дай! — одна из фигур подала голос, те трое могут паровоз привести.

— А-а, сейчас. — В той же крошечной тьме Рыбник попытался нащупать свой дробовик, кажется, он оставил его на столе.

— «Красаву» возьми, — донесся голос Жмыха со стороны койки, — твоя ружбайка сейчас слишком нашумит, братка.

Ярослав аккуратно, но очень быстро подошел к кровати. Почувствовал, как винторез опустил ему в руки. Похоже, Жмых не спал уже давно, раз в темноте видит.

Рыбник повернулся, осторожно сделал несколько шагов. Зажечь свечу никто не додумался. Глаза, отошедшие от резкого дневного света, привыкали мраку, царящему внутри землянки. Один из гостей сидел, прислонившись спиной к стене возле двери, не подавая признаков жизни. Второй лихорадочно вертел головой.

И что он тут рассматривает. Темно как в заднице.

Ярослав протянул тому винторез. Снаружи уже отчетливо слышалось приближающееся урчание.

— Ты открываешь — я стреляю. — Уточнил гость. Он на два шага отошел от двери, вскинул «Вал».

Рыбник опять отодвинул засов, распахивая дверь. «Красава» застрекотал, выпуская очередь по мутантам. Доли секунды — и урчание сошло на нет. Один бегун почти достигнул своей цели, но упал.

Бесхитрость тварей на начальной стадии развития характеризовалась интеллектом на уровне двухлетнего ребенка. Его тело валялось в полуметре от стрелка.

Захлопнув дверной проем, Ярослав подумал о том, что все-таки неплохо было бы осветить помещение. Он подошел к столу, чиркнув зажигалкой. Веселый оранжевый огонек светил ровно.

— Тела оттяните в выгребную яму, нечего им тут вонять, — напарник Рыбника, безучастно наблюдал за происходящим, кажется ему было все равно.

— Жмых, старик, какая встреча, — стрелявший подошел к койке, протягивая руку в приветствии. — А ствол у тебя ничего, то, что нужно для рейдера, может быть, продашь по сходной цене?

— Болтов пачку. — Жмых не торопился отвечать на рукопожатие, — вали отсюда со своей шлюхой.

— Ты, наверное, забыл, что ствол сейчас у меня, — голос гостя отдавал нехорошими нотками, — а ты, я смотрю не в самой лучшей форме. От его глаз не укрылось уже высохшее, но, тем не менее, достаточно большое пятно крови в районе ног Жмыха.

— Ствол отдал, мудило. — Ярослав почти сразу сообразил, что его крестный и гость друг друга, мягко говоря, недолюбливают, поэтому быстро взяв со стола дробовик, незаметно встал за спиной пришельца, направив оружие аккурат в затылок. Есть большая вероятность, что магазин винтореза пуст, но отдаваться на волю случая было бы, по меньшей мере, странно. — Без глупостей.

За второго гостя, точнее гостью, Рыбник не переживал. Это была девушка, видимо, только попавшая в Стикс, и оттого сидевшая в ступоре. Оружия у нее не было, да и вряд ли она умела с ним обращаться. Строгая блузка вкупе с юбкой-карандашом, завершающие ансамбль босые ноги в драных колготках, выдавали в ней сотрудницу офиса.

Обувь, скорее всего, она бросила по дороге, видимо, убежать на каблуках от мутантов по тайге было крайне неудобно, и, то ли напарник посоветовал, то ли сама она до этого дошла, но правильное решение было принято. Уж лучше без обуви, но с головой.

— Да шучу я, держи. — Он с силой бросил напарнику Рыбника «Вал», Жмых поймал оружие. Тут же перезарядив магазин, направил дуло ствола на пришельца.

— Рыбник, убери свою дуру, еще разнесешь ему башку ненароком. Эта гнида ничего нам не сделает. Отойди к двери, Сезам.

Тот развернулся, обошел Ярослава, одарив того хищной ухмылкой, присел рядом с девушкой.

— Херу рассиживаешься, иди тела оттаскивай, твой косяк. — Напарник не стал давать Сезаму время перевести дух, и девку свою возьми, вдвоем сподручнее.

— Жмых, хоть нож дай, я хабар поищу. Пустой я.

— На, предатель, — напарник кинул со своей койки тому нож, до этого момента принадлежащий Рыбнику, — и не вымогай, чуть что, пуля в тушке тебе обеспечена.

Сезам взял с пола «мичмана», суетливо начал потрошить бегуна, валяющегося в землянке. Цыкнул. Видать пусто. Рыбник стоял молча, наблюдая за манипуляциями гостя. Затем Сезам открыл дверь, взял мутанта за ноги, коротко прикрикнул на безучастную ко всему девушку: «Пошли».

Она поднялась, плохо соображая, попыталась трясущимися руками взять труп за голову, видимо, опыта в таскании тел у нее было маловато.

— За руки бери, дура, — Сезам был зол, и свое отвратительное настроение вымещал на ни в чем не повинной представительнице прекрасного пола.

Когда тело бегуна вместе с неожиданными гостями исчезло из землянки, Рыбник прикрыл дверь, запирая на засов.

— Объяснишь, что за тип?

— Сезам, мой крестник. Ходили в рейд, на месте оглушил меня, раздел и запер в подсобке магазина. Мразь. Обчистил всего и исчез.

— И что делать будем?

— У тебя есть предложения?

— Есть. Не очень-то радужные и мерзкие по сути...Валить их надо.

— Я тоже об этом думал. Но не так категорично.

— У тебя есть другие варианты?

— И да, и нет. Насчет Сезама согласен, нечего этому ублюдку небо коптить. Меньше зла сделает. А вот девка...за что ее?

— Она не иммунная. Будем ждать пока переродится, или совершим акт милосердия?

— Так ты видишь иммунных?

— У всех нас аура красноватого отлива. У девки — быстро теряет цвет и становится желтой. Она не иммунная.

— Зачем он тогда ее за собой таскает? — Жмых нахмурился, видимо, думал.

— Тебе это действительно интересно?

— Если честно, братка, то нет.

— Вот и я о том же.

— Мне правда вчера ногу лотерейщик оторвал, или приснилось? — они разговаривали вполголоса, чтобы у Сезама было меньше вероятности подслушать, о чем идет речь.

— Да. Если бы я не догадался твою ступню взять с собой, сидел бы сейчас с кочерыжкой. Кстати, как себя ощущаешь?

— Немного побаливает, а так норм. Спасибо, братка. С оторванной конечностью за границами стабов делать нехер. — он прищурился, — Значит, знахарь.

— Знахарь. Так этих голубков валить будем? — Рыбник вернулся к животрепещущей теме.

— Как получится. Зайдут, я их обездвигу, потом пристрелю. И нечего девчонке мучиться, пулю в голову пуцу — она и не поймет.

— Тебе патронов не жалко? Можно и топором обойтись.

— Вот Сезама топором и покромсаешь, а девку жалко. Пусть ее смерть будет безболезненной. И это, — Жмых замаялся, глядя на свою ногу, — уходить надо.

— Да, это место становится популярным. А ногу я тебе еще подлатаю. — Ярослав пристально взгляделся в область своих работ. Нити никуда не делись, лишь спутались и укоротились, но их стало на порядок меньше, чем Ярослав помнил. Жгут напарник снял, тот валялся рядом с кроватью. В целом, нога выглядела почти работоспособной. — Что с сумкой делать будем?

Договорить они не успели, послышался стук в дверь, Сезам крикнул: «Открывай!».

Сначала зашла девушка, вслед за ней — парень. Он шел уверенной походкой, но обо что-то споткнулся, отчаянно махая руками и пытаясь удержать равновесие. Рыбник зашел сзади, именно он открывал дверь, и быстрым сильным замахом тюкнул того топориком по темени.

Хруст. Тело, потерявшее функцию находиться в вертикальном положении, начало заваливаться. Все, не жилец.

Девушка повернулась на звук, но испугаться не успела, пуля ударила в висок и прошла навывлет, намертво застряв в деревянной стене. Выходное отверстие раскрылось «розочкой», а содержимое немного зацепило Рыбника. Неприятно, конечно, но вполне терпимо.

— Жмых, ты ноги ему из пола выдерни.

— Зачем, он прекрасно смотрится, как предмет мебели.

— Прекращай.

— Ну что, господа душегубы-потрошители, обсудим дальнейшие планы? — В проеме незапертой двери появился неизвестный кваз.

Глава 8. Подземелье

Прячутся богатыри в пещере от дождя. Прилетает Горыныч: «Можно я тут в уголке посижу?» — «Вали нафиг». — «Народ, ну там сыро, дождь, можно я посижу?» — «Вали нафиг». — «Ну пожааалуйста!» — «Ладно, заходи».

Залетел Горыныч в пещеру, лег незаметно в уголке калачиком, бормочет: «Вали нафиг, вали нафиг... я здесь живу вообще-то».

Гипс вел Фаину ко входу в поселок как-то странно, крепко взяв ее за руку. Он петлял, словно таксист, доставляющий иногороднего пассажира. Женщина еле поспевала за его размашистыми шагами, стараясь не споткнуться о валяющийся металлический мусор у себя под ногами.

Смотреть надо было в оба глаза. Ощущение такое, будто где-то рядом, в центре базы металлолома подорвали N-ое количество тринитротолуола, ну или пластида, на худой конец. Фу, свалка.

В голове мелькнула мысль о том, что все это неспроста. Не олигофрены, раз все еще живут. Наверняка на подступах ко входу в поселение стоят противопехотные мины и растяжки. Свои все знают и прекрасно ориентируются, а вот чужакам ходу нет.

Гипс резко увел Фаину в сторону, и также петляя, повел к большому ветхому деревянному сараю, выдавшему Сталина, репрессии и Вторую мировую войну.

Внутри помещения оказалось нечто, схожее с надстройкой подводной лодки. Стены из черного запыленного металла, кое-где битые коррозией, новизной не блистали.

Возле двери, ведущей внутрь конструкции, Гипс остановился. Он стукнул по металлу два раза. Ровно через пять секунд еще четыре. Послышался скрип замка.

Да что за безрукие идиоты. Ладно, в ангаре дверь смазать — запахло полнейшее, но здесь, замок, который открывает вход в поселок....

Ей-богу, безалаберность Гипса бьет все рекорды.

Со входа тянуло пылью и затхлостью. А тут точно люди живут? Вниз вела крутая лестница. Они спустились, повернули направо, открылся длинный коридор шириной метра три.

— Следуй за мной.

Да понятно, больше тут никого нет.

Прошли бетонный коридор со стенами неопределенного оттенка. Так себе обстановка. Потолок, почему-то крашенный в темно-синий цвет, небо они, что ли, пытались изобразить?

Полустертые полы из камнебетона. Атмосферу завершали решетчатые плафоны, работающие с переменным успехом. Да, не Версаль.

Фаину не очень удивило то обстоятельство, что через некоторые промежутки встречались бойницы с торчащими из них стволами чего-то крупнокалиберного. Пулеметы, наверное. Орудия стояли не для декораций, у станков явно кто-то дежурил. Как еще объяснить то, что когда парочка проходила мимо, стволы были направлены именно на них.

А если нервы у кого-то не выдержат? Гипс, может быть, и безусловный лидер, но врагито есть у каждого человека. Собственно, в курс дела ее со временем введут. Разговаривать с квазом не хотелось. Вообще ее жутко бесил этот нахальный самодовольный мудака.

Сочающуюся со всех щелей похоть этого крокодила можно было ощутить и без дара интуиции, даже скрывать ничего не пытается. Рубаха-парень, что в голове, то и на лице.

Точнее, на морде.

Прост, как топор. Это плохо. Если он глава поселения, то, скорее всего, является и главнокомандующим. А резон иметь главнокомандующего без мозга?! Находка самоубийцы.

Фаина очень жалела, что Катенька выбрала именно это поселение. Ну да, у зверюшки отсутствие сколько-нибудь ума вполне объяснимо, но у Гипса? Она смотрела тому в спину почти с ненавистью.

— Вы, Фаина Анатольевна, очень странное существо, еще около часа назад мечтали выбраться из ангара хотя бы не по частям, а сейчас уже готовы прирезать своего спасителя. Причем без ножа, — вещал ехидный голос в голове.

— Я согласна и на удавку, заткнись. — Кваз, видимо, почувствовал сомнения Фаи, и, обернувшись, растянул губы в жутком оскале.

— Мы почти на месте. Бритни!!

Из-за угла показалась прелестная блондинка лет двадцати-двадцати пяти. Она действительно была очень похожа на знаменитую представительницу шоу-бизнеса того мира, который не так давно покинула старая женщина.

Большие карие глаза, точеная фигурка, легкая грациозная походка. Фаина с тоской подумала о своей давно ушедшей молодости.

— Фаина Анатольевна, — нарочито небрежно, наверняка специально назвав женщину по имени-отчеству, проговорил Гипс, — это Бритни, моя супруга.

— Рада знакомству, — Фая ответила на рукопожатие, нехорошие сомнения тут же рассеялись, она невольно залюбовалась красавицей-блондинкой.

Девчонка одарила Фаину такой обворожительной улыбкой, что женщина на секунду подумала, что все грязные мысли по поводу Гипса были спровоцированы страхом и не в меру разыгравшимся воображением.

— Бритни, солнце мое, покажи нашей новой кухарке, — он издевательски вычленил это слово среди прочих, — где у нас что. В общем, адаптационную работу перекладываю на твои хрупкие плечи. Рад бы с вами провести побольше времени, но, увы, дела не ждут. — Он поцеловал Бритни в щеку, Фаину же не удостоил даже взглядом, и свернул в ближайший коридор, торопясь по своим делам.

— Ну что, пойдём?! — легкая беззаботность блондинки передалась и Фае.

— Я думаю, неплохо было бы начать с душа.

Фаину Гипс узнал сразу, как только увидел. Чудны дела твои, Господи.

Фая, Фаюшка, свет очей моих, наконец-то мы встретились.

Он ухмыльнулся. Да уж. Земля круглая, а филейная часть до безобразия скользкая.

Ему было 40, когда судьба очередной раз сделала поворот не туда.

Коттеджный поселок провалился в ад вместе со всеми его обитателями. Гипс, тогда еще Леха, присматривал недвижимость с важным видом. Мог себе позволить.

После школы, переругавшись со всеми вокруг, не стал поступать на вышку. Хоть Леха и учился хорошо, перспектива быть нищим студентом ближайшие несколько лет радовала мало. Хватит. Семья у них была бедная. Мать растила пятерых детей, Леха был третьим. Две старшие сестры давно вышли замуж, и, приезжая в гости к родителям неизменно плакались на свою горькую судьбинушку, обнося и без того скромный бюджет.

Засранки.

Вообще Гипс старался как можно меньше вспоминать о своих родичах. Вырвался, и слава Богу.

Сразу пошел работать. Неофициально, приходилось косить от армии. Особо не выбирал — трудился там, где больше платили. Темными ночами разгружал вагоны, днем впахивал на цементном заводе арматурщиком. Пока было здоровье.

С личной жизнью как-то не сложилось. Женщин Леха не привлекал. Их привлекали деньги. Когда барышни понимали, что на большее, чем самое дешевое мороженое в кафе им рассчитывать не придется — переставали отвечать на звонки. При встрече высокомерно улыбались и старательно не смотрели в глаза. Некоторые, добравшиеся до его постели, пропадали бесследно. Да он о них особо и не жалел. Больше денег останется.

И вообще. Мама всегда говорила, что он самый лучший.

А потом появилась она. Симпатичная студентка с факультета бухучета. Такая живая, настоящая. Непонятно даже, чем он ее заинтересовал. Машины тогда еще не было и в помине, парень, худощавый и вытянутый на два метра в длину не являлся образцом мужественности.

Они много гуляли, разговаривая о разных вещах. Фаина почти никогда не перебивала, внимательно слушая собеседника. Идеальна.

Как-то даже Леха подарил букет полевых цветов, купленный у вездесущих бабулек. Через несколько недель после знакомства она пригласила его к себе. Родители Фаи уехали в другой город на пару дней, чтобы проведать родственников. Квартира была полностью в распоряжении молодых людей. Гипс приоделся, побрился, пришел с бутылкой портвейна «777» в руках. Есть выпивка — зачем что-то еще? На пороге замер.

Кем были ее предки? Дом обставлен красиво и дорого. Мебель времен Российской империи вкупе с изящными ненавязчивыми безделушками. Паркет, ковры с причудливыми редкими узорами, кое-где — лепнина. С домом, где вырос Леха, все это убранство составляло разительный контраст.

Гармонично.

Имелась и библиотека. На стеллажах стояли старые издания книг в мягком кожаном переплете, по соседству за прозрачной витриной устроился хрустальный сервиз чешского стекла. Мини-бар здесь же. Портвейна среди коллекционного алкоголя не водилось.

Присвистнул.

Фаина тогда с презрением посмотрела на бутылку дешевого пойла, достала из гостевого шкафа армянский коньяк. Пригласила за небольшой трехногий столик темного дерева. Алексей устроился в оббитом белым бархатом кресле.

Царь. Как есть царь.

Девушка удалилась на кухню за закуской, оставив ухажера некоторое время в одиночестве. Время зря он не терял, внимательно осматривая убранство зала.

Вечер прошел чудесно, и уходить не хотелось. Фаина буквально вытолкнула его из квартиры.

— Я могу остаться на ночь.

— Нет.

— Почему?

— Я люблю спать одна.

— Не вопрос, я лягу на диване.

— У тебя дома тоже есть диван. Пока. Удачи.

Металлическая дверь захлопнулась перед носом, несколько раз провернулся, щелкая металлическим замком, ключ. Леха смотрел себе под ноги, обозревая выкрашенный

новенькой бежевой краской пол подъезда. Белизна стен отдавала неприятным холодком.

Что он сделал не так?

Это любовь. Парень, по достоинству оценивший убранство чужой жилплощади, твердо решил жениться. И мелких на время учебы можно сюда перетащить...

Зачем ее родителям столько пустого пространства? Да и видно, что с жиру старики бесятся, вон, люстра в зале ценою в две месячные зарплаты. Надо жениться.

Завтра он купит ей букет цветов и сделает предложение. Да.

Фаина так не думала. Закрыв за незадачливым ухажером дверь, она открыла окно и выкинула с четвертого этажа бутылку портвейна. Нечего осквернять ее уютный дом этим дерьмом.

Зачем он ей сдался? Жлоб, каких поискать, рабочий... фу. Родители выбор никогда не одобряют.

На следующий день Леха, приодевшись, ждал Фаину на выходе из университета. Девушка не показывалась. На звонки не отвечала. Букеты, купленные заранее, вяли один за другим. Она пропала.

Несколько раз Алексей приходил к Фаине домой. Скупые отговорки матери.

Ее нет, когда будет, не знаю, да, с подружками гулять ушла.

В последний раз дверь открыл отец девушки. Крепкий мужик под ростом чуть выше Гипса с нелепыми круглыми очками на грубом лице.

— Пшел отсюда, и чтобы я больше тебя здесь не видел!

Анатолий Леонидович не стал увиливать, кидая в лицо до смешного глупые отговорки. Сказал все как есть. Еще теплившаяся надежда на выгодную женитьбу полностью угасла, оставив в напоминовение неприятную горечь. Вот коза.

Он ее увидит. И заставит объясниться.

Несколько месяцев спустя Леха все-таки встретил свою затерявшуюся любовь.

Лучше бы не видел.

Компания рабочих собралась на перекур возле металлических с облупившейся серой краской ворот завода. Теплая такая компания, душевная. Мужики, обменивались ничего не значащими дежурными фразами, когда мимо прошла толпа девчонок. Студентки с факультета бухучета. Была с ними и Фаина.

— Подожди.

Девушка остановилась. Напряжение тех дней, когда она скрывалась от навязчивого ухажера, давно схлынуло. Фаечка была готова к разговору.

— Привет, ты куда пропала?

— У меня были дела.

— Я должен тебе кое-что сказать. Выходи за меня замуж!

На секунду лицо девушки приняло задумчивое выражение. Рот растянулся в улыбке, обнажая ровные белые зубы. А потом... Она захохотала так, что притянула все внимание находящихся поблизости людей.

— Фая... не надо так... Я же со всей душой.

Девушка прекратила смеяться, посерьезнев.

— Я говорю «нет».

— Почему? — Леха все-таки надеялся, что сможет выбить согласие, переубедив строптивую девицу.

— Ты действительно хочешь знать?

— Да.

Толпа замерла в ожидании. Хлеба и зрелищ.

Разворачивающаяся сцена обещала интересную концовку.

— Ты — ограниченный человек, с которым не о чем разговаривать.

— Но...

— Не перебивай. Я четыре раза выслушала, как тебе удаляли аппендицит. Поверь. Теперь я эту историю знаю наизусть. Ты — жлоб. А еще...

— А давай-ка — парень был уверен, что дальше последуют такие же нелогичные и голословные обвинения.

Жлобом он не был. И это правда. Просто львиная доля заработанных денег уходила на содержание родителей и младших. За общагу заплатить, поесть опять же... Ну, может и не начитан. Так это поправимо. Вона у них в квартире сколько книг. Полистает, будет о чем поговорить.

— Я не хочу говорить это при всех.

— Начала — продолжай.

— Сам напросился.. — Она немного задумалась, чтобы сформировать четкую мысль. — В постели ты как куль с говном, а о размере и упоминать даже не хочется. Извини уж. Мне пора.

Алексей стоял в шоке, приоткрыв от удивления тонкогубый рот.

Фаина быстро удалялась вместе со всей толпой подружек. Коллеги откровенно ржали над униженным и уязвленным в самое больное место парнем. И это обстоятельство напрягало.

Такой спектакль не каждый день увидишь.

А теперь попробуй докажи, что все не так, как сказала Фая.

Опозорился, емае. Выйдя из ступора, покрывшись малиновой краской до кончиков ушей, Алексей быстро зашагал к давно скучающей арматуре.

Хватит отдыхать, оплата-то сдельная.

Сильного и уверенного человека подобный инцидент врядли бы сломил. Но Гипс не был ни сильным, ни уверенным.

С головой уйдя в работу и раз за разом переживая столь позорное поражение, он лишь озлобился. На всех. Подколы и насмешки, следующие одно за другим ломали и без того депрессивную личность.

Со временем Леха поставил на место всех. Кого-то силой, а кого-то хитрой подлянкой изподтишка, но результат того стоил. Смеяться над ним перестали, то ли позабыв о конфузе, то ли из страха возмездия.

И жизнь парня потекла своим чередом. Через некоторое время начал барахлить позвоночник — работа с бетонными конструкциями здоровья не добавляла. Не желая отказываться от хороших денег, и хорошо все спланировав, он параллельно закончил модные в то время курсы менеджмента. Долго искал теплое и выгодное местечко. И, что неудивительно, нашел.

Экономя каждую копейку, потихоньку откладывал на собственное жилье. Была у Алексея голубая мечта — дом в коттеджном поселке. И чтобы непременно с библиотекой и креслами, оббитыми белым бархатом.

Лысеющий худосочный мужичок, выслушивая агента недвижимости, разливающегося соловьем, думал о том, что предложение хоть и выгодное, но поторговаться сам Бог велел.

Глядишь, и на книги кое-что останется.

Но опять не свезло. Белесый туман, померкшее сознание. И он в Улье. Добро пожаловать, дорогой.

Единственным приятным моментом в этом аду была случайная находка Подземелья. Да, есть где развернуться. В этот шанс он вцепился руками и ногами, и до сих пор не жалел о принятом когда-то решении.

Вот и во второй раз удача улыбнулась Гипсу во все тридцать два зуба.

Фая, Фаечка, Фаина...

Блондинка оказалась не такой уж и душой. Не без изъянов, конечно, но ее речь больше соответствовала женщине средних лет, нежели глупой девчужке, едва отпраздновавшей совершеннолетие.

Закончив водные процедуры, Фаина стояла, перебирая стойки с вешалками в необъятном общинном гардеробе. Она никак не могла разобраться с размерами, хотя раньше проблем никогда с этим не было.

— Каждый месяц от нашего стаба отходит караван, — продолжала чирикать Бритни. — В состав обязательно попадают те, у кого появились признаки трясучки. Конечно, многие стараются до этого не доводить, но получается далеко не всегда.

У некоторых проявления болезни вообще не зависят от какого-либо четкого графика. Человек может просидеть в Подземелье полгода без особых неудобств, а через некоторое время проникнуться всеми прелестями этой болезни через месяц-другой после активных профилактических передвижений.

Караваны мы отправляем постоянно, но единого направления нет, Гипс говорит, что так наше местоположение вычислить сложнее всего. Вдобавок ко всему, при подъезде к любому населенному стабу он приказывает делать солидную петлю в несколько десятков километров, чтобы зайти с другой стороны.

— А с чем вы отправляете караваны? — Фаина примерила очередные брюки, форма одежды в Подземелье была свободной и ограничивалась лишь фантазией и рамками приличия.

— Ты не догадываешься? — Бритни смотрела на Фаину, одобрительно кивая.

— Я читала в «выживалке», что наибольшую ценность в Улье помимо споранов и производных составляют оружие и боеприпасы.

— Так и есть. Здесь целая сеть складов, модернизационных мастерских и просто заброшенных коммуникаций, обновляющихся сравнительно быстро, поэтому, можно сказать, мы очень богаты.

— Сдается мне, что здесь богатство является далеко не благом, а причиной постоянных беспокойств, впрочем, на Земле это правило тоже никто не отменял.

— Это да, Гипс постоянно нервничает, чтобы нас никто не нашел, у него паранойя. Состав поселения постоянен и пополняется только из перезагружаемых кластеров в Подземелье. Женщин наши купцы чаще всего выкупают из рабства, поэтому соотношение полов к нас где-то 1:1. Я искренне не понимаю, почему ты здесь и зачем тебя привели. В представительницах прекрасного пола у нас дефицита нет.

— Это, наверное, благодаря Катюше.

— Да, он говорил, что притащила тебя наша крокодила.

— Почему ваша? — Фая помнила, что мужчины, которые до этого заходили в ангар, при

виде Катеньки вели себя достаточно скромно. — Я ее вытащила из жуткого побоища, устроенного на трассе, возле которой меня выбросило. — Бритни пристально всмотрелась в Фаину, затем улыбнулась.

— Правду говоришь. И как же ты ее вытащила? — очень похоже, блондинка была ментатом, но слабоватым, судя по тому, что ее реакция на слова Фаи была далеко не мгновенной.

— Катенька попросила мяса. Пришлось нести. Вечно я от своей жалости ворох проблем получаю.

— Думаю, если бы не крокодила, тебя бы давно уже съели.

— Ее зовут Катя. Так почему она ВАША?

— Видишь ли, на поверхности наши люди показываются очень редко, за исключением, когда отходят караваны. У нас очень много выходов, и, зачастую, они находятся на открытой местности, где полноценная оборона может демаскировать. Ребята обходятся противопехотными минами и растяжками, прочей мелочевкой. Есть три выхода, хорошо укомплектованные и охраняемые, с минометами и прочей крупнокалиберной чепухой, — Бритни придала своему лицу скучающий вид. — Так вот, почти всю территорию вокруг наших выходов «держит» эта крокодила. Она никогда не нападает, к «дверям» не подходит, чуёт, видно, что подорваться может в любой момент. Чужаков сжирает без разбору и скидок. Очень удобно, вполне себе симбиоз. Для нас это также возможность выкинуть из Подземелья лишний балласт в виде неимунных людей, а так же предателей, которые у нас регулярно появляются.

— Каким образом?

— Слушай, Фаина, ты утомляешь глупыми вопросами. Ну, сама подумай. Мы не в вакууме живем. У людей снаружи возникают вопросы, а откуда это идут такие многотонные грузовики, под завязку нагруженные оружием и боеприпасами. Причем, зачастую достаточно редкими и дорогими. На ксера не съедешь — какой бы развитый он ни был, а «гиацинты» и системы залпового огня штамповать не может, тем более в таком количестве, в каком мы их продаем. У нас постоянно подгружаются ремонтные мастерские. Мужчины, да и женщины в основном работают там, причем круглосуточно, реанимируя и модернизируя солидную часть вооружения. На всю эту малину наверняка когда-нибудь найдется голодный и злой медведь. Гипс рефлексит постоянно. Людей мало по причине сверхсекретности нашего расположения, процент иммунных, сама знаешь, невелик, да и с количеством народа на наших кластерах, как говорит Туман, полный швах. Триста человек постоянного населения — это очень мало. В открытое противостояние мы вступить не можем, вот и сидим в норе, как крысы. Народ, уставший от постоянного нахождения под землей, в отпусках срывается, доходит до абсурда.

Нашим ментатам приходится ставить такие блоки, что люди даже под пытками рассказать ничего не могут. Но ты сама знаешь, что на каждое действие находится противодействие. — Фаина внимательно слушала монолог далеко неглупой блондинки, делая пометки в воображаемом блокноте. На память она никогда не жаловалась, а Бритни рассказывала довольно интересные вещи.

Фая наконец подобрала себе наряд, с удовлетворением окинув себя взглядом в зеркале. Процесс регенерации уже начался, но завершен в полной мере не был. За один день на двадцать лет не молодеют. Но подвижки налицо.

— Бритни, ты не проводишь меня в комнату? Я очень устала и хочу спать.

— Может, поедим?

При упоминании о еде, Фаина скривилась. Фасолевый суп сомнительного вида ее не прельщал.

— Нет, спасибо. — Завтра, завтра, все завтра. Она для начала должна навести порядок в своей голове, а потом пытаться окружить себя им снаружи.

Бритни выделила ей стандартный одиночный бокс под номером 108, спальное место живущих в поселке людей располагались в «элитном» бомбоубежище. Но Фаине было не до размышлений.

Когда Бритни удалилась, Фая закрыла дверь на замок и упала без сил на широкую кровать. После собачьей подстилки в ангаре та показалась ей королевской периной. Она долго перебирала в памяти события прошедших дней, пока не заснула.

Пробуждение было странным. Свет включен, кто-то гладил по голове. Фаина открыла глаза. На краю кровати сидел Гипс.

Глава 9. Мигранты

— Я не люблю людей.

— Ты просто не умеешь их готовить.

Гипс ушел через несколько часов, довольный, словно кот, объевшийся деликатесами в рыбном магазине. Он обещал включить ее в свое расписание.

— Буду заходить раз в неделю, — делая одолжение Фае, сказал он. Положил на прикроватную тумбу горошину. — Это тебе бонус. Сегодня ты постаралась. — Женщина презрительно посмотрела на черный шарик. Интересно, он всем своим шлюхам хабар раздает?

— Свет выключи, и дверь закрой с обратной стороны.

Гипс усмехнулся и вышел. Эмоции, которые испытывала Фаина, сложно описать литературным языком, настроение более всего характеризовалось как мерзопакостное.

В истерику впадать женщина не собиралась. Лирика жизни — ты поимел, тебя поимели. Что поделаешь.

Расслабься и получай удовольствие, а что еще остается в такой ситуации?

Ей было далеко не восемнадцать лет, чтобы с ужасом в глазах лихорадочно искать способы свести счеты с этой страшной и несправедливой жизнью. Но обстоятельства требовали взвешенных и правильных решений, а чтобы их определить из бессвязной каши в голове, такой характерной для женской половины человечества, надо было думать, и думать много.

Время останавливаться не собиралось, педантично отсчитывая секунды, потом минуты и так по нарастающей.

Все имущество Фаины помещалось в небольшом пластиковом контейнере емкостью около полутора литров. На ее трофеи рот никто не разевал, и все, что женщина принесла с собой, осталось при ней. Судя по записям из «хрестоматии Стикса», она была неплохо обеспечена. Взгляд упал на шарик, почти незаметный в темноте ее комнаты.

Мля, ну и жлоб этот Гипс. Лучше бы ничего не дарил, не позорился.

С омерзением взяв в руки горошину, переложила ту в контейнер к общему «кошельку». Затем, восстанавливая потраченные нервы, мешком завалилась на свое ложе.

Так и лежала на кровати, изучая потолок и прикидывая варианты развития событий. Перспективы были безрадостными. Завтра, а может, это уже сегодня (Фая понятия не имела, сколько сейчас времени) Бритни обещала рассказать о ее прямых обязанностях, познакомить кое с кем из обитателей Подземелья.

Не сказать, чтобы женщине здесь очень нравилось, но в поселке было, по крайней мере, безопасно, и это был неоспоримый плюс. Минус же был очень и очень жирным, и заключался он в присутствии похотливого кваза в роли главы.

Надо же, как неудачно все вышло. Еще хорошо, что Фая, не теряя рассудок, не стала артачиться и одарила Гипса всеми прелестями и плюшками женской ласки.

Она прекрасно понимала, что в тот момент инвестировала в свое будущее. Если бы глава поселка мог в те моменты читать ее мысли — убежал из комнаты, даже не сняв брюк.

Потому что вид собственного тела с распоротым животом, измеряющего шагами вывалившиеся кишки на романтический лад не настраивает. Нет, Гипс полностью уверен, что Фаина получила незабываемое удовольствие, и жаждала новой встречи с ним.

Пусть живет в иллюзии, так даже интереснее.

Холодок в голосе при прощании уместен. Не лишний, определенно.

Он не был наигранным, ведь женщины никогда не признают, что им было умопомрачительно хорошо. Мда, пропала в Фаечке большая актриса. В конце концов, нельзя отрицать очевидное. Ей было хорошо. Володька в вопросах интимной жизни сдулся еще 10 лет назад. Тем не менее, насилия над собой она не признавала, да и служить подстилкой, пусть даже короля — далеко не мечта всей жизни.

Дайте шляпу и пальто, — а может быть, действительно, незаметно уйти, пока ментаты блок не поставили? Что тут ловить? Она здесь никому ничем не обязана, а то, что раздвинула ноги по первому требованию — да кому какое дело? Пусть за своими органами следят тщательнее.

Всем до глубины души плевать на прошлое других людей, и Фаина в своем случае не исключение. И все-таки. Пора валить.

Она без лишней спешки оделась, взяла в руки контейнер с ценным содержимым, открыла дверь. Бритни говорила, что ближайший выход налево по коридору в сотне метров.

Ну что ж, пора, спасибо, Гипс, за гостеприимство. Не поминай лихом.

Жмых и Рыбник напряглись. Улики налицо. Два трупа и один лишний свидетель. Неприятно. Они так бы и стояли молча, пока кваз, без приглашения зашедший внутрь, не догадался вступить с ними в диалог.

— Жмых, ты зачем ребят завалил?!

— А ты вообще кто такой, чтобы я перед тобой отчитывался?

— Лыба я, не узнал, что ли? Не? — Жмых продолжал недоверчиво смотреть на гостя. Ярослав счел нужным помалкивать, видимо, знакомые у напарника по окрестностям бегают табунами. — Значит, богатым буду.

— Лыба человеком был, а ты — урод, — безапелляционно заявил раненный, — и вообще, ты это, Лыбу зазря не вспоминай, погиб он, я еще за два дня как уйти из стаба об этом слышал. — Он не собирался отводить ствол винтореза с подозрительного кваза, нагло выдающего себя за другого человека. Благо патронов в магазине было достаточно.

— Да Лыба я. Жмых, хорош пурген гнать. Я тебе еще записку на сохранение оставлял. Там было горошина, два спорана и АКМС. Помнишь?

— Помню. Вот только я говорю, Лыба был человеком. — Напарник хоть и немного расслабился, но снимать с прицела гостя не собирался.

— Ну да, урод я теперь. Это из-за спорового голодания. Я еле ноги утащил из переделки, в которую нас Ацтек втянул. Один в поле не воин, тем более на Западе, сам знаешь, ночевать по гаражам пришлось, живчика с собой очень мало было, а две недели на трех каплях живца дали вот такой результат. Сам видишь, не ДиКаприо уже.

— Тебе не в рекламе сниматься, нихера страшного. А ну-ка еще чего-нибудь расскажи, братка, послушаю, решу, стоит тебе жить, или напрасно ты сюда заявился.

— Ты знаешь, я же сейчас в инвиз уйду, — кваз ухмыльнулся, — не поймаешь потом. Как тогда, когда мы гопников возле «Дохлой змеи» разгоняли. А еще мы с тобой в последнюю свою встречу Дориану глаз на жопу натянули, да так, что ему потом в больничке этот глаз часа три выковыривали и на место пришивали. Ага. Мне этого выродка потом за стабом завалить пришлось, вышел с больнички, ага, пошел в рейд, и не вернулся. Упырей в живых оставлять нельзя. Я тебе не успел сказать, Ацтек срочно на дело позвал, а ты с

Аконитой двое суток как зависал. Беспокоить стремно было, думал, тебе нашепчут, что Дориан пропал, а потом уж расскажу при встрече, порадую.

— И как ты его завалил? — напарник все еще с недоверием смотрел на Лыбу.

— По-братски. Ножик внутрь — кишки наружу, ага.

Жмых наконец-то опустил вал.

— Добро пожаловать, Лыба. Не поможешь, а то мы тут уже порядком подустали всяких гадов с Рыбником валить.

— Рыбник? Я такого не знаю, ну, собственно, будем знакомы. — он повернулся к Ярославу, коротко кивнул. — Новичок?

— Да, крестник мой. Знахарь. Вот, почти пришел мне ногу. — Жмых поднял и опустил конечность. — Если бы не он, загрызли бы меня бегуны на мосту поцелуев.

— Слушай, я наводил справки в городе. Мне сказали, что ты с Сезамом уходил, и где сейчас это дерьмо?

— Спутники на землю верни. Перед тобой этот красавчик лежит. С проломом в башке. Рыбник хоть и знахарь, а куда ткнуть знает. Короче, братка, помоги ему тела в выгребную яму побросать, я еще на своих двоих стоять не могу, больно мля.

— Для того, чтобы чайник поставить, и на одной можно допрыгать, я два дня пехом шагал, ага. Чайку заколоти, упырь. Ну че, Рыбник, понесли, что ли. Взяв одну из тушек, валяющихся на полу землянки, Лыба пошел прочь.

Выгребная яма была воплощением гения архитектурной мысли. В Волгограде, узнав, что на трассе есть такой удобный мини-стаб, радея о своих торговцах, нуждах рейдеров и естественно объеме потока товаров, вложили силы и средства в обустройство перевалочного пункта.

Зимовье здесь было изначально, а вот все остальное пристроили позже. К усовершенствованиям относились неглубокий колодец с питьевой водой, современная кабинка биотуалета с унитазом, позаимствованным из поезда, и, собственно, выгребная яма.

Понимая, что стычки и прочие неприятности в зимовье неизбежны, руководство озаботилось инструментом избавления от неприятных биоотходов. Вырыли несколько кубов земли, и, оббив стенки ямы, закрыли плитами пластика. Силиконом замазали щели стыков.

Яму наполовину заполнили едким натром или еще какой щелочью, и, зная о том, что химические соединения неустойчивы в кислородной атмосфере, сделали «плавающую» в горизонтальной плоскости промежуточную перемычку. Сверху открывалась еще одна, точно такая же, только снабженная люком, чтобы не отодвигать пласт полностью. Только в случае очень крупного тела.

Вся эта конструкция регулировалась болтами и ручками, абсолютно не внушающими никакого доверия с первого взгляда. Но надо же, о чудо, на столбе рядом, висела подробная инструкция по обращению с хитрым агрегатом.

Верь мне, я инженер. Конструкция была простой и достаточно крепкой. И с делом своим — уничтожением лишней биомассы — справлялась прекрасно. Вот в эту яму, к детищу научно-технического прогресса Стикса, и отправился Сезам со своей подругой.

Когда Лыба и Рыбник вернулись в землянку, чайник уже стоял на походной газовой плите. Жмых полусидел все там же — у себя на кровати.

Лыба присел за стол, на табурет, Рыбник возился с чайными пакетиками и кружками.

— Слышь, братка, а может по коньячку за встречу?

— Не сейчас. Чаю хочу, горячего.

— Братка, я тут уточнить хотел, а зачем это ты сюда пришел? Из Волгограда и пешком. Странно как-то.

— За чем, за чем. За шкафом. За последние несколько месяцев зимовье пять раз полностью обчищали неизвестные придурки. Администрации это дело не нравится, тем более, что их так и не находили, умные, падлы, нигде не засветились с ворованной снарягой. Меня как зрителя прислали, так сказать одним глазом фейс-контроль осуществлять. Чуть что не так, или заваруха какая, в инвиз ушел, и нет меня, ага. А у тебя какие планы?

— Да вот сейчас Рыбник меня подлатает, да пойдем потихоньку в Волгоград. Тут недавно чей-то караван монстры разбили, часом не видел?

— Ага, там еще камень стоит указательный. Почитал, поржал да дальше пошел. По своим делам. А сумарь чей, ваш?

— Ну а чей же еще. Местный бы уже в шкафу валялся. Разобрать надо, да тут как с пеплица пришли, и минуты продыху не было. На подходе к землянке лотерейщик мне ногу зацепил, да так, что я и не сразу сообразил, что со мной, только свалился. Правда, я его к земле пригвоздить успел, Рыбник сам глушил. Потом вот меня оттянул, да латал пока я в отключке валялся.

Только глаза продрал — Сезам нарисовался, орал так, что я уж было подумал, жрут его там, за дверью. Знал бы, что эта гнида там — хер бы открыл падле. Ну, да ладно. Все хорошо, что хорошо кончается, — Жмых любовно погладил «красаву». Рыбник, братка, ну че, давай, наверное к процедурам приступим, путь к стабу неблизкий, выдвигаться пора уже.

Ярослав, отставив чашку, подтянул табурет к кровати, на которой сидел напарник.

— О, я ж совсем забыл. — Лыба открыл рюкзак, порылся, достал простенький ледовский светильник на батарейках, — а то совсем, как в пещере. Сколько народу ходит, до сих пор никто не озаботился вопросом освещения, ага.

Рыбник осматривал поврежденную ногу. Немного работы — некоторые сухожилия друг друга «не нашли», их концы висели разлохмаченной тряпкой. Вот и начнем, Ярослав вздохнул, предвкушая пару часов монотонной кропотливой работы. Собственно, вчера было намного страшнее. Глаза боятся, а руки-крюки.

Когда он закончил и поднял глаза на Жмыха, тот дремал, все так же поглаживая винторез. Лыба улегся на другую койку, до этого времени занимаемую Ярославом.

— Жмых, проснись.

— А?

— Встать попробуй.

— Зачем. Мне и лежать неплохо.

— Прекращай. Встань, тебе говорят.

Напарник осторожно, опасаясь приступа боли, опустил ноги на пол. Встал, сделал несколько шагов по направлению к двери. Вернулся.

— Как новенький.

— Тогда хлам в рюкзаках перебираем, и двигаем.

Они наполнили фляги свежеприготовленным живчиком, уложили все, что потребуется в дороге, и, тепло попрощавшись с Лыбой, вышли.

Прошлогодняя хвоя приятно пружинила под ногами. Предварительно оговаривая со Жмыхом выбранный маршрут, решили идти к трассе через проход в черных кластерах. Тот был узким и извилистым, сумасшедший конструктор Улья явно позабыл, что, складывая пазл, детали нужно притирать вплотную.

Ну, да это к лучшему. Если бы не этот ход, пришлось бы делать солидный крюк, теряя время. А времени было очень мало. Ночевать за пределами стабов небезопасно, в любом случае стоит поторапливаться.

Ярослав с интересом разглядывал черный кластер. Черная трава, черные деревья с такими же черными листьями. Не хватало только раскачивающихся на ветках белых-белых трусов. Это поправимо. При желании.

Художники Земли многое бы отдали за возможность сделать зарисовки с диковинного стеклянно-безразличного кусочка Улья. Рыбник художником не был. Он был человеком, цель которого — обеспечить себе приемлемые условия жизни.

Если уж его закинуло в этот странный мир — это не повод накладывать на себя руки. Чем он займется? Да еще не придумал. Капитала, который они выпотрошили из монстров, решивших напасть на неизвестный караван, с лихвой хватит открыть какое-нибудь небольшое, но прибыльное дело. А дальше — будем посмотреть. По обстановке.

Жмых же шел и думал о том, как придет в Волгоград богачом, и, отдав все долги, большие и маленькие, наконец-то найдет в стабе подходящую работенку и женится на Аконите. Обустроит небольшое семейное гнездышко, а там, может и детишек решит настрогать, кто знает.

— Что-то происходит, Жмых, ты чувствуешь?

— Нет. — они почти уже вышли к трассе. С одной стороны ее зажимала чернота мертвых кластеров, с другой вдоль дороги протянулся длинный высокий вал, покрытый травой и невысокой растительностью. — И что ты ощущаешь? — спутник с недоверием посмотрел на Рыбника.

— Что земля дрожит.

Жмых задумался, потом внес свое предложение.

— Неспроста это все, на вал надо подняться, раз тут, кроме дороги ничего не видно. Осмотримся, там решим.

Стали карабкаться вверх, по склону. У напарника на шее болтался бинокль. Забравшись первым, тщательно осмотрел окрестности. Видимо, взгляд явно за что-то зацепился, он долго смотрел на север.

Вроде ж лес, чего он там изучает?

Наконец, отняв бинокль от лица, Жмых устало потер переносицу.

— Хана нам, братка. Орда идет.

Глава 10. Побег

Мышьяк имеет приятный запах горького миндаля. На вкус тоже еще никто никогда не жаловался.

Фая вышла из своей комнаты, держа в руках контейнер с «лотерейным» выигрышем. Емкость была неудобной, и она, не торопясь, думала о том, где бы сейчас раздобыть рюкзак.

В существование Улья и новый порядок вещей Фаина Анатольевна поверила на грани «края фантастики», но, если следовать ее логике вещей, расхождений в сюжете хода событий не наблюдалось, поэтому актуально на данный момент действовать сообразно ситуации.

Если она очухается дома в своей мягкой теплой постели, и это все окажется бредовым сном в режиме «осознанное сноведение», будет просто замечательно. Только надежды на такой поворот событий становится все меньше и меньше. Слишком реальные ощущения.

На память Фаина никогда не жаловалась, поэтому «основы» выживания в Стиксе легли в извилины головного мозга простыми и непреложными истинами. Некоторых мелочей она не помнила, да это не смертельно.

Найти рюкзак, где, мать вашу?! Полную экскурсию по Подземелью Бритни, к сожалению, не провела, и это было досадным упущением. Оправдать-то себя вполне реально. После долгожданных гигиенических процедур сразу стали слипаться глаза, есть не хотелось.

Кстати о поесть. Блондинка говорила о кухне, располагавшейся с «левой стороны по коридору два лестничных пролета, потом направо четвертая дверь слева. Надпись «столовая»».

Без еды путешествовать будет некомфортно. Не так уж ужасно, конечно, но очень неприятно. Фая не питала уверенности в том, что Катенька преодолет расстояние до ближайшего города хотя бы за сутки. Нет, девочка очень быстро бегает, но ведь и у нее есть предел.

Нужно чем-то питаться. Закон сохранения энергии еще никто не отменял.

В жизни Фаины Анатольевны никогда не было места жестким диетам, она всегда предпочитала альтернативные решения в виде правильного питания и достаточных физических нагрузок. Потому-то к голоду была не приучена.

Отсутствие в процессе бегства пищи не фатально, ведь где-то в Улье есть супермаркеты и небольшие магазинчики с консервами, чипсами и прочей чепухой, но планировать поход без материальной поддержки брэнного тела, и имея возможность запастись некоторой провизией, надеяться на «рояли» в виде свежескинутых с Земли и не разграбленных магазинов со всем необходимым, было бы, по крайней мере, очень глупо.

Лестница. «...Два пролета, потом направо». Освещение было унылым, но оно все-таки было. Это утешало.

Фаина заметила, как по коридору навстречу ей двигалась человеческая фигура. С зрением у женщины были серьезные проблемы, она плохо видела предметы, находящиеся от нее на некотором расстоянии. Близорукость близорукостью, вот только понять, что фигура двигается далеко не естественно, мозгов у Фаи хватило.

Прямой, будто проглотил кол, походкой, слегка шевеля при ходьбе руками и грациозно потягивая носок, к ней приближался «балерун».

— Доброго вечера, эээээ...

Парень подошел ближе, протянул руку в приветствии.

— Уже ночь давно. Балерун. — бодро представился мальчишка. Ведь еще недавно нервно дрожал в ангаре при виде питомца Фаина Анатольевны.

А надо же, как четко село прозвище, — подумалось ей. Фая пожала руку, протянутую парнем.

Его ладонь была очень холодной.

Из какой морзилки он вылез, непонятно.

— А имя у тебя есть?

— Антон. — Балерун смутился, — но здесь у нас в основном по прозвищам называют.

— Не важно. Антон, мне не все показали, а я есть очень хочу. Не проводишь меня в столовую?

— Знаете, Фаина, у меня скользнула мысль, что проблема голода в человеческом обществе актуальна всегда, вне зависимости от того, какой за мир нас приютил. Я тоже туда направляюсь, — она пошла вслед за Балеруном.

Остановившись возле двери с надписью «кухня», он прошел в помещение. Включил свет.

— Продукты, аптеки и гробы — это тот бизнес, который никогда не угаснет в человеческом обществе. — Фаине было нужно как-то поддержать беседу. Она огляделась.

— Аптеки в Улье уже давно разорились.

Кухонный гарнитур с газовой плитой, несколько холодильников, мелкая бытовая техника. Фаина подумала, что в этих условиях нереально приготовить пищу трем сотням человек, живущим в Подземелье, занятых работой практически все свое свободное ото сна время. Вспомнив о том, что табличка на двери подписана «кухня», а не «столовая», как нащбетала в свое время блондинка Бритни, и то, что они с Балеруном прошли несколько дальше, чем предполагала Фая, она решила, что данное помещение предназначено как раз для нужд тех, кому приспичило поесть в неурочное время.

Парень, меж тем, открыл один из холодильников, критично осмотрел содержимое, вынул несколько красочных упаковок, выставил на массивный покрытый яркой зеленой клеенкой стол. Хлеб, масло, сыр, ветчина. Подошел к тяжелому деревянному ящику, достал лапшу быстрого приготовления. Проверив уровень воды в электрическом чайнике, запустил кипячение.

— Антон, а овощи у вас есть?

— Да, третий холодильник.

— Посуда где?

Фаина привычно суежилась, нарезаю салат и прочие продукты, которые достал Балерун. К тому моменту, как заварилась лапша, было уже накрыто, они приступили позднему удину. Женщина была очень голодна, потому, вопреки своей сущности, молчала первые несколько минут.

Тишина прервалась топотом нескольких пар ног и веселыми разговорами, доносящимися из коридора. На кухню ввалились несколько человек, измученных и, скорее всего, голодных.

На пороге комнаты стояло четверо мужчин. Они не ожидали, что «перекусочная» в такое время может быть занята кем-либо, поэтому на некоторое время замерли в ступоре. Оглядев полный стол, один из них подал голос.

— Балерун, к тебе мама приехала?

— Нет, это та новенькая, которую наша крокодила привела. Фаина, знакомьтесь, это Туман, Альт, Вантуз и Гвоздь, — он обвел широким жестом всю новоявленную компанию, — труженики наших мастерских.

— Рада познакомиться, — женщина встала со стула, приветствуя мужчин, — Ребят, присаживайтесь, сейчас все организуем.

Пока она суетилась, вся компания обсуждала какие-то рабочие моменты, выводя наброски схемы ремонта очередного агрегата. Часть терминов Фая могла воспринять на слух, другие же, и вовсе не были ей понятны. Впечатление от услышанного сложила для себя в простое «понаделают херни, мучайся потом». И так бывает.

Посиделки в теплой компании в планы женщины, мягко говоря, не вписывались. Но упускать момент и перезнакомиться с людьми, которые без лишних вопросов были готовы принять ее в свою семью, было нельзя.

Поэтому Фая просто решила делать то, что хорошо умеет, а именно, накормить всю честную компанию и развязать языки.

Любые сведения когда-нибудь оказываются нужными. Это правило жизни. И неважно, прочитал ли ты техническую информацию или подслушал чужой разговор. Зарубки в голове делать не забывай. В конечном итоге всегда наступает тот момент, когда именно из несвязных обрывков вырисовывается интересная и необычная картина. Никогда не знаешь, какой фактор будет в текущей ситуации ключевым. Так что настраивай слуховой аппарат и записывай. Пригодится.

Досада, завтра поставят ментальный блок, и рассказать о местонахождении Подземелья она уже никому не сможет. Но не обязательно же сдавать целый стаб? Ведь обидел здесь ее, по сути вещей, только Гипс. Подумает потом. Спонтанные и импульсивные действия редко приводят к лучшему результату. Определенно горячку пороть не стоит. Вот и чудненько. Решила.

Этот кваз не достоин быть главой поселения. Хотя... Часто ли встречаются действительно достойные?

То-то и оно. Власти обычно добиваются далеко не те люди, которые народу нужны. Что тут сделаешь. Интеллект толпы редко бывает выше уровня двенадцатилетнего ребенка. Легко обмануть, запугать, а еще проще — доказать, что именно ты — единственно верный вариант.

Зачастую те, кто искренен в своем желании — не обладает нужными для этого навыками. Не может человек управлять или банально сложить два и два — вот и не вышел большой политик. Еще большее препятствие на пути к вершинам правления — мнимое благородство. Вот эта черта характера — херня полная. Почему? Все просто — исходит она от гордости, надуманной принципиальности и идиотического альтруизма. По поводу последнего можно с уверенностью сказать — ни до чего хорошего это качество не доводит. Либо всякие ублюдки садятся на шею и помыкают тобой, как хотят, либо наступает момент срыва, того самого события, после которого человеколюб начинает гнобить себя изнутри. Результат, однако, всегда плачевный. Что и требовалось доказать.

Из сего напрашивается нехитрое умозаключение: меняй установки или сиди на заднице ровно. Там, где слаще и теплее. Решил дерзнуть — собери волю в кулак и не ной. Делай. Остается только пожелать, то чудовище, что все-таки прогрызло себе путь наверх, сохранит немного человечности. И желания творить доброе, вечное, настоящее.

Браво, Фаечка, да тебе только лекции в университете читать.

Да я и не обольщаюсь, — она решила не вступать в конфликт со своим ехидством. 1:1.

Ничья.

Пусть и новая женщина в стабе, но, право, поведение Гипса было омерзительным. Контейнер с трофеями сиротливо стоял в углу комнаты, Фаина присмотрела коробочке место, чтобы та не слишком бросалась в глаза присутствующим. Лишние вопросы здесь ни к чему. Врать не хотелось.

Когда, наконец, она уселась за стол, Альт демонстративно встал, направившись к витрине со спиртными напитками. На вопросительный взгляд Фаи коротко ответил Туман.

— Прописка.

Несколько часов спустя парочка людей, пошатываясь, брела к комнате, отведенной женщине для жилья.

— Сто восьмой?

— Да. Увидимся, Туман. Доброй ночи.

Женщина закрыла дверь и упала на кровать, прикрыв глаза. Вечер удался. Кажется, обзавелась друзьями. Ну, или хотя бы хорошими знакомыми. Неплохо для огрызка непоного дня.

Настроение, подстегнутое изрядной дозой горячительных напитков, было приподнятым. Она повернулась набок пытаясь заснуть. Карусель тронулась с места.

Завтра поставят ментальный блок. Не страшно. Не зря она инвестировала в расположение главы поселка фальшивыми стонами и криками. Нужно будет лишь дождаться дивидендов.

А месть, в конце концов, — это то блюдо, которое подают холодным.

Глава 11. Тоннель

Сын, ты чего на свидание с фонариком ходишь? Я в твои годы предпочитал темноту. — И кого ты в темноте выбрал??!

Жмых медленно отнял бинокль от лица. Рыбник, нервничая, с силой толкнул спутника в плечо.

— Заснул что ли? Где орда?

— Там. — Напарник махнул рукой, — и через пару минут нас сожрут. Они даже курс подкорректировали.

— Жмых, очнись, ты жить хочешь?! — Рыбник взял попугчика за ворот куртки, попытался встряхнуть. Весу в Жмыхе было прилично, поэтому манипуляция с курткой цвета хаки оказалась напрасной. — Думай, Жмых, думай, что делать.

Б##ть! Б##ть! Б##ть! Хотя бы пару часов повременили с отходом из зимовья!

Хотя кто знает, возможно, монстры еще посетят сей оазис тепла и уюта.

Прятаться было некуда, Ярослав уже прекрасно различал огромную биомассу, которую кто-то гонит неизвестно куда. Орда приближалась, причем с приличной скоростью.

Оценив время в пару минут, Жмых погорячился.

Рыбник лихорадочно соображал, что можно сделать. Уходить. Да. Самый лучший вариант. Желательно со скоростью истребителя.

Они даже спуститься с вала не успеют, не говоря уже о том, что внизу, у подножия, тянется одна сплошная западня в виде дороги, с двух сторон зажатой естественными рельефами Улья.

Первые монстры уже были на расстоянии каких-то десятков метров, когда он услышал отрешенный голос напарника.

— Береги голову, братка.

Земля ушла из-под ног. Сознание вспыхнуло мириадой цветных искр и погрузилось в темноту. Теплую, липкую, обволакивающую тело и не желающую его отпускать. Но отпустить все-таки пришлось.

Ярослав пропустил момент, когда пришел в себя. Казалось, звуки царапаемого и дробящегося камня преследовали его давно. Открыл глаза. Слеп?! Нет, наверное, там, где Рыбник находился сейчас, очень темно.

— Жмых? — нет ответа. — Он пошарил рукой рядом с собой. Пусто. — Жмых, ты где? — Звуки, издаваемые тварями в надежде открыть консервную банку со вкусной тушенкой, участились.

Вот нетерпеливые, гады. Где-то был фонарь. Ага.

Включил свет, пошарил по сторонам. Тело Жмыха лежало рядом. Похоже, напарник был в глубоком обмороке. Славик похлопал по щекам, убедившись, что манипуляции с лицом спутника помогают плохо, попробовал подергать за волосы.

Не срослось. Стрижка у Жмыха была короткой. Аккуратно, придерживая голову живца. Рефлексы, мать их, неистребимы. Кривится, но на автомате глотает пойло. Оклемается со временем, куда денется. Если успеет проснуться. Мутанты настойчивы, в целеустремленности им тоже не откажешь.

Звуки, издаваемые созданиями Стикса, чувшими добычу, резко усилились. Видимо, у них намечался какой-то прогресс. Надо уходить. Вообще, где он находится? Луч фонаря

шарил по сторонам. Металлические стены в форме полусфер в непонятными поручнями ровно посредине. Материал серебристый, похожий на тот, из которого изготавливалось популярное покрытие для сантехники в мире Ярослава. Как его мать, хром. Да. Не важно. Полы, стены и потолок, все покрыто хромом. Только вот с потолком совсем беда.

Ярослав прекрасно понимал, что напарник валялся в отключке неспроста. Наверняка, жить хотел, вот и пришлось все силы под ноль вычерпать.

Главное, голова цела, все остальное — вырастет.

Отверстие в потолке, через которое спутники провалились в бункер, потеряло свою однородность. Кривые пластины металла перемежались с землей, а кое-где и с ярко-зеленой, наполненной жизнелюбией травой.

Э, нет. Через дыру их вполне возможно достать. Емае, опять Жмыха на себе тянуть придется.

Коридор был длинным и уходил в непроглядную темноту. В душе Рыбник очень надеялся, что вскоре он найдет надежную (а главное незапертую с обратной стороны) дверь.

Мда, вся жизнь впереди, надейся и жди.

Ярослав подвинул баул к стене, переместил рюкзак вперед, на спину взвалил тяжеленную тушу бессознательного Жмыха, и, держа в зубах карманный фонарь, двинулся вперед по тоннелю.

Шел бодро, памятуя о том, что его цель — не уйти как можно дальше, а найти приличное укрытие, и проворонить возможность изолироваться никак нельзя. В идеале нужно перекрытие шириной метра полтора, можно и потолще. А там — как получится. Судя по звукам, твари свою работу уже заканчивают.

От ушей бредущего вглубь тоннеля Рыбника укрылось интересное обстоятельство — кусач и рубер уже упрямо протискивались в дыру, которую ковыряли добрых два часа.

Выхватив лучом фонаря кусок стены, он заметил проем технического отверстия, крепко закрытого винтовым замком. Подошел, сгрузил Жмыха на пол. Попытался открыть. То ли смазано было на совесть, то ли просто повезло, но люк поддался.

Гостиприимно зияло непроглядной темнотой небольшое круглое отверстие размером со стандартный канализационный люк.

Да хоть бы и в дерьме плавать, зато не по запчастям.

Рыбник осветил фонарем открывшееся пространство. Так и есть. Паутины спутанных кабелей и трубопроводы. Пол ровный. Проем приличный, Жмых пролезет. Точнее, Ярослав его туда протянет.

Аккуратно пропихнул тело напарника в технический люк, и, сняв рюкзак и держа его одной рукой, залез туда сам. Едва он прикрыл дверь, запечатывающую проход, с обратной стороны что-то дернуло.

С#ка! В последний момент!

Ярослав от неожиданности выпустил скобу. Все так же держа в зубах фонарик, он увидел страшную физиономию твари. Огромные, несоразмерные голове зубы, абсолютно лишенная растительности голова и глаза, мутные, будто их покрывала пленка катаракты, делали образ мутанта вполне себе готическим. Что до художественных моментов, Рыбнику они были до лампочки.

Сработал пресловутый фактор неожиданности. Он рефлекторно отшатнулся, споткнулся о бессознательное тело напарника и упал, в страхе пытаясь закрыть руками лицо.

Я — обед.

Чертовски неприятно осознавать, что жизнь закончилась. Хотелось бы провести этот отрезок времени совсем по-другому. С пьяными посиделками на кухне в хорошей компании, путешествуя по еще неизведанному миру, купаясь в роскоши. И чтобы похоронили непременно с музыкой. В гробу из красного дерева и ложем темно-зеленого шелка. Плачущая молодая красавица и толпа преданных друзей, угрюмо бросающих комья черной рассыпчатой земли. Обязательно. А еще фееричный салют, непременно на востоке от могилы. И никак иначе! На меньшее — не согласен!

Перед глазами пронеслась жизнь. Скучная работа, скучная жена, вечно лезущие не в свое дело дети. Изредка островки праздника путешествий по миру. Все. Более отвратительного видео Ярослав никогда не видел. Дрянной фильм. А финал и вовсе дерьмо.

В его голову не пришла мысль о том, что на ремне висит веский аргумент против таких вот красавцев. Рыбник ждал смерти.

— Уррррр! Уррррр!

Костлявая старуха в черных лохмотьях видимо задевала куда-то свою косу. Ничего не произошло. Наполовину втиснувшись в отверстие, тварь застряла, отчаянно махая руками, украшенными популярным в Улье маникюром. Пыталась протиснуться дальше.

Габариты не те. Ярослав наконец-то вспомнил про дробовик, до этого момента без дела болтавшийся без дела.

Ну что за дебил. Помирать собрался. Сейчас я тебя, красавчик, приголубю. Нет. Приголублю. Похер.

Взял в руки, уверенности в себе явно прибавилось, нажал на спуск. Голова твари взорвалась тысячей осколков кроваво-красного цвета. Собственно, это и была кровь. А еще были мозги. Рыбник ногой, едва сдерживая брезгливость, пнул мутанта обратно в коридор. На пустующем месте возник еще один.

— Урррр!

Перестав паниковать, словно рефлексирующая барышня, машинально передернул цевье, выкидывая гильзу. Прицелился. Отдача знатная. Рыбник успокоил и этого кандидата, не дожидаясь, пока тот решит испробовать ширину отверстия опытным путем.

Ну все, все хватит.

Он искренне надеялся, что тварей было две. Урчания не было слышно, но без лишних объяснений понятно, что слух мог элементарно потерять чувствительность. Кровь качала адреналин.

Закрывать проход, пока толпа не набежала.

Ждать неизвестно чего (или кого) было бы определенно глупо. Если не сказать еще хуже. Приблизившись к проему и подсвечивая себе фонариком, он осторожно высунулся наружу. Нет. Пусто. По всей видимости, эти две твари были самыми наблюдательными. И самыми упорными. Зазывать большее количество гостей смысла нет. Рыбник повернул замок.

Можно и выдохнуть.

В Ярославе присутствовала толстая еврейская жилка, которая истошно вопила о том, что нужно выбраться в коридор и обчистить тела. Судя по габаритам, мутанты были далеко не на последнем месте пищевой цепочки. А, следовательно, и хабар в них должен быть приличным.

Молчи, жаба. Жадность фраера сгубила. Плавали, знаем.

Спустя час Жмых начал приходить в себя. Спутник, до этого сидевший рядом и

блуждающий где-то далеко-далеко в своих мыслях, обратил на него свое внимание.

— Слышь, братка, мы еще живы?

— Неа.

Напарник попытался приподняться.

— И в какую жопу мы залезли на этот раз?

— Мы не в заднем проходе, а в тоннеле.

— А темно как в жопе. Мне твоя культурность уже поперек горла, братка.

— Вырастешь, женишься, на ком захочешь. А пока терпи.

Жмых встал, потянул фонарь, оценил обстановку.

— В глаза не свети.

— Вырастешь, женишься, на ком захочешь, — елейно передразнивая, проговорил напарник. — Ну че, братка, пошли что ли.

— Я думал, ты пробьешь проход наверх.

— Индюк тоже думал. Я все свои силы израсходовал, чтобы нас от орды спасти. Даже не представлял, что смогу такую гору материала вывезти.

— А ты просто земляной ком не мог вокруг нас сделать?

— Все у тебя, братка, просто. Пойдем. — он отхлебнул из фляги, — а сумарь наш где?

— В коридоре остался. Твари все-таки пробились.

— Это я вижу по ошметкам. Ладно, зато все шары и шарики при нас. И в рюкзаках не очень пусто. Будет возможность — вернемся. Ты место запомнил?

— Ага, прямо под дырой в потолке.

— Понятно, братка. Куда идем, направо или налево?

— Мы пришли оттуда, — Рыбник махнул рукой.

— Значит, туда и пойдем, нужно выбираться. Мне эти приключения поперек горла. Домой хочу.

— Я тоже.

Они шли около часа, освещал дорогу Ярослав, Жмых же перестраховывал, держа наготове вал.

— Слышь, Жмых, а может на перекур?

— Пожрать не помешает.

Молча остановились, разложили рюкзаки, на спиртовке разогрели нехитрый обед.

Жуя галету, Рыбник прислушался. Тоннель был однообразным, пустым и очень длинным, звуки разносились достаточно далеко.

Слух резануло жужжание, несвойственное пустым помещениям, в которых ничего не происходит. На вентиляцию тоже было не очень похоже. К тому же, воздух, что в коридоре, что в техническом тоннеле был спертым и отдавал древней затхлостью. А в остальном, все как обычно. Бетонные стены, оформленные непонятными трубопроводами различных цветов, над потолком змеящиеся толстые связки кабелей. Статично как в пустом аквариуме.

Интересно было то, что Рыбник больше не заметил ни единой двери или даже люка, ведущих в смежное помещение. Подземелье было прямым, как кишка и до безобразия длинным. Ярослав мог употребить слово «нескончаемым», но логика подсказывала, что конец есть всему.

— Ты слышишь?

Жмых перестал жевать.

— Что слышу?

— Жужжание.

— Да я его давно слышу. На компрессор похоже. У нас в ангаре, где я свою фуру на ремонт ставил была компрессорная установка. Так вот, звук один в один.

— И откуда здесь компрессор, к тому же еще и работающий?

— Я тебе что, Махатма Ганди? Этот чувак знал ответы на все вопросы, братка. — Жмых прищурился. — Ты поел? Тогда пошли искать компрессор. Сдался он тебе. Что-то мне подсказывает, недалеко он тут.

— Я не уверен, что нам нужно его искать, — до ноздрей Ярослава донесся острый химический запах, который он чувствовал несколькими днями ранее. — Слушай, а это не кисляк случайно?

Подземелье наполнялось пока еще не очень заметным туманом. Напарник резво встал, закинул рюкзак на плечи.

— Погнали, и побыстрее.

Спутники усиленно работали нижними конечностями битых десять минут, а кислый запах так и не исчезал. Не сговариваясь, они перешли на бег. В перезагрузку попадать было нежелательно, а перспектива остаться овощем, пускающим слюни, при любых раскладах, была не очень привлекательной.

Осматриваться по сторонам времени не было, все силы и концентрация уходили на то, чтобы не сбить дыхание при сумасшедшем беге. Туман становился все гуще, но Рыбник, глядя вперед, увидел, что луч фонаря все-таки пробил белесую пелену.

Наконец-то. Почти уши.

Прибавив скорость, он поспешил вырваться из перезагружаемой части тоннеля. Споткнувшись о ступеньку, по всей видимости, являющейся границей подземного кластера, Рыбник под ржач Жмыха пропахал солидную часть дистанции, щедро залитой бетоном.

Больно.

— Все, братка, можем дальше идти спокойно.

— Очень рад. — Ярослав поднялся, попробовал обтряхнуть одежду. Подвигался. Руки-ноги целые, на подбородке неприятная ссадина. Туман сзади начал ощутимо искрить.

— Все было бы очень красиво, не будь так печально, — Жмых, взглядываясь в кисляк, достал из кармана недожеванную галету. Захрустел.

— У меня дядька такой же, как ты, был. Чуть что — сразу жрать.

— А ничего не поделаешь, братка, энергии нам требуется гораздо больше, чем на Земле, — дожевав пресное твердое подобие хлеба, Жмых распотрошил рюкзак, достав оттуда банку тушенки.

— Может хватит? Я и так, понял, что все иммунные только тем и занимаются, что жрут и стреляют.

— Неправда. Еще спят и пьют, — напарника не смущала близкая перезагрузка, Ярослав подумал, что этот будет есть и при виде горы разорванных трупов.

Стикс прекрасно закаляет нервы. А еще пробуждает зверский аппетит.

Рыбник было снял рюкзак, чтобы тоже достать там чего-нибудь съестного. Грохнуло.

— Fucking animals! Why did you started the reboot? Entirely without a head?1[11]

Рыбник со Жмыхом повернулись в сторону, откуда ругалась неизвестная барышня. В тоннеле зажегся свет. Миниатюрная девушка или женщина в белом халате стояла к ним спиной, размахивая руками, и с кем-то переговариваясь в пустоте. Ровные стройные ножки в туфлях на кокетливом каблучке и густая копна рыжих кудрявых волос довершали образ.

— Кажется, к нам сюда ляля попала.

— Да не простая а англоязычная. — Ярослав немного понимал по-английски, но кроме «Fucking animals» и «Reboot» с лету не смог перевести ничего. От пытливого мозга не укрылось то обстоятельство, что дама, прилетевшая неизвестно откуда, слово «перезагрузка» употребила не случайно.

— Can I help you? — с трудом вспоминая заученные когда-то фразы разговорного общения, выдавил Ярослав.

Девушка вздрогнула, повернулась к мужчинам. Красивые ярко-голубые глаза смотрели настороженно.

— My name is.. — Ярослав ненадолго задумался, размышляя о том, как перевести на английский свое прозвище. — Fisher.

Девушка отвечать и не думала. Она вглядывалась в двоих небритых мужиков, одетых в грязный камуфляж и державших при себе оружие, почти что с ужасом. Молчание затягивалось.

Может, подойти ближе? Да ну нафиг. И так волком смотрит. Не хочется начинать знакомство с неприятных моментов.

— Слушай, а ляля красивая. Она иммунная?

— Да. — Ярослав повернулся к Жмыху. Краем глаза он уловил быстрое движение тонких девичьих рученок.

В этот момент прогремел выстрел. Красивая ляля свалилась на пол. А рядом присоседился револьвер. Девушка настолько испугалась страшных небритых дядек, что решила покончить жизнь самоубийством. Жмых подошел, взял с пола карманный «таурус». Нет, это оружие было похоже на него, но что-то в нем было не то. Определенно. Жмых вертел в руках дамскую игрушку. Барабан на 5 патронов был почти полон. Одного не хватало.

Рыбник, эмоционально вымотанный недавним стрессом и трехкилометровым забегом, стоял в недоумении.

Зачем она это сделала? Помочь? Врач здесь бесполезен. Не нужно иметь медицинского образования, чтобы понять — девчонка мертва.

Перевел взгляд на напарника? Тот, как ни в чем не бывало, укладывал в свой рюкзак очередной трофей.

Сейчас попустит. Тишина. Тихо-тихо-тихо. Напрягает.

— Жмых, тебе не кажется, что люди с нами как-то не уживаются?

— Ты тоже это заметил? Жалко лялю, красивая. Помнишь, я говорил тебе про высокий процент самоубийств среди иммунных? Вот, как говорится, результаты налицо. Мы даже объяснить ей ничего не успели. И вообще, братка, если бы она решила кончить нас, у нее бы это получилось с большой долей вероятности. — спутник разрядил обстановку обычным способом — очередной раз забивая эфир обильным потоком ахинеи.

— У меня есть мысль, что про перезагрузку она знала. Как минимум, в своей тираде непристойных ругательств, это слово она употребила.

— Думаю, что эта тайна сейчас размазана по воон той стене, — Жмых для наглядности указал рукой вправо. — Мне больше всего интересно, откуда она взялась, и что здесь делала.

— Если в тоннеле есть дверь, мы могли ее попросту не заметить, увлеченно драпая из зоны перезагрузки.

— Рыбник, ну раз нам свет зажгли, может, пойдём, поищем?

Ярослав вздохнул. В Стиксе без приключений не обходится. И сейчас именно напарник предлагает пойти их поискать.

— Жмых, а может, ты путь наверх пробьёшь?

— А может, ты на столе станцуешь? — ехидно улыбаясь, напарник обошел тело еще недавно неотразимой девушки. Под ней уже растеклась приличная лужа крови, и, чтобы не насобирать на подошвы ошметков, стоило пройти почти вплотную к дальней стене.

— Пойдем, братка, нас ждут великие дела. — Рыбник, горестно вздыхая и перебирая порядком уставшими ногами, поплелся за спутником.

А дела-то и вправду оказались великими.

[11] Животные! Зачем перезагрузку включили? Совсем без головы?

Глава 12. Я сегодня первый день!

Саня, мы вчера пиво пили? — Пили. — А водку пили? — Пили. — А коньяк пили? — Пили. — А ракетное топливо пили? — Пили. — А ты срать еще не ходил? — Нет!!! — Сань, не ходи, я из Токио звоню!

— Фая, ты почему дрыхнешь, как лошадь трофейная??!

— И тебе доброе утро. — женщина, мелено приходя в себя после бурной попойки продирала глаза.

С неохотой посмотрела на владелицу светлой гривы волос.

— У нас времени в обрез, а мне еще показать тебе много нужно.

— Да, да, да. Времени мало, дел много... Душ, туалет и столовую я уже изучила, спасибо, — быстро откинула одеяло, спустила ноги на пол. Голова, все еще затуманенная некоторым количеством спирта, звенела словно буддийские караталы. Рассол или теплый чай — и все пройдет. А еще литров пять воды. Господи, как же сушит.

Комната Фаи напоминала гостиничный номер средней руки, но зато в здесь имелся в наличии собственный санузел. Женщина понятия не имела, почему Бритни вчера повела ее в общую помывочную.

Ну да ладно. В конце концов, у каждого человека бывают косяки и досадные промахи.

Аккуратно, стараясь не трясти больным мозгом, встала и поплелась умываться.

— Дай мне пару минут.

— Я даю тебе пять, время пошло, — расщедрилась Бритни.

Фая, воспользовавшись моментом, решила не мелочиться и залезла под теплые струи воды целиком. Ровно через пять минут ее уже тащили женщину за собой вдоль по мрачному неприветливому коридору, освещенному тусклым светом допотопных ламп. Шли знакомым маршрутом, только запахи, доносящиеся со стороны столовой, были, мягко говоря, малоприятными. Похоже, кто-то решил разогреть объедки трехдневной давности.

Организм, только вчера прошедший краш-тест взбунтовался, искажая реальность на свой манер. Голова кружилась, к горлу медленно, но верно подступала тошнота. Задрожали худые, покрытые мелкой сеткой вен, руки, глаза покрыла пелена подступивших без видимой причины слез. Фая, сориентировавшись, быстро уперлась в стену спиной, пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

Волна дурноты вышибла все мысли, лоб покрыла испарина. В какой-то момент она почувствовала во рту мерзкий металлический привкус с последующим уже знакомым ароматом сточной канавы. Живец. Бритни, как ни в чем не бывало, стояла напротив и прислоняя походную флягу к раскрытому в попытке вздохнуть полной грудью рту.

Глоток. Еще. Волна недомогания прошла спустя несколько секунд, оставив в напоминание мокрые от страха ладони.

— Спасибо.

— Не за что. Не забывай таскать с собой. Особенно после пьянки.

— С чего ты взяла, что я пила? — Фаина попыталась сохранить жалкие крохи достоинства.

— Я что, запах перегара не знаю? Успокойся. Жизнь здесь — тот еще стресс, сама частенько срываюсь, — коротко глянула на маленькие серебристые часики у себя на

запастье, — Слушай, если тебе уже лучше — пойдем. У меня совершенно нет времени.

Куда она так спешит?

Они зашли в помещение, которое являлось источником столь неприятного нутру Фаины Анатольевны запаха.

— Так, Фая. Знакомься, это Тамара Генриховна. Тамара Генриховна, это Фая, она будет бессменно помогать вам на кухне.

— Здравствуй, мой цветочек. У нас сегодня много дел....

Угу, опять дела, дела, дела... когда ж это, блин, закончится?

Как сдохнешь, так и закончится, — внутренняя ехидна сразу попыталась подать свой скрипучий мерзкий голос.

Уймись. Не сейчас.

...Через час нужно подавать завтрак, а у нас еще конь не валялся. — старушенция, которой на вид было лет эдак за шестьдесят бодро засемила к складу. — Здесь у нас лежат продукты. Сегодня будет запеканка. — пока старуха излагала свою тираду, Фая уже ополовинила полуторалитровую бутылку минеральной воды, сиротливо стоящую на одном из столов рабочей зоны. Блики яркой лампы под потолком, отражаясь от покрытия из нержавеющей стали, неприятно резали глаза. То там, то здесь.

Все пройдет, Фая, так будет не всегда.

— Будь с ней повежливее, — напоследок шепнула на ухо Бритни, убегая.

Фаина с недоверием посмотрела на замороженный творог. И решила включить дуру, в конце концов, это ей никогда не вредило.

— Ой, а я запеканки никогда не готовила.

— Все в жизни бывает первый раз, дорогая. — Генриховна чувствовала абсолютное превосходство.

Понимая, что старушенция достаточно властная, Фаина робко вносила коррективы в рецептуру. Добавила немного специй, и использовала еще пару маленьких кулинарных приемов.

Результат порадовал. А вот Тамара Генриховна была в шоке. Она бегала глазами по румяной корочке творожного лакомства, шамкая по привычке губами и причитая на разные лады.

— О божечки, Фая, мы все испортили, и как люди будут это есть?

— Ну, вчера же ели ваш фасолевый суп. Это был шедевр.

Казалось, старуха откровенно не понимает иронии. От маразма Улей не лечит. Фаина попробовала.

Ну вот, вполне сносно.

— Да ваше убогое исполнение съело весь мой кулинарный замысел!

То-то я чувствую, будто дерьма нажралась.

Естественно Фаина промолчала, пока Генриховна командовала парадом. Свое мнение лучше оставлять при себе. Ведь оно имеет огромную ценность!

В столовую вошли несколько девушек, и принялись раскладывать нехитрый завтрак по тарелкам. Зал постепенно наполнялся полузаспанными лицами людей, поесть с утра любили многие.

В окошко раздачи протиснулась довольная рожа Тумана. Ухмыляясь кривыми, изумительно белыми зубами, подмигнул Фаине.

— Тамара Генриховна, сегодня вы были на высоте, спасибо.

— А мне казалось, я переборщила с солью.

— Нет, Тамара Генриховна, все идеально. Спасибо еще раз.

Механизатор среднего звена на прощание махнул Фае рукой и его физиономия скрылась, освобождая обзор зала столовой. Народ потихоньку уходил, не забывая благодарить.

После того, как все те же девушки убрали со столиков, прибежала запорошенная Бритни. Прическа потеряла идеальный вид — кое-где на волю выбились непокорные пряди волос цвета созревшей пшеницы, она пыталась отдышаться.

Да кто ж тебя так гоняет, бедная?

— Тебя Гипс к себе требует.

Блондинка провела Фаю в кабинет. Кваз сидел за столом, читая какую-то увлекательную бульварную книжку жанра «роман про секс и любоффь». Обложка говорила сама за себя.

Фая всегда брезговала подобной литературой, и там, на Земле упорно отказывалась брать в руки сии опусы, щедро сдобренные грязными мыслишками распущенного до безобразия характера.

Женщину искренне раздражали авторы, марающие плоды переработки русского леса столь мерзкими рассказами. Интимное должно таковым и оставаться. А грязного белья в жизни хватает у каждого человека. Но... На каждый товар есть свой покупатель, рынок беспощаден, и его законы работают везде. Появилось подобное — тут же нашлись охотники почитать. А почему бы и нет? У нас свободная страна!

Емае, какая пошлость. Хоть бы Устинову или Донцову читал, эти дамы более-менее интеллектуально пишут. Особенно в сравнении с эротическими фантазиями престарелых теток.

Бритни тихонько выскользнула из помещения, прикрыв за собой толстую дубовую дверь, украшенную фигурными бронзовыми заклепками, с обратной стороны.

Роскошь, значит, любит. Ну-ну.

Гипс старательно делал вид, что не замечает Фаину. Продолжался этот цирк около пяти минут. Женщина успела детально осмотреть кабинет, оценивая обстановку. От созерцания ряда изящных кресел, стоящих у дальней боковой стены, прошиб холодный пот. Три. Из красного дерева и оббитые белым бархатом. Точь-в-точь как в родительской квартире.

Краем глаза заметив острую реакцию Фаечки, он улыбнулся глубоко внутри себя. Это еще цветочки дорогая, ягодки будут чуть позже. Обещаю.

Где я остановился...? Ах да:

...Два взмокших тела обессилено опустились на нежные, цвета топленого молока, простыни из египетского хлопка...

Ну и херня, однако.

Горестный вздох был перекрыт гулким хлопком собравшегося воедино фолианта. 700 страниц насилия над собой. Ну надо же.

Гипс посмотрел на Фаю.

— Мне сказали, вы делаете успехи.

Женщина посмотрела на омерзительного кваза заискивающе. Карие глаза светились еле заметными солнечными искрами, на лице играла полуулыбка. Тонкой рукой, перевитой лозой платинового браслета, небрежно поправила прядь выбившихся из прически волос.

То, что надо. Пусть почувствует себя хозяином ситуации. Она от этого только

выигрывает.

Кваз уже сделал пометку в голове насчет планки ее способностей.

Ну что ж. Будем посмотреть.

— Вполне возможно, — ответила она.

— Мне нравится ваш подход. Ваши вчерашние собутыльники были в восторге.

— Ничего другого не ожидала.

И кто ему доложил? Предатели, бл#ть.

Гипс протянул Фаине через стол лист бумаги.

— Это ваше расписание.

— У меня даже часов нет.

— Сходите на склад, кто-нибудь вас проводит. Прочитайте. Если есть непонятные моменты, давайте проясним сразу.

Фая пробежала глазами по строчкам.

— Все доходчиво. Спасибо. Но... позвольте, одна небольшая просьба, — женщина улыбнулась еще шире.

Чего она скалится?

— Слушаю.

— Если соберетесь убирать Тамару Генриховну, сделайте это хотя бы так, чтобы ей не было обидно. В конце концов, она уже несколько лет как заботится о куче населяющего Подземелья народа.

— Я понял.

— Не буду больше вас отвлекать, хорошего дня, — она встала со стула и направилась к дверям.

— Один момент, — голос Гипса остановил на выходе из помещения.

— Да.

— Постарайтесь не распространяться о том, что произошло этой ночью. Вы женщина умная, но обязан предупредить. На всякий случай.

Фаина посмотрела на Гипса так преданно, что любая собака могла обзавидоваться.

— Я все прекрасно понимаю, — протянула она чуть ли нараспев. — Заходите почаще.

Гипс дураком не был. Он прекрасно понимал, что привязанность Фаины показная, да и какая, к черту, привязанность. Эта женщина просто и без изысков берет его в оборот. И скорее всего, она метит на роль Бритни.

Нет, дорогая, дохлый номер.

Явно перестаралась. В спонтанных движениях отчетливо проскальзывала фальшь. За годы она не растеряла своей привлекательности, а кое-что даже приобрела. Уверенность, свойственную лишь женщинам с большим жизненным опытом. Некоторые называют это пофигизмом.

Действительно, чем старше мы становимся, тем мельче кажутся нам проблемы из-за которых в 18 готов наложить на себя руки.

Забивать голову поведением очередной пассии кваз не стал, у него были дела поважнее.

Убрав со стола пресловутый роман, он занялся текучкой. Через неделю из Подземелья должен уйти караван, и стоит проследить, чтобы товар был надлежащего качества и в достатке.

Рабочие редко подводили поселок в плане объема экспорта. Наоборот, всегда

оставалось немного про запас, на случай непредвиденной накладки. Сколько нервов было потрачено на организацию всего этого процесса. С того момента Гипсу пришло одно из прозрений. Дисциплина — сила. А железная дисциплина — силища.

Себя по жизни Леха работать заставлял. Всегда. Других — с переменным успехом. Телесные наказания в РФ преследуются по закону. А вот в Улье Уголовный Кодекс давно почил на волнах беспредела, творящегося повсеместно. Потому с выработкой условных рефлексов у собачек Павлова (читай Гипса) проблем не возникло. Никаких.

В мастерские кидало чаще всего нерабочий хлам. Имелись, конечно, пара помещений с новой техникой, но это слезы по сравнению с общим количеством металлолома. На модернизацию в мастерские Гипса отправляли только вконец ушатанные экземпляры.

Компенсировалось это тем, что грузилось и хорошее стационарное оборудование, а еще то, что некоторые ремонтники оставались иммунными и, не особо жадничая, (а куда им еще деваться) учили других.

Но иногда прилетали такие экземпляры, принцип работы которых понять было невозможно. Наверняка в параллельных вселенных технологии убегали вперед, но ведь не настолько же. Революционные модели в плане технических решений и принципов работы агрегата. Гипсовы работники только почесывали затылки. Передовое вооружение кваз приказывал переносить в огромный стабильный ангар. К сожалению, мастерами по части нового и непонятого Стикс жителей Подземелья не баловал.

За все время ни одного иммунного, или даже неиммунного, не прилетало. В мастерских нового поколения люди не работали. Там вообще никто и никогда не работал. И это было очень плохо. В поселковой казне имелся солидный запас белого жемчуга, и сделать ремонтника иммунным не представлялось архисложной задачей. Вот только не было их, мастеров-то.

Кваз злился, но сделать ничего не мог. Всему свое время, и, возможно, стоит просто подождать.

Если бы в Улье наличествовала мигрень, у Гипса она бы началась наверняка. На столе лежали списки людей, которые находятся в состоянии развивающейся трясучки, их профессии; товар, который нужно привезти под заказ; наличие одного на складах, многое другое. Положение осложнялось тем, что к каждой самоходке нужен экипаж, и одним человеком там не обойдешься. А еще нужно это все как-то скомпановать и привести к общему знаменателю. Чем он, собственно, сейчас и занимался.

Через несколько дней Фаина полностью вжилась в свое расписание. Рабочий ритм не сильно утомлял, на сон отводилось около восьми часов, и у нее даже оставалось время гулять по поверхности в сопровождении Катеньки. Не особо-то и хотелось. Собачкой мутант не являлся, имел собственный странный мозг с компанейскими тараканами и мог самостоятельно свободно перемещаться по некоторым просторным коридорам, чаще всего находящихся в аппендиците основной массы построек Подземелья.

Они выходили на поверхность лишь потому, что Фая считала круглосуточное нахождение в нижних пластах Стикса очень вредным для психики. Во время прогулок, чтобы не заскучать и заработать дополнительные баллы к карме, она занималась воспитанием Катеньки. Чаще всего забирались в логово зверюги, находящееся на приличной высоте под скальным уступом и читали.

Фаина выбирала книги, повествующие в основном о двойственности морали. Растить

монстра, который считает, что убивать нельзя — очень глупо. Иногда приходится и убить. Хотя бы ради собственной безопасности.

Катенька очень быстро овладевала знаниями этикета. Как-то раз, когда Туман принес ей очередное угощение в виде неимунного, милосердно усыпленного перед смертью хорошей дозой транквилизаторов, та слегка поклонилась и сказала «Премного благодарна, о тигр среди мужей». Сказать, что ремонтник впал в ступор, значит не сказать ничего.

С «Махабхаратой» был явный перебор.

Корявую, но высокопарную речь Катенька усваивала на ура. Интеллигенция старого земного мира, как минимум. А, может быть, дворянка?

Мутант начал активно разговаривать с посторонними, шокируя их архаичными вежливыми фразами, перемежающимися саркастическими шутками. Кстати говоря, последних у монстра в мозгу притаился целый справочник. До момента уверенного владения речью в широком понимании этого смысла, зверюга лишь шипела и щелкала тридцатисантиметровыми зубами, предпочитая дипломатии устрашение и грубую силу.

С Туманом у Фаи складывались теплые родственные отношения. Она больше почитала его за старшего брата, но мужчину видеть в нем упорно отказывалась. Женщина вообще отказывалась видеть мужчин.

Там, в прошлой жизни, тихий домашний Володька отбил у нее всю охоту смотреть на противоположный пол. Пускай сейчас Фая уже молодая и красивая, связывать себя какими-либо отношениями она не собиралась.

Конечно, Подземелье пестрило различными лицами мужского пола, которые были бы не против обзавестись парой, все они казались большими, сильными и мужественными по сравнению с бывшим мужем женщины и являли дикий контраст. Но не сейчас. Не время.

Фая завязала крепкую дружбу с Балеруном и Туманом, те чаще всего защищали от нападков Гипса. Глава поселка, видимо, разыгрывая хитрый план, Фаину пинал при любой возможности и устраивал жесткие обличительные разносы.

Тогда, к ней в бокс, он пришел через три дня. Потом стал заходить раз в неделю, как по расписанию. Никогда ничего не объяснял. Удовлетворял свои низменные потребности и уходил.

Фаина всегда делала вид, что несказанно рада видеть похотливого уroda. Прилюдно он любил над ней поиздеваться. Зачастую это делалось просто так, ни за что. Как бы унижительно для женщины это не было, роль выбрана, нужно дождаться окончания спектакля. И собрать цветы с восторженной публики.

«Это все ничего-ничего» — повторяла она про себя не раз выручавшую мантру.

Балерун был неплохим сенсом, и тогда, в первую сумасшедшую ночь, именно он почувствовал приближение Катеньки с человеком.

Сразу предупредил группу, в аврале собирающуюся на перехват, что с наездником у зверюги крепкая эмоциональная связь. На недолгом совещании было решено прежде всего обезвредить Фаю.

Чтобы не возникло казусов и накладок, использовали простой, стопроцентно проверенный прием, который никогда и нигде не отказывал — транквилизаторы. Зверя решили также лишить возможности двигаться, ведь в то время, собственно, как и сейчас, дети Подземелья жили с Катенькой в своеобразном симбиозе в состоянии хрупкого равновесия.

Мутант не стал нападать на них, и балансирующий на острие иглы мир был сохранен.

Что до тайны взаимодействия Фаины и ее зверушки, объяснялась она очень просто — женщина была сенсом-донором, дар которого пассивен и не требует активации. Ее способность располагать к себе людей была достаточно сильна. Жаль, действовала не на всех и по-разному. Ну да это вопросы к сноровке, над которой еще работать и работать.

Редкий кругляш сделал ей и другой подарок, Фая теперь могла парализовывать некоторые цели, но способность нуждалась в большой концентрации.

И на ком, вы думаете, она отрабатывала ее? Правильно. На Балеруне и Тумане. Впрочем, мужчины были рады быть Фаине полезными, крепко сдружились еще с первых дней.

Когда ее первый раз осматривал знахарь Тунгус, он тут же просветил ее в сфере открывшихся возможностей. Фая попросила его не раскрывать публично дар парализации, поскольку идти в боевые подразделения, сопровождающие караваны не лежала душа. Собственно, она не собиралась без крайней необходимости покидать Подземелье.

Тунгус все понял, и, сочувствуя женщине в том, что глава поселка не слишком тепло относится к Фаине, промолчал и никому ничего не рассказал, ссылаясь на пресловутую врачебную тайну и клятву Гиппократы. Он же Тунгус, ему можно. В поселке устойчиво витало мнение о том, что все знахари имеют особенных тараканов в гениальной голове. И свет там лучше не включать.

К тому же Фая периодически его подкармливала. Вот так коррупция и начинается, сначала с тортиков, а потом вниз по наклонной.

Проснулась среди ночи. Кто-то тыкал в бок концом палки, безжалостно вороша внутренности. Весь находящийся внутри ливер был тупой пульсирующей болью, перемежая садистскую вакханалию давящим ощущением в районе висков.

Стон. Тело машинально принимает позу эмбриона, сисясь плотнее поджать колени к животу.

Бл#ть.

Все как всегда, успокойся.

Открыв глаза, взвыла еще раз. Чертов дар. Даже ночью покоя нет.

А кто, тебе, дорогая обещал беззаботную жизнь?

Способность Фаины, бодрствующая даже во время, когда сознание хозяйки находится в нежных объятиях царства Морфея, имела один жирный минус. Просыпаться было страшно.

Мозг, уже с порядочным пробегом по материальной реальности, на старости лет решил поиграть в инквизитора, делая утро по-настоящему добрым. Испанский сапог, колесование, раскаленные иглы, загоняемые под ногти с особой тщательностью и терпением. А потом, когда Фаина вскакивала с кровати, словно ошпаренная — пытка прекращалась.

Бесило данное обстоятельство дико.

В целом, жизнь в Подземелье казалась нереальной. Обстановка, окружение, проблемы — чистый лист, где можно заново переписать свою давно заброшенную биографию. И существование, которое может длиться вечно. Плюшек, конечно, немало, но забавы, сопровождающие пробуждение от ощущения чуждого сознания, неповязанного в клубок ее «фона»... Внезапная сильная боль перечеркивала все напрочь. Привыкнуть было невозможно. Каждый раз — особенный, неповторимый. Более изощренный и мерзкий.

Это не Гипс.

Щупальца эмоционального канала безошибочно определили направление, взяли пробу.

Фаина сначала напряглась, стараясь сконцентрироваться, но сразу же поняла, что усилия излишни.

Смесь чувств, которые она испытывала, оценивая «чужаков», можно описать в нескольких выражениях. Смятение. И жгучий, не поддающийся никаким объяснениям, интерес. Что-то из ряда вон выходящее. Усталость загнанного, но оторвавшегося от охотников зверя. Любопытство. Двое. Или трое? Не понять.

Переживания принадлежали явно не ей. Они не вписывались в общий эмоциональный фон Подземелья, который Фаина с большим успехом старалась игнорировать за полной бесполезностью. В конце концов — настроение «населения» задавала именно она.

Фая встала с кровати, быстро оделась, не забыв захватить фонарик и дымовую шашку. Уж очень любила она, женщина, спецэффекты. Вышла из своего бокса. Сегодня в поселке будет пополнение. И плевать на то, что Гипс пришлых не очень-то привечает.

Разберется. Потом. Представительницам прекрасного пола свойственно заглаживать свои косяки в постели. Это ни для кого не секрет. И не открытие. Уступающие в физической силе, на всю катушку используют свой, данный природой инструмент — давление на психику. И все манипуляции с астральным телом «второй половины» прекрасно проводятся после секса, ибо партнер всегда сговорчивее на сытый желудок и после хорошей физической разрядки.

Фаечка была уверенным пользователем данного инструмента влияния. Куда деваться. За плечами годы опыта — глупо не применить выстраданные за много лет приемы.

Там, внизу, кто-то бродил, увлеченно осматривая то, что другим видеть нельзя.

Поддавшись порыву, Фая не забыла заскочить в свою вотчину — столовую, чтобы взять немного съестного.

Всегда носи с собой сладости. Всегда. В жизни бывают моменты, когда проблемы решаются куском торта, особенно если кого-нибудь требуется поддержать. Жаль, что большинство неприятностей конфетами не устраняются. Очень жаль.

Управившись, она легкими быстрыми шагами спускалась на нижний уровень. Катенька. Стоит позвать зверюгу. Без нее женщина чувствовала себя не в своей тарелке.

Отправив твари невербальный посыл, Фая дожидалась внизу, ближе к помещениям Подземелья, отвечающим за техническую составляющую жизнедеятельности поселка. Проход там имелся, и монстр пришел на место встречи спустя несколько минут.

Фая вместе с питомцем двинулись вдоль по коридору.

— Сейчас, родные. Сейчас вы вернетесь домой. — Женщина ускорила шаг в предвкушении встречи, сулящей очередной кульбит ее веселой и непредсказуемой жизни.

— Жмых, может, ну их, эти исследовательские заморочки? — Рыбник плелся за напарником с неохотой.

Желания играть в Индиану Джонса не было. Вообще активность Жмыха в осмотре неизвестных подземных объектов казалась достаточно подозрительной. Неведомый компрессор продолжал жужжать.

Когда мужчины увлеченно драпали из зоны перезагрузки, времени рассматривать коридор не оставалось. Да и возможности тоже не было. Положа руку на сердце, девушка, покончившая жизнь самоубийством — не очень хороший знак для продолжения приключенческих изысканий. Можно даже сказать, дурной.

Но напарник упорно гнул свою линию.

— Ща братка, одним глазком посмотрим, откуда взялась такая красивая ляля, и будем выбирать.

Ярослав с тоской плелся по тоннелю. Звук, издаваемый неведомым агрегатом постепенно сходил на нет. Слева показался дверной проем. Они прибавили шаг. Ощущение неправильности происходящего нарастало. Затем открылся небольшой тамбур, в котором находилось две двери.

— Ну, крестник, выбирай. Правую, или левую.

Двери были закрыты. Рыбник молча протянул руку к ближайшей.

Напарник дернул за ручку.

— Сектор ноль на барабане! — голосом Якубовича вещал он, за проходом открылось подсобное помещение с уборочным и техническим инструментарием. — Давай другую. — Кажется, азарт Жмыха не знал предела.

Щелкнул замок.

— А вот это уже сектор шанс.

Начищенные да зеркального блеска белые кафельные полы являли собой образец отличной работы персонала, отвечающего за чистоту помещений. Потолки в комнате, точнее, можно сказать в зале, были около пятнадцати метров в высоту. Вполне реально, прикидывая параметры конструкции, Рыбник немного ошибся.

Везде белый кафель. Стены, пол, потолок. Жмых потянул носом воздух.

— Озоном пахнет. — Сказано это было в некотором шоке, поскольку внимание в первую очередь привлекала далеко не высота и белизна стен и общая стерильность помещения. Привлекало как раз таки содержимое. Напарник, не веря своим глазам, покосился на Рыбника. Мол, ты тоже это видишь?

- @#%*#!!! Мать моя женщина. Это чем это тут ляля занималась??!

Глава 13. Потенциал

Два химика в лаборатории: Вась, опусти руку в стакан, — Ага. — Что-нибудь чувствуешь? — Нет. — Отлично. Значит, серная кислота в другом стакане.

Красивой рыжеволосой девчужке хотелось оторвать ноги. Или руки. Или все вместе. Вариант застрелиться самой был далеко не худшим из возможных.

Разделочный стол. На нем обезображенной кучей свалены бесформенные куски мяса. Поежившись, Жмых шумно сглотнул.

«..Все смешалось — люди, кони»

Тела еще поддавались опознанию видовых различий, но рыться в горе окровавленных ошметков желания у напарников почему-то не возникло.

Зал был огромен, разделочный стол стоял так, что его содержимое бросалось в глаза в первую очередь. Немного поодаль, в полуметре от рабочей поверхности стояло оборудование, смутно напоминающее мясорубку промышленного типа. Основание емкости на месте приемника перерабатывающей машины уходило вглубь помещения. Ярослав, подойдя чуть ближе, пнул бачок, наполненный фаршем. Тот глухо ухнул, оставшись невозмутимо стоять на месте.

— Слышь, Рыбник, да это ж кунсткамера какая-то.

— А то я не вижу.

Вдоль зала, сияющего белоснежным кафелем, тянулись ряды камер, заполненных прозрачной, слегка отливающей желтизной жидкости.

В колбах плавали уродцы, больше напоминавшие созданий другой цивилизации, нежели homo sapiens. Однорукие, шестиногие, удивительно несимметричные экземпляры были педантично пронумерованы. Жмых обратил внимание на очередную табличку. 2601.

Сколько душ погубили. Ублюдки.

Ярослав спокойно осматривал открывшийся пейзаж. Души страшных, вызывающих отвращение мерзких созданий давно уже покинули свои тела.

На всех образцах продукта мысли генной инженерии были видны следы профессионального хирургического вмешательства. Жилистые, без капли лишнего жира туши испещрены четкими ровными, но сшитыми на скорую руку разрезами.

Рыбник остановился рядом с колбой, вмещавшей сюда мутанта, смутно показавшегося знакомым.

— Ага, сразу признал, — напарник, явно нервничая, хлопнул по плечу. — Старый добрый лотерейщик.

... ты узнаешь его из тысячаячиии... по словам, по глазам, по гоолооосуу...

Рыбник попсу не любил, поэтому смотрел на Жмыха косо. Как у него хватало цинизма распевать лирические песни в кунсткамере, непонятно. Наверное, жизнь в Улье не сахар.

... Его образ на сердце выыисечен...

— Заткнись, тошно.

— Я думал ты в полном восторге от моих вокальных данных.

— Нет.

Немного смутившись, напарник закончил припев некогда популярной среди школьниц песни уже себе под нос. Видимо, по инерции.

— Жмых, мне здесь не нравится.

— Мне тоже, но такие моменты выпадают очень редко.

— Я думаю, врядли это хранилище уродов нам может чем-то пригодиться. — Рыбник почувствовал глубоко внутри поднимающуюся волну панической атаки. Не железный. Приключение последних трех дней больше напоминало ему бред сумасшедшего, нежели адекватную реальность.

Он мыслил, испытывал эмоции, все органы чувств исправно доставляли мозгу достоверную информацию.

Если собрать все воедино — шизофрения в стадии обострения. Диагноз неутешительный.

С каждым моментом он убеждался — его болезнь активно прогрессирует — и душа навсегда покинет тело, измученное галлюцинациями маниакально-депрессивного характера. Когда сюжет придет к логическому завершению. Или не придет?

Или это действительно жизнь такая — с мутантами, кластерами и обезумевшими людьми?

Черт-те что. Остается с интересом ждать. И да. Не забывать дергаться когда горит хвост. Под лежащий камень вода не течет.

Спокойствие, ранее сопровождавшее его в лаборатории, исчезло, оставив о себе лишь напоминание.

Послышался знакомое урчание, свидетельствующее о том, что близко находятся зараженный. Не в единичном экземпляре. Напарники, не сговариваясь, перехватили оружие, став спиной к спине. Возможность прикрыть друг друга в случае опасности лишней не будет.

В соседнем ряду через мутновато-желтую жидкость колбы Рыбник уловил быстрое, на грани видимости, движение.

Ближе, брат, ближе.

Одри была штатным научным сотрудником 17 лаборатории Объединенного Крайона.

Задолго до ее существования Объединенные государства вели активную политику расширения территории. Всем известно — война — удовольствие дорогое, но бессменному Императору Крайона звезды начертали блестящее будущее. Казна регулярно пополнялась и признаков истощения ее ресурсов не возникало. Чего не скажешь о людях.

Сколь продумано и хитро не веди войны — жертв избежать не получится. С рекрутами на захваченных территориях дело обстояло туго, если не сказать, совсем печально. Поэтому Император принял единственно верное решение — дать время оккупированным территориям полностью ассимилироваться и свыкнуться с идеей Единого Крайона.

Он подарил до этого самостоятельным государствам статус независимых республик. И пусть выкручиваются, как хотят, на свой вкус и кошелек распорядившись бюджетом. До этого, разграбленным все тем же Крайоном. Да не будем о большой политике, не в ней дело.

Император, будучи человеком неглупый, считал, что у любой проблемы существует решение, пусть оно и не лежит на поверхности, но приложить некоторые усилия для поиска оптимального решения — это один из тех слонов, на котором зиждется существование любой развитой цивилизации.

Он, недолго думая, определил исходный вектор, и подкинул задачку светлым умам Объединенного государства — создание совершенного солдата, мгновенно приспособливающегося. К чему? К изменяющимся условиям окружающей среды,

регенерирующего за очень короткий промежуток времени, и естественно, практически бессмертного.

Ученые дружно эту тему подхватили и понесли в массы. Но в проект приглашали далеко не всех, а только самых лучших. Жесткий отбор частым гребнем прошелся по рядам светлых голов генетиков.

Рассматривая янтарное вино напросвет через прозрачный хрустальный бокал, Дарий XIX удовлетворенно причмокнул. Покои были пусты и стесняться некого. Хоть зачмокайся. Результаты исследований были неутешительными. Пока неутешительными.

Умники-дармоеды элементарно не могут сохранить сознание. Что касается заявленных Военным Министерством требований к физиологическим особенностям солдата — выполнены они безукоризненно. Только мозгов определенно не хватает. Тупик.

Паразит, выведенный в лаборатории, изменял тело, добавляя существенный прирост показателей к исходным данным. Минус — разум подопытные не сохраняли. А если удавалось остаться иммунными к заразе — имели лишь небольшой прирост к ТТХ.

Орды мутантов можно использовать для опустошения городов противника. Только зачем? Зачем пустые поля и заброшенные заводы? Ко всему вышеперечисленному стоит добавить еще один интересный фактор — заражение передавалось воздушно-капельным путем, налицо полное отсутствие контроля. Посадил на своем участке бамбук? Попрошайся с огородом, и с соседским, кстати, тоже. Неприятное обстоятельство. Очень.

Развязывая руки ученым и вкладывая в это немалые средства, Император не стал забывать об элементарных правилах безопасности. Все лаборатории и научные центры, независимо работающие друг от друга, находились на приличной глубине в толще земли. Люди, изъявившие желание положить свою жизнь на алтарь вездесущего прогресса, больше никогда не видели свет звезды, дарящей тепло их планете и благословенному Объединенному Крайону.

Расположение исследовательских центров было строго засекречено, поставки всего необходимого осуществлялись по каналам, снабжающим подземные города, ведь места на поверхности хватало далеко не всем, особенно это касалось низших социальных слоев населения.

Крайон хоть и был цивилизацией с развитым уровнем научного прогресса, с социальным неравенством ничего поделать не мог.

Вернемся же к нашей Одри. Родители ее Эрих и Алиссия Чедрос — ученые, сама она, выросшая в атмосфере восхищения перед достижениями человечества, решила пойти по стопам многочисленной родни. Тем более, что деваться девчужке было абсолютно некуда. В закрытой лаборатории перспективных вариантов было не особо много. Либо ты — исследователь, входящий в элиту, либо — обслуживающий персонал, каторжанин, не достойный и капли внимания. Третьего не дано. Ей — 19, и два года назад она отправилась глубоко в толщу земли вместе с родителями. Все это время она училась — слушала лекции в университете, набавывала практический опыт, перебирая кучу документации с результатами экспериментов.

Так Одри сделала свой первый и единственный в жизни выбор.

На тот момент, когда была выведена десколада, девушка уже занимала должность старшего ассистента, что, впрочем, не мешало ей вести свой дневник исследований, и записывать наблюдения, которые, по мнению большинства светил науки Объединенного Крайона, были малозначащими и недостойными внимания, а также общие механизмы

действия паразита.

В тот день ее научный руководитель профессор Гелиан Швондер оставил девушку понаблюдать за поведением очередного зараженного и сделать соответствующие пометки в черновой журнал, благополучно свалив пораньше. Личных дел у старшего ассистента 17 лаборатории не было, и Одри Чедрос в тот день решила задержаться на работе подольше.

Поправив рыжую кудряшку, постоянно спадающую на лицо, села за компьютер, занося в базу данных физиологические параметры зараженного, а так же динамику его внутренних процессов. Механизм воздействия паразита на организм был нестандартным для такой формы жизни. Поэтому совет руководителей заставлял сотрудников раз за разом наблюдать и записывать происходящие с подопытными изменения, выявляя факторы, способные замедлить либо ускорить процессы мутации, а так же направить течение болезни в совсем иное русло.

К инструментам воздействия относились радиация, некоторые яды, введение в исходный организм дозы тяжелых металлов и редкоземельных элементов. Без ноотропов тоже не обходилось. Куда же без них.

Одри неотрывно смотрела в монитор, очередной раз проверяя правильность занесенных данных, как компьютер по чьей-то злой воле принял решение перезагрузиться, показывая зеленый экран с понятными только программисту командами.

Девушка очень расстроилась, и, подумала о том, что причина того, что ее двухчасовая кропотливая работа улетела далеко на Цугундер — это некомпетентный служащий, дернувший кабель не в то время и не в том месте. Вышла в технический отсек, желая, чтобы там оказался кто-нибудь из техников, готовый принять на свою голову праведный гнев красивой рыжеволосой девчушки.

Одри, спокойно шагая вдоль коридора, тщетно выискивала жертву для своей тирады. Не срослось. Еще и вдобавок ко всему, ее угораздило попасть под слив реагентов. Видимо, повредило газопровод. От нестерпимой вони сознание поплыло, и, когда девушка очнулась, лежа на полу, в голову не пришло ничего лучше, чем вернуться назад от греха подальше, матерясь и проклиная эту чертову службу.

Ритмичный перестук каблучков по бетонному полу технического коридора стих, как только Одри увидела двух мужиков, совершенно непонятно откуда взявшихся. В Крайоне без террористов не обходилось, и девушка, расценив ситуацию как очень серьезную, подумала, что пришла пора исполнить последнюю инструкцию. Мужчина, вступивший с ней в разговор, имел хорошо знакомый акцент представителей вражеского государства.

Как только мужчины отвлекли от нее свое внимание, Одри быстрым движением достала из кармана белого халата револьвер и отправилась к праотцам.

Никаких сведений от меня вы не добьетесь, не скажу, — такова была последняя мысль храброй рыжей девочки.

Глава 14. Кунсткамера

Извращенцам не стоит оправдываться. Это их мир.

Мертвяк двигался медленно, подволакивая изуродованную скальпелем хирурга ногу. За ним тянулся легкий кровавый след, тонкой линией делящий безупречно белое помещение на две половины. Стекланные глаза смотрели безучастно. Если бы не утробное урчание, доносившееся из глубины живота, зашитого грубыми нитками, он мог бы походить на безэмоциональную марионетку, управляемую кем-то извне.

Винторез выплюнул кусок высокоуглеродистой стали, остановив мутанта в паре метров от Жмыха. Пуля прошла навывлет, превратив затылок твари в месиво, состоящее из осколков костей и ошметков того, что можно назвать мозгом.

Сколько их?

Мутанты сползались со всех сторон. Слабые, только-только переродившиеся, отдавшие загадочному паразиту весь свой потенциал.

Они были абсолютно голыми, лишь на шеях болтались еле заметные металлические цепи с номерами. Вот так.

Видимо, зараженные и в прошлой жизни не имели особых привилегий. Иначе как они смогли оказаться на положении подопытных зверюшек? Пахло несвежей рыбой, и вонь усиливалась с каждой секундой. Рыбник стоял статуей, напрягая уставшие глаза. Там, за лабораторными колбами двигался довольно интересный экземпляр. Быстрые, едва уловимые движения мелькали в непредсказуемой последовательности, хаотично меняя точки координат и не позволяя оценить размеры.

Поведение «невидимки» настораживало и вселяло в и без того впечатлительное сознание страх, напрямую граничащий с ужасом. Рыбник крепко вцепился в дробовик, готовый при первой же возможности упокоить неизвестную тварь. Руки немного дрожали, и это было хуже всего. Еще не хватало промахнуться.

Жмых ожесточенно угощал мутантов небольшими, но действенными подарками, планомерно опустошая магазин «красавы». И матерясь так витиевато, что Рыбник, упорно выискивая дулом дробовика слишком шустрого мутанта, даже сделал себе зарубку записать такой ажурный матер для потомков. В назидание.

Пред глазами неожиданно появилась черная пасть, усеянная несколькими рядами острых зубов, густо смазанных кровью.

По телу прокатилась доза адреналина. Рыбник потянул спусковой крючок. Картель, развившая приличную скорость в стволе дробовика, взорвала голову монстра, превратив в кашу все, чего коснулись стальные шарики, бешеным разгоном сносившие все на своем пути. Ближайшие колбы окрасились в красивый голубоватый цвет. Рука уже привычно передернула цевье.

Успел. Тварь была быстрой. Очень. Но реакция, подстегиваемая пресловутым желанием выжить, оказалась сильнее.

Зрение резанула непонятная перемена цвета близлежащего пространства.

Рыбник пристально оглядел сектор, за оборону которого отвечал он. Статично. Движения нет.

Жмых сделал еще выстрел, после чего перезарядил магазин. Материться он прекратил, словарный запас, видимо, иссяк.

— Все, братка, отвоевались.

Рыбник не торопился поворачиваться к напарнику. Он пристально разглядывал то, что еще недавно хотело им поужинать. Или пообедать. Впрочем, это не важно. Важно то, что пока они свое право на существование отстаивали.

Тварь, до этого имеющая «снежный» окрас, лежала, меняя цвет шкурки с белого на темно-коричневый. Неужели рыбой воняло именно от нее.

Рыбник плюнул в остатки зубастой пасти. Не выпуская из рук оружия, отошел на пару шагов.

Мимикрия. Вот почему он не смог ее заметить среди нагромождения колб с уродцами, достойными почетного места в кунсткамере Санкт-Петербурга. Он разглядывал своего уже бывшего противника очень внимательно. Интересный экземпляр.

Конечностей у твари не было, да и голова размещалась далеко не там, где требовала логика, а ровно посередине вытянутого змеиного тела. Этаким кальмар с двумя хвостами-ногами. Из левой конечности торчал внушительных размеров катетер с обрывками пластиковых трубок. Из-за перезагрузки управляющей системы, наркота для мутанта подаваться перестала, и, почувствовав себя лучше, зверюшка решила немного перекусить, оставив разделочный стол скучать в одиночестве.

Бородавчатая структура темно-коричневой кожи скрывалась под толстым желеобразным слоем эпителия, функционирующего, скорее всего, как маскировка — на теле мутанта еще не совсем исчезли белесые пятна.

— Я такого еще не видел, — Жмых, раскрыв рот, смотрел на неведомую зверюшку.

— Сдается мне, ты еще многого не видел. Может, все-таки свалим отсюда?

— А ты в своем кальмаре хабар не хочешь поискать?

— Что-то душа не лежит, — Рыбник, словно загипнотизированный, смотрел на мертвое тело мутанта. — Что найдешь — все твое.

Жмых подошел к развороченной голове, на ходу вынимая из кармана походных брюк перчатку веселого ярко-розового цвета, припасенную как раз для таких случаев. Кто-то из «доноров» землянки решил пошутить, подсунув резиновые изделия нуждающимся именно такого оттенка.

Немного повозившись, напарник вытянул из биомассы зеленую виноградину.

— Я не понял, братка, эт че, бегун был?

— Ползун. — Ярославу было не по себе, он лихорадочно оглядывал помещение, в котором они находились.

Что-то было явно не так.

— Пойдем.

— Погодь, братка. — Жмых, кажется, увидел нечто, заслуживающее внимания, и потянул Рыбника сквозь ряды колб, содержание которых было, мягко говоря, неаппетитным.

Он понимал, что тварь, подобная той, которую он пристрелил некоторое время назад, при желании может сильно помешать исследовательской экспедиции двух слишком любопытных иммунных мужчин. Но ничего дельнее, чем покрепче перехватить дробовик и затравленно озираться по сторонам, он придумать так и не смог.

Они подошли к одному из офисных столов, за которыми работали генетики. Выбранное рабочее место, состоящее из металла и пластика все того же пресного белого цвета, выгодно отличалось от остальных своими размерами. Немного залапанный монитор горел приглушенным зеленым цветом. «Disconnected».

— Ты что тут хочешь найти? — Рыбник повернулся к напарнику. Раздражение было на грани наполненной до краев чаши, нервишки шалили и не покидало чувство опасности и неуверенности в собственных силах.

— Так вона, братка, — Жмых показал пальцем на план эвакуации помещения. Ярослав облегченно вздохнул. Исследовать это жутковатое место детально мешало чувство тревоги, плавно переходящее в животный страх. Хотелось, желание осмотреть все, до последней записи на туалетной бумаге, обжигало нутро кипящим маслом. Нет. По крайней мере, не сейчас.

Пока Жмых соображал, выясняя место их дислокации, на глаза Рыбнику попала толстая тетрадь в твердом переплете. Среди прочих бумаг и папок, служивших фоном, она радовала глаз ярким изображением колибри на обложке. Он машинально схватил со стола то, что являлось здесь лишним. Убрал в рюкзак.

— Не думал, что ты страдаешь kleптоманией, братка.

— Здесь за это сроки не мотают, — огрызнулся Рыбник, застегивая пряжки. Тревога мгновенно прошла. Не давая соскучиться нервной системе, наружу вылез нездоровый интерес, до этого подавляемый усилием воли.

Тетрадь на память возьму. Может, там что ценное написано? Пригодится.

На границе обозреваемого пространства проявило себя активное шевеление. Успевший уже надеть рюкзак Ярослав перехватил дробовик, резко повернувшись всем телом в нужном направлении. Надпочечники приготовились выплеснуть очередную лошадиную дозу гормонов. Ан нет.

Движение было, это бились в конвульсиях некоторые живые монстры, заключенные в колбы с жидкостью, отличавшейся на общем фоне красным оттенком. Тела тварей опутывало множество трубок различного назначения, мутанты, словно высвобождаясь из коконов нитей, пытались выбраться наружу. Тщетно.

Рыбник не предполагал, из какого материала было сделано стекло, несущее функцию аквариумов, но аналогов в своем мире не припоминал. Очень тонкое, но обладающее чудовищной прочностью — пули «красавы», проходящие сквозь тела, цепляли колбы, наставленные повсеместно, отлетая звонким рикошетом.

— Жмых, драпаем отсюда.

Напарник, повернулся, очевидно, ища верное направление, и порысил к дальней стене, противоположной той, с которой они пришли. Ярослав, недолго думая, легким бегом двинулся вслед. Через минуту они нырнули в дверной проем, который издали было заметить достаточно проблематично, поскольку тот выгодно сливался с фоном стен.

За секунды пробежав небольшую площадку, Жмых, не сомневаясь, двинулся вниз по лестнице, на ходу считая пролеты. Проход был шириной не больше полутора метров и отлично просматривался. Ни души.

— ...восемь, девять, — напарник, умаявшись, перешел на быстрый шаг.

— Почему мы идем вниз?! — Рыбник, восстанавливая дыхание, решил получить ответ на вопрос, мучавший его последние минуты.

— ..десять. Ща по коридору четвертая дверь налево, пройти насквозь две комнаты и двенадцать этажей вверх. Понял? — Ярослав кивнул, как ребенок радуясь тому, что вся эта эпопея с подземельями скоро закончится.

Их ожидало разочарование. Кластер 17 лаборатории Объединенного Крайона на поверхность выходов не имел. По крайней мере, в своих границах. Он обрубился именно

там, где должна была быть дверь, открывающая проход с подъемом наверх. На месте искомого непоколебимо стоял наполовину вросший в пол люк, явно украденный с декораций фильма о храбрых и самоотверженных подводниках.

Рыбник остановился и сел, обхватив голову руками. Отчаяние? Нет. Просто очередной облом ненадолго выбил из колеи бывшего коммерческого директора.

Длинная цепь неудач в столь короткий срок там, на Земле, наверняка бы привела Ярослава в кресло к психоаналитику. А может, и к эскулапу посерьезнее.

К черту размышления, он уже не на Земле. Или на Земле, только в отделении для душевнобольных. Не важно.

— Ну ты че, братка. Не ссы, прорвемся. Ща окрою.

— Нет!! Хватит! Пошли назад. — Рыбник поднялся, поправляя лямки рюкзака. Злость на авантюризм напарника набирала обороты. Руки так и тянулись к дробовику.

Доброе, ласковое прикосновение к голове остудило взвинченные нервы, гася ярость потоком теплого молока. Напарники, до этого лихорадочно обсуждавшие дальнейший план действий, повернулись к люку. За куском металла их ждали. Нет, не так. Их ЖДАЛИ.

Жмых, ни слова не говоря, повел рукой. Видимая часть металлической заслонки раскрылась лепестками внутрь помещения, освобождая проход. Открылся проем, но что там, внизу, с их позиции видно не было. Всемогущий Конструктор немного оплошал, или просто схалтурил — уровень 17 лаборатории Объединенного Крайона был выше на полтора метра. Зачарованные ощущением близкого и родного тепла, напарники пресекли границу кластера. Они не торопились и не боялись. Когда мужчины повернулись лицом к коридору, ничего, кроме густых клубов сизо-голубоватого дыма, не увидели. Облака газообразного реактива пахли специфически — «Красной Москвой».

Первым неладное заподозрил Жмых. Перехватив «Вал» до этого момента свободно болтающийся на ремне, он застыл, не в силах пошевелить даже веками, чтобы банально сморгнуть. С Рыбником все произошло аналогично. Из густого тумана появилась огромная пасть, от одного взгляда на которую начинали дрожать поджилки.

Вляпались. Как глупо, зарубить туеву хучу тварей, отчаянно пытаюсь выжить, что бы вот так нелепо поставить точку в своей недописанной биографии. Сильнейшая волна злости, поднявшись изнутри, пробралась в голову, стуча в набат и ехидно хохоча: «Ну что, допрыгался?»

— Аккуратнее, дорогая, — глубокий, чарующий женский голос с небольшой хрипотцой, с кем-то разговаривал.

Пасть, усеянная клыками, являющими собой прототип ятагана, схлопываться не торопилась. Приблизившись, она начала медленно закрываться. Вонь, исходящая из недр кишок мутанта, дополнила безупречный букет «Красной Москвы».

Так пахнет твоя персональная смерть, детка.

Видимо, медленно закрывать рот у мутанта получалось плохо. На последних десятках сантиметров тварь резко щелкнула зубами, отхватив у «красавы» ствол. Напарники продолжали стоять, не имея возможности сопротивляться.

Приехали.

Глава 15. Добро пожаловать

Эмма Марковна заказывала нежные телячьи котлетки в ресторане Луи для дорогого гостя — начальника полиции.

Когда у нее пропала дочь, начальник сделал все, что смог.

Дело было громким, публика увлеченно следила за расследованием. Преступление раскрыто, виновник наказан. Как ни странно, злодеем оказался шеф-повар того самого ресторана.

Начальник полиции долго мучился несварением желудка.

Эмма Марковна стала вегетарианкой.

Катенька лежала, исполинской тушей перекрыв проход в Подземелье.

Три человека сидели рядом на полу из камнебетона, весело переговариваясь, словно давние хорошие знакомые. Напряжение последних минут таяло, будто его и вовсе никогда не было. Не было испорченного «красавы», не было опасности, угрожающей прервать и без того не очень длинные жизни двух мужчин, по большой случайности нашедших поселок. Не было ни-че-го. Рядом с ними сидела Фаечка, которая, наливая по пластиковым стаканчикам горячий чай, весело щебетала об очень интересных и полезных вещах.

— Ну как, остаетесь? — Фаина пристально взглянула на мужчин. Отказывать не хотелось, и Ярослав посмотрел на напарника.

Жмых сидел, задумчиво глядя себе под ноги. В руке остывал стаканчик с чаем, сладким до безобразия, оттого упорно вызывавший ассоциации с детством и любимой бабулей. Бетонные полы возвращали в убогую реальность.

— Нет, — Жмых решительно встал, поставив емкость с напитком на салфетку, заботливо постеленную Фаиной. — Меня Аконита ждет. Хотелось бы, но не могу.

У Рыбника, до этого момента верившего в сказки наяву, появилось внутри чувство сожаления о том, что придется уходить. Опять. В этот кишачий мутантами и полный сюрпризов мир, в шутку кем-то названный в честь пограничной реки обиталища мертвых душ.

Жмыха он прекрасно понимал, но оставить его одного, без оружия, бредущего к ближайшему клоповнику, гордо именуемого стабом, он не мог.

Пришло время и ему сделать свой выбор.

— Нет, — Ярослав тоже опустил свой стакан на салфетку. — Спасибо, конечно, но нам пора идти.

Фая, мягко улыбаясь, чувствовала нерешительность в его словах. Значит, не все потеряно. На уровне логики она понимала, что знахарь не останется лишь из-за ощущения личной ответственности за напарника.

— Жмых, Катерина доставит тебя к ближайшему стабу, насколько я поняла, тебя переубедить бесполезно. А что касается тебя, Рыбник, — она обратила свой взгляд на Ярослава, — мне кажется, ты очень хочешь остаться. — Она не стала ждать, когда знахарь пойдет в отказ на словах, и продолжила, — Отдай Жмыху дробовик и боезапас. Тебе они здесь не понадобятся.

Рыбник вопросительно посмотрел на напарника. Тот, довольный приятным обстоятельством, что доберется до Волгограда без приключений, уже тянул свои руки к дробовику.

Действительно, а почему бы и нет?

Либо остаться в хорошем, обеспеченном стабе и не знать ни в чем нужды, либо бегать по разнообразным кластерам с выпученными глазами, толком не понимая, будет ли у тебя возможность завтра хоть что-нибудь поесть.

Жизнь рейдера далеко не персиковое варенье. Рыбник и сам это предполагал, но рассказы Жмыха, которых он выслушал уже достаточно, были тому неопровержимым доказательством.

Мысли плыли ленивым потоком, он достал из кармана разгрузки коробочку с самым ценным. Протянул спутнику и повернулся к Фае.

— Англо-русский словарь у вас есть?

Капитан Антонов молниеносным броском сменил позицию и, не отрывая глаз от прицела, обвёл взглядом помещение.

— Чисто. — Коротко бросил он в гарнитуру рации.

В комнату скользнул Гордеев и быстро проверил лежащих на полу террористов.

— Минус шесть. — Подытожил он.

— Заходим. — Скомандовал Соломонов, и БТР с его группой на броне рванулся к запертым воротам.

— Взрывотехники, к дому. — Прозвучал в эфире голос Ветрова. — «Скорую» и «пожарную» — к воротам! Оцепление не снимать, родственников не пускать!

Полковник продолжал раздавать команды, и Сергей посмотрел в окно, на лежащего около машины человека.

— Чех, вставай, хватит валяться! — произнёс капитан в эфир. — Обед проспишь.

— Обед — это святое. — «Труп» возле развороченного «Ауди» поднялся на ноги и неторопливо отряхнулся. — Что с заложниками?

Антонов улыбнулся. Чех отработал как заправский каскадёр, чётко реализовав по секундам расписанный сценарий. В двух кварталах подожгли кучу старых покрышек, подорвали имитатор взрыва для большего шума, и в небо повалил густой чёрный дым. Чуть ли не половина омонцовцев открыла стрельбу, нагнетая нужную атмосферу, и Чех утопил в пол педаль газа. Замысел удался, находящиеся под действием наркотиков бандиты увлеклись спектаклем, потеряв бдительность, и несколько десятков секунд о задней стороне дома никто не вспоминал. К тому времени, когда машина Чеха врезалась в столб, Сергей с Гордеевым уже были на крыше. Забор преодолели чисто, спустя ещё пятнадцать секунд они уже висели на канатах прямо над раскрытым окном. Проникнуть в проем было делом считанных мгновений.

Первого террориста обнаружили в коридоре прямо за дверьми комнаты с окном. Видимо, он что-то услышал и возвращался на свой пост. Короткая очередь оснащённого глушителем 9А-91 застала его врасплох. Бандит умер раньше, чем подкосились его ноги, но шума своим падением не произвёл: Гордеев подхватил безвольно падающее тело прежде, чем оно коснулось пола. Минус один. Второго нашли у комнаты с заложниками, с автоматом в одной руке и мобильным телефоном в другой. Но нажать на кнопку вызова он так и не успел, бесшумная очередь разнесла террористу голову. Он так и не понял, от чего умер. Минус два.

К счастью, заложников по всему дому искать не пришлось, все они оказались запертыми в одной комнате, что капитально упростило задачу. Восемь женщин и четверо

детей, обвешанные тротилом, сидели с заткнутыми ртами привязанные к стульям. Взрывателями живым бомбам служили мобильные телефоны, вот почему стороживший их бандит держал в руке девайс. Возиться с разминированием не было времени, поэтому с бомб сорвали телефоны вместе с детонаторами и двинулись дальше. Оставшиеся террористы, клюнувшие на уловку Чеха, собравшись вместе, увлечённо долбили из всех стволов в окно, бестолково тратя патроны на броню БТРов.

Подрыв светозвуковой гранаты и последовавшие за ним автоматные очереди стали в их грязной жизни полной и последней неожиданностью. Минус шесть.

— Все целы, — ответил Сергей, меняя магазин. Снаружи БТР штурмовой группы уже выдавливал ворота.

— Где-то здесь ещё один, — не очень громко произнёс Гордеев, держа под прицелом противоположный вход в комнату, — в глубине дома.

Антонов воспроизвёл в памяти план строения. В помещение к заложникам, помимо этого, вёл ещё один коридор. А эта сволочь сейчас может быть где угодно.

— Оставайся здесь, — ответил Сергей, — я к заложникам.

Он быстро выскользнул из усеянной трупами комнаты. Капитан успел вовремя. Он был уже перед дверью в их помещение, когда из-за угла выскочил щуплый парень лет двадцати, с жиденькой бородкой, в грязном камуфляже с небольшим рюкзаком за спиной и автоматом в руках. Увидев Антонова, бандит вздрогнул, как от электрического удара, и рванул назад.

— Стоять! Бросай оружие! — рявкнул капитан, вскидывая автомат, но моджахед уже скрылся за углом.

Сергей приблизился к дверному проёму, в котором исчез бандит, и быстрым взмахом оружия создал видимость проникновения. Тут же в ответ загрохотала длинная автоматная очередь. Видимо, нервы у террориста были на пределе, и он в ужасе выстрелил в первую же тень. Капитан потянул из разгрузки светозвуковую гранату, но замер, прислушиваясь.

За стеной раздался грохот падающего на пол оружия и топот ног убегающего человека. Антонов стремительным броском оказался в комнате. Автомат террориста валялся на полу посреди комнаты, рядом лежал пустой магазин. Шаги моджахеда ещё звучали из соседнего помещения. Сергей прошёл за ним через два зала и остановился.

Соседняя комната выходила в коридор, из которого можно было уйти сразу в три стороны. Преследовать бандита дальше не стоило, в первую очередь надо отрезать его от заложников, вывести людей из дома и уже потом зачистить здание. Антонов занял позицию, с которой дверь в коридор простреливалась наиболее удобно и замер.

— Мы внутри, — раздался в эфире голос Соломонова, — приступаем к эвакуации заложников.

— Альт, — назвал он позывной Антонова, — что у тебя?

— Один где-то в доме, — ответил Сергей, — я заблокировал ему выходы к заложникам и на первый этаж. Может выйти или на вас, или на меня.

— Принял тебя, — подтвердил Соломонов.

В следующую секунду моджахед стремительно ворвался в комнату. Рефлекс сработал раньше, чем мозг осознал происходящее, и автомат выплюнул очередь, испарывая бандиту грудную клетку в области сердца. Мёртвый противник по инерции добежал до противоположной стены, врезался в неё и упал. Готов.

Антонов осторожно приблизился к неестественно лежащему телу, прогнувшемуся на рюкзаке.

— Минус семь, — доложил он в эфир.

— Принято, — ответил полковник Ветров, — заложники на улице. Альт, выходи.

Сергей развернулся и краем глаза заметил лежащий возле мёртвого моджахеда мобильный телефон. Дисплей показывал снятую трубку исходящего звонка. Внезапно он понял, что носил в рюкзаке убитый бандит. Капитан метнулся к выходу, и в этот момент оглушительный хлопок за спиной погрузил всё вокруг в темноту.

Альт проснулся, судорожно скидывая с себя одеяло. Взял с тумбы тяжелый граненый стакан из мутно-зеленоватого стекла, еще советского производства. Выпил.

Эпизод операции, после которой он покинул службу в группе «А», преследовал его постоянно, не давая спокойно спать по ночам.

С того момента жизнь капитана Сергея Антонова развернулась к нему филейной частью. Если не сказать хуже.

Тяжелая контузия головного мозга — не тот диагноз, при котором военно-врачебная комиссия ставит штамп «Годен». Три месяца в военном госпитале, два — в реабилитационном центре. Легкие тренировки с постепенно возрастающей нагрузкой, пешие кроссы, по мере восстановления организма, переходящие в бег — все было бесполезно. Чуда ждать не приходилось.

Военно-врачебная комиссия была неумолима. Несмотря на все усилия Антонова вернуть себе былую форму, обмануть медицинские приборы оказалось невозможно. С группой «А» пришлось попрощаться. Почти месяц Сергей в тоске просидел в своём общежитии в ожидании назначения, глядя в вопящий об ужасах мирового экономического кризиса телевизор и ломая голову над тем, что делать дальше. Руководство группы, конечно, не собиралось его бросать, обещали посодействовать и уже подыскивали место в городском управлении ФСБ. Да и кадровики ободряли.

Всё это уже не то. Какой из него кабинетный работник? Подготовка-то совсем другая.

Пришлось выкручиваться. Причем самому. Пятнадцать лет службы в частном охранным агентстве дались ему нелегко. Все чаще давала о себе знать старая травма — подсакивало давление, участились продолжительные головные боли, похожие на изощренную пытку. Когда Антонов потерял сознание на рабочем месте, пришлось самому себе признаться в нелицеприятной правде — пора на пенсию.

Семьей он так и не обзавелся. Перед тем, как купить себе небольшой домик в пригороде, Сергей решил навестить старого товарища. Через восемь часов после встречи он свернул ему шею. Ничего личного.

Перенос в Улей вдохнул в Альта новую жизнь, и жизнь эта ему ох как нравилась.

Начинать с нуля всегда непросто, а в области, которая тебе не по душе, непросто вдвойне. Когда Альт встретился с Гипсом, на тот момент уже занимавшим пост главы поселка, Антонов понял, что дело тут не в личной неприязни. Кваз из себя ничего не представлял. Хороший управленец, не более. А вот кадровик из него оказался и попросту аховым.

Альта, человека, принимавшего активное участие не в одном десятке в большинстве своем успешных антитеррористических операций, засунули... в ремонтный цех, рядовым механизатором. Видимо, если бы он занял место в управленческом аппарате Подземелья, то стал бы очень опасен для Гипса. Шибко умным здесь никто не радовался.

А потому, уважаемый, гните спину на благо общества и не возникайте по пустякам, террористов здесь нет. Альт вздохнул. Бойцы спецподразделений так просто никогда не

сдаются.

Ух! Разделочный топор гулко стукнул по деревянной доске, разделив руку на две равные части. Фаечка скинула куски туши в пятидесятилитровый чан. Кастрюля была почти заполнена. Совсем рядом стояла такая же посуда.

Фаина, примерившись, оттяпала у выбранного трупа ногу.

— Хорошая, и мясо есть, и жира в самый раз. — Она положила часть тела на разделочный стол. Ух! Слишком сильно. Ступня, отлетев, свалилась на пол, сопроводив свое недолгое фуате противным шлепком.

— А я говорил, полы потом помоешь.

— Не умничай. Ведешь себя, как моя мама. Тоже мне, надо было так, или вот так, и вообще... вывернуть наизнанку и нарезать звездочками. — Фаия злилась, коленный сустав был достаточно прочным, и пришлось работать острым ножом, чтобы освободить две соединяющиеся кости от связывающих их мягких тканей. Операция требовала внимательности и затрат некоторого количества времени. Это тебе не шейку бедра топориком перебить за пару секунд.

Рыбник не обратил внимания на неуклюжую колкость. Перед ним лежало две тетради. Одна — на русском. Другая — на английском. Обстановка к вдумчивому переводу каракулей Одри Чедрос не располагала. Несколько выпотрошенных трупов, сваленных кучкой, еще не воняли, но вид их был, мягко говоря, не фонтан.

— Ты просто не хочешь признать, что я прав.

— Ты не прав.

— Обоснуй. — Рыбник отложил писанину и внимательно посмотрел на Фаю. Та продолжала увлеченно кромсать ногу.

— Если бы пол был грязным, ступня запачкалась. Логично?

— Продолжай.

— Пол чистый, поэтому, чтобы положить ступню в кастрюлю, мне не придется идти к раковине и ее мыть. Я сэкономила время.

— Все-таки у вас, женщин логика странная.

— У некоторых мужчин ее нет вообще. — Фаечка примерилась к туловищу, положила мясо стол и продолжила обработку.

— Увидев тебя в первый раз, я не предполагал, что ты так ловко можешь рубить людей. — Рыбник решил не касаться краеугольного камня, и перевел разговор в другое русло.

— А какая разница между трупом коровы и трупом человека?

— У коровы кости толще.

— Вот и я о том же, да и буренку я сама съем с удовольствием.

— Слушай, ведь Катенька и так может перекусить, зачем ты занимаешься мазохизмом?

— Мне нравится разделять людей. Шучу, — увидев реакцию Рыбника на свое высказывание, она решила съехать на юмор. Кромсая «этих вкусных человеков», как любила говаривать Катерина, Фаечка получала ни с чем не сравнимый кайф. В мыслях на разделочном столе лежал, конечно, Гипс. Но до этого еще далеко. А пока она потренируется. — С картошечкой и солью вкуснее. Я забочусь о своем питомце. Вот вернется моя девочка с прогулки — а я ей наваристое рагу и холодца с горчишкой. Как думаешь, обрадуется?

Катенька до сих пор не вернулась. Фая на самом деле очень переживала за свою зверюшку, но виду не подавала и вообще держалась бодро, не покладая рук орудуя разделочным топориком, словно заправский мясник.

Рыбник задумался, твердая, как доска табуретка, порядком намозолила зад, но это волновало его меньше всего. Они тепло распрощались со Жмыхом.

Уезжая на шее монстра, тот до конца не мог осознать, что нищая жизнь рейдера для него наконец закончится. Приличное количество гороха, немного разбавленное ценным жемчугом, гарантировало их с Аконитой безбедное существование на длительное время. А если распорядиться имуществом с умом, то и на всю оставшуюся жизнь хватит. Был бы он, тот ум.

Напарник был прост, как три рубля одной бумажкой, и провести его вокруг пальца составит труд разве что ребенку. На прощание Фаина тогда протянула Жмыху Ярко-зеленый увесистый кулек.

— Что там?

— Сладости, сама готовила, — она смущенно улыбалась.

— Это взятка? — напарник прищурил веселые глаза.

— Нет, Жмых. Добровольная амнезия.

Глава 16. Чужой

Идут деревенские бабы с работы. Рокот двигателей, по дороге на бешеной скорости проезжают два мотоциклиста. Вжиииик! И оба — без голов.

— Кино, что ли, снимают? — Ты, бы, Петровна, это... От греха подальше... Косу на другое плечо переложи.

Мутант открыл глаза и попробовал проанализировать сложившуюся обстановку. Единственное чувство, которое было ему доступно на тот момент — голод. Совершенно дикое ощущение пустоты внутри тела. Стоп. Какое оно у него? Желание произвольно пошевелить мускулами завяло на корню, потому что успехами не увенчалось. Глаза раскрыты, виден ослепляющий свет нескольких ламп. Больно. И это было уже второе чувство. Что ж, растем.

Легкая тень загородила часть яркого потока. Легкие движения.

Что это? Пахнет вкусно. Очень вкусно. Рот, наполнился тягучей слюной, грозящей перекрыть легкие. Все осложнялось тем, что сглотнуть хотя бы собственные соки не получалось. Пустота внутри ныла, тянула, мерзко пульсируя комком осклизлых внутренностей. Он осознал себя.

Глаза привыкли к свету, такому жестокому для зрачков, что хотелось первым же свободным движением разнести чертову лампу на тысячи осколков. Мутант разглядел тень.

Теплое существо склонилось над ним, рассматривая сквозь призму линз цвета кобальта. Сжатое в ком нутро трепетало загнанной в тесную клетку птицей. Пахнет, да действительно пахнет так, что все деликатесы мира по сравнению с этой особью отходят на второй план. К твари пришло осознание обоняния. Третье чувство. Что же делать со слюной?

— Прости, маленький, но твоя жизнь будет служить науке. — Одри перебирала стерилизованные инструменты. Металлическое позвякивание стало зловещим. Тонкие пальчики ласково коснувшись, тут же впились в упругую кожу, крепко вцепившись в добычу.

Резкая боль пронзила тело. Не столько невыносимо, сколько неожиданно. Четыре, пять. Слух и осязание.

— 3009, ты меня удивляешь. — Рыженькая девушка, держа в руках пинцет с образцами ткани, рассматривала причудливо переливающуюся кожу.

Объект 3009 был ее личным творением, у твари был совершенно иной геном. Большинство образцов создавались на базе человека, но Одри Чедрос не стала идти по натоптанной до асфальтовой твердости дорожке. Где-то в глубинах сознания она понимала, что база человеческого генома — тупиковая ветвь, и шагать по ней не стоит, ведь скоро весь воспалившийся аппендицит до этого бесполезных опытов придется удалить.

Проверив энцефалограмму, Одри сделала распечатку, и удалилась. Она ликовала. На этот раз десколада не затронула нейронные связи головного мозга, обрывая все воспоминания и навыки, несмотря на то, что тело все-таки изменилось, мутируя так, чтобы стать более боеспособным.

Объект 3009 лежал на операционном столе, не имея возможности пошевелить ни единым мускулом, с горечью осознавая, что его жизнь закончится в этой странной лаборатории. Пришло понимание, что он здесь не один. Где-то совсем рядом с ним, терпя издевательства генетиков и прочего персонала, находились еще экземпляры, созданные извращенной научной мыслью. Одним было больно, другие сходили с ума от отчаяния,

третьи — погибали от голода и невозможности двигаться, маяча на границе жизни и смерти. Такое состояние вскоре грозило и объекту 3009.

Одри сидела за компьютером, занося в базу данные по последним объектам исследования. Настроение у девушки было приподнято. Ведь она была в считанных шагах от открытия принципа сохранения нейронных связей — одного из опорных и труднореализуемых в проекте.

Надо записать. Она бросила скучную рутинную работу, взяв в руки свой скромный дневник, радующий глаз красивой цветастой птичкой на обложке. Пробежала глазами уже сделанные записи.

Объект 3009. Основная база генома — земноводное *Andrias Devidianus*.

Дополнено: *Chamaeleonidae*, — три вида, *Chironex fleckeri*.

Особенности развития:

Масса новорожденной особи — 3 кг.

Масса половозрелой особи — 75 кг.

Развитие полной самостоятельности особи с момента создания зародыша — 12 дней.

Приспособляемость: Комфортное существование при температурах -20 до +42 С.

Стартовые морфологические особенности: Позвоночное, четыре конечности, эпителий — коллоидного свойства, со способностью к мимикрии. Защитные механизмы — ядовитые железы на концах видоизмененного кожного покрова.

Результаты вскрытия: вскрытие не проводилось.

Хищник. Способы умерщвления легкой добычи: физическое воздействие — до 1/2 массы особи.

Добыча легкой степени сложности: средней массы 1/1 — умерщвление ядом.

Многokратно превосходящая добыча по численности и массе (класс испытания — III уровень сложности): тактическое позиционирование. Мимикрия и дальнейшее устранение поодиночке, по мере возможности поглощения.

Становление особи как половозрелой — 98 дней. Способ размножения — яйцекладка. Особенности: экземпляр стерилен.

Одри взяла ручку и дополнила:

Длительность латентного периода: 16 часов

Длительность периода перестройки организма: 7 часов

Особенности перестройки: пребывание объекта в бессознательном состоянии, судороги.

Расшифровка энцефалограммы: сохранение структуры нейронных связей без применения антидота и введения чужеродных фракций.

Характер мутаций:

учащение сердечного ритма,

повышение средней температуры тела на 2С,

гипертрофия мышечной массы, а также костной ткани и связок,

у объекта отмечается значительное повышение аппетита.

Девушка отложила журнал, оставив по небрежности тот на столе заведующего. Все это очень интересно, но сначала нужно закончить основную работу. Чашка Петри с образцами ткани объекта 3009 ждала своего часа рядом с микроскопом.

Одри сидела битый час, близоруко щуря глаза в монитор, когда прорвало один из газопроводов, выпуская конденсат, содержащий споры десколады. В тот же момент главная база данных лаборатории приказала долго жить, уничтожив результаты двухчасового труда девушки.

Объект 3009 приходил в себя. Сбой в работе главного компьютера сделал свое дело — из резервуаров, содержащих транквилизаторы, перестало поступать вещество, удерживающее мутанта на операционном столе. Он мягко сполз на пол, и притаился, наблюдая за реакцией таких же несчастных созданий, жертвующих своей жизнью по прихоти ученых, которые слишком заигрались во всемогущих богов.

Все чувства объекта 3009 кричали о том, что очень близко находится мясо, но он не торопился двигаться в нужном направлении, помня о том, как ловко его могут обездвигить простые смертные людишки, не владеющие и половиной его навыков.

Другие мутанты, урча на все голоса, собирались к одной точке. 3009 слышал звуки, до этого момента ему незнакомые. Шестым чувством ощущая изменение количества особей стаи в меньшую сторону, мутант схоронился за одной из колб, стараясь стать как можно незаметнее. У него получилось. Все нападающие были повержены двумя людьми, неизвестно откуда оказавшимися в лаборатории — их запах был приятным, более лакомым, нежели у той девушки, которая с таким беззаботным лицом кромсала его тело.

Объект 3009 знал, что прямой атакой сильного противника не взять. Здесь нужна хитрость. Предыдущий опыт удачной охоты показывал, что в данной ситуации следует выждать некоторое время, изучая противника и его слабые места. Спешка ни к чему. Но. Как же хочется есть.

3009 ждал, когда мужчины удалятся. Когда напарники двинулись к противоположной двери, мутант выскочил туда, откуда они пришли. Запах девушки со скальпелем становился все отчетливее. Объект 3009 проскользнул в проход, и, увидев труп и убедившись, что конкуренции вокруг него нет, принялся заполнять пустоту в желудке. Мясо было сладким, упругим, легко поддававшимся его видоизмененным острым зубам. Сахарные косточки приятно хрустели, а мозг, заключавшийся в них, был и вовсе восхитителен. Жира немного, плохо. Интересно, а те, двое, каковы на вкус?

Утолив первый голод, объект 3009 потерял совсем немного времени. Мышцы наливались силой, это не могло не радовать. Но он по-прежнему хотел есть. Что ж, товарищи по несчастью, пришла ваша очередь. Нет, тех двоих упускать из виду нельзя. Объект 3009 двигался в направлении, которое подсказывал ему нарастающий запах мужчин, искавших выход из подземелья.

Когда мутант нашел искомое, он затаился, нырнув в плохо освещенный угол, выжидая удобный момент. Те ничего не подозревали, но один из гостей постоянно оглядывался, заставляя 3009 замирать на месте.

Порция питательной пищи сделала свое дело, и мутант умело управлялся новым, сильным и быстрым телом, ловко укрываясь от окружающих.

Когда один из мужчин силой мысли открыл дверь, наполовину вросшую в стену, объект 3009 понял, что не зря опасался этих людей. Там, дальше по коридору был еще один его сородич. Опасный, большой. Намного превосходящий 3009го по скорости и развитию, а также и в размере. Причем солидно.

Мутанта это обстоятельство не смутило. Анализ запахов показал, что коридор, доселе закрытый, ведет к очень крупному скоплению пищи. Объект 3009 постарался незаметно

перебраться туда. Скрывшись на потолке, он впал в анабиоз, переваривая скромный обед и стараясь не испускать никаких эмоциональных волн. Кто знает, возможно у пищи тоже есть шестое чувство?

Двое мальчишек играли в прятки на нижних уровнях. По идее, мелюзге делать там было нечего, взрослые запрещали без видимой причины слоняться в технических коридорах.

Димка и Захар были одними из тех, кому повезло выжить в мясорубке переагруженного на поверхности кластера. Оттуда к ближайшему стабу их вывел священник, назвавший себя Пастором. После чего удалился, дав им немного местной валюты, чтобы протянуть первое время. Дети, особенно домашние, очень доверчивы, друзья по воле случая, сами того не подозревая, серьезно накуролесили в городе, а потому, не имея сколько-нибудь значащей репутации и возможности заплатить огромный штраф, попали к торговцу рабами.

В Стиксе и такие суки живут. Миловидных мальчишек выкупил Реук для последующей перепродажи в места, где богатые жители удовлетворяют все свои изощренные фантазии.

Не успел караван отойти от города на приличное расстояние, как был выкуплен подчистую представителями подземной жизни. Без разговоров и торга. Реук не мог нарадоваться своей удаче, ну еще бы, тащиться с товаром никуда не нужно, хоть сейчас возвращайся и закупай новый, приличная экономия времени. Да и время в Улье, как и везде — деньги.

Счастливый работороговец развернул свой паровоз в направлении стаба, из которого только сутки назад отошел. Возвращаться — плохая примета. А он и не вернулся. Совсем неподалеку от его маршрута охотились две небольшие стаи во главе с элитой. На этом моменте жизнь работороговца завершилась. Черная-черная карма зачастую привлекает сильных и страшных монстров. Или еще что похуже. Впрочем, умер он сразу.

— На ступенечках сидели: элитник, рубер, жрач, кусач, бегун, топтун, кто не спрятался — я не виновата!! — маленький ангелочек четырех лет от роду повернулась лицом от стены, внимательно изучая взглядом технический тоннель. Две тоненькие косички отливали мертвенным голубоватым светом. Валя поежилась. В лесу играть было интереснее. Жаль, что глупые взрослые поставили там растяжек. А впрочем, и здесь сойдет.

— Я иду иска-а-ать!!! — Валя весело застучала маленькими каблучками по бетонному полу.

Наверняка Димка, как обычно, шифруется рядом с трансформаторной. А Захар будет сидеть в подсобке. Что ж, с него и начнем.

— Фаечка, что же вы б. ять делаете?

Фаина стояла перед Гипсом, точно школьница на торжественной линейке. Вытянувшись в струну, немного прикрыв надменный взгляд во время его истошных воплей. Лишь бы не увидел истинного лица. Фаечка на все лады прикусывала свой язык, который так и чесался разразиться совершенно правдивой и бесстыжей тирадой в адрес главы поселка. А еще хотелось плюнуть ему в морду. Просто так.

— Фая, вы поймите своей тупой башкой, — он взял ее за подбородок, пристально посмотрев в глаза, которые тут же приобрели осоловело-отрешенное выражение, — мы не можем себе позволить приводить в поселок кого попало.

«Шлюх, мы, значит, приглашаем без разговоров, и без осмотра, что не менее важно».

Она улыбалась. Дура — что с нее возьмешь.

Гипс отпустил свою когтистую лапу, оставив на кукольном личике небольшие царапины.

«Как же ты меня бесишь, ублюдок».

— Фая, поймите же, под угрозой безопасность всего поселения, хоть он и знахарь, но человек пришлый, и кто знает, зачем он здесь появился, и кто его прислал.

«Твоя паранойя достала всех». Женщина молчала, скорчив виноватую гримасу. Надо что-то сказать.

— Ну, накосячила, с кем не бывает, — она уставилась на ботинки Гипса. Потом немного выше — на колени. Затем еще чуть выше. Так и замерла, изображая хищницу. Получалось, надо отметить, очень даже неплохо. — Ведь у нас же недостаток эскулапов, на все караваны не хватает...

Гипс смягчился.

— Ладно, иди уже. Ночь длинная, еще обсудим.

Фая развернулась на каблуках, делая шаг к двери. Уходя, повернула мордашку к Гипсу. Причмокнув губами, сложенными бантиком (куриной жопой, если выражаться точнее, эх, чего не сделаешь ради красивой игры) удалилась, не забыв театрально громко хлопнуть дверью.

Кваз устало подошел к столу, двухметровая фигура грузно опустилась в кресло. Шальная баба. Но что-то в ней есть.

Он даже не представлял, что Фая отчебучит ночью. Впрочем, удивлять она умела.

Объект 3009 проснулся. Хорошо спать с набитым брюхом.

Он радовался открывшимся перспективам, жив, более-менее сыт, может двигаться — что еще для счастья надо? Операционный стол и рыжий инквизитор остались в прошлом. Точнее, девчужка на данный момент активно переваривалась.

Поспали, можно и поохотиться.

Объект 3009 перебежками двигался вдоль тоннеля, проход назад был закрыт, наверняка одним из тех двоих. Или сколько их там было. Много. При мысли о еде рот наполнился горькой тягучей слюной.

Запахи сводили с ума, мешая трезво соображать.

На секунду мутант задумался, оценивая звуки приближающихся детских ножек в красивых розовых туфельках. Даже ходить далеко не придется.

— Димка, Захар! Я сдаюсь! — малютка Валя резво перебирала ножками по каменному полу. — Выходите!

Остаться одной было страшно. Освещение здесь не такое яркое, как наверху, да и вообще — длинный тоннель, ведущий неизвестно куда — та еще жуть.

— Ди-и-имка! Заха-а-а-ар!

— Ты за своим ором и нас не слышишь, — один из мальчишек вынырнул откуда-то из-за уступа стены.

Валечка поежилась.

— Мне страшно.

— Так пошли наверх.

— А Захар где?

— В трансформаторной спрятался.

— Там же опасно! — Валечка передвигалась почти бегом, страх перед мрачным коридором исчезать не торопился.

— Ну вот сейчас его и вытащим оттуда. — Димке было тоже как-то не по себе. Его ноги были на порядок длиннее Валечкиных. Он ускорил шаг.

Фая, выйдя из кабинета Гипса, направилась к себе в бокс.

Глава поселка вызывал омерзение, но позволить ему испортить себе настроение было бы непозволительной роскошью.

Последние несколько часов ее съедало гнетущее чувство непонятной тревоги.

Наконец, оформившись, оно приобрело четкие очертания.

Охотник и добыча. Азарт и страх. Фая эти сочетания не любила.

Девчонка еле поспевала за другом. Ножки, обутые в туфельки нежно-розового цвета, выстукивали причудливую мелодию.

— Димка, я не могу за тобой угнаться.

Парень, до этого шедший рядом, подхватил Валечку на руки и побежал. В этом коридоре явно твориться что-то не то. Нехорошее.

Объект 3009 передвигался по потолку. Один ребенок хорошо, а два — лучше. Он не торопился, давая добыче хорошо промариноваться адреналином. Далеко они не убегут.

Фая, понимала, что времени у нее немного, а потому очень спешила. Она сняла туфли на высоком каблуке, забросив их куда-то к стенке, чтобы никто ненароком не убился.

За оружием забежать не получалось. Перебирая босыми ногами по холодному полу, Фаина мимоходом содрала со стены пожарный топорик. И то хлеб.

— Захар, выходи! — Димка, сбивая дыхание орал во всю мощь легких, — Захар!

Еще лучше. Три мяса. Объект 3009 приготовился к прыжку. Сейчас он полакомится как следует.

Вышедший из трансформаторной мальчишка во все глаза наблюдал за бегущим ему навстречу товарищем. Захар за мгновение понял, что Димка с выпученными глазами и с Валькой на подхвате драпает далеко не отдохнувшей мышью.

— Бегом сюда! — парень раскрыл дверь нараспашку, давая беглецам понять, что от опасности лучше спрятаться в трансформаторной. Как бы не так.

— А куда это вы с топором и шальными глазами? — Балерун, до этого момента слоняющийся без дела, заинтересованно наблюдал за приближением Фаины.

Отлично. Неужели он, сенс, ничего не чувствует?

Фая отчаянно пыталась достучаться до эмоций объекта 3009. Все шло наперекосяк. Отклика не было.

Заглянуть в трупохранилище — значит сделать огромный крюк, в живых никто не останется.

Фаина с надеждой взглянула на Балеруна.

— Дай-ка мне свою руку.

Димка все-таки успел проскользнуть в дверной проем, Захар очень быстро прикрыл заслон. Попытался прикрыть, что-то мешало. Он, давя на дверь всеми своими детскими силенками, пригляделся. В одном месте, ближе к потолку, едва заметно дрожал воздух.

За доли секунды поняв, что это наверняка не добрый волшебник, Захар ослабил нажим, потянув ручку на себя, а потом с силой прихлопнул. Послышался хрип.

Объекту 3009 опять сделали больно. Мерзкие, слабые людишки, вы поплатитесь. Мутант разозлился. Организм, на доли секунды опешив от внезапной боли, потерял

способность маскироваться. Тварь конечность не убрала. Заживет, куда денется.

Скорчившийся и оружий нелитературные выражения Балерун остался далеко позади.

Фая неслась, точно страус, удирающий от хищника, держа в одной руке топор — на всякий пожарный, в другой — отрубленную кисть своего друга.

Тварь на контакт по-прежнему не выходила. Блок на восприятие чужих эмоций бомбардировкам Фаины уступать не хотел.

Только бы успеть.

Ногами упершись в стену, 3009ый неповрежденной передней лапой с силой толкнул дверь от себя.

Захар наконец его увидел. Мутант, проскользнув в помещение, висел в проеме.

Димка соображал плохо, быстро опустив дрожащую Валечку на пол, он заорал.

— Захар, давай

Электродуга, оформившись в подобие небольшого шара, ударила в голову объекта 3009 мощным зарядом.

Монстр на секунду застыл, оглушенный. Тряхнул головой.

Не проймешь.

Окончательно потеряв маскирующую способность, тварь извернулась в прыжке.

Только бы успеть. Фая уже давно видела место разворачивающейся драмы, ноги, предательские подпорки, передвигались слишком медленно. Она должна.

Ребята, сообразившие, что номер не прошел, встали стенкой, заслонив от мутанта малютку.

— Нет!!

Есть контакт. Объект 3009 застыл, кажется, размышляя над смыслом жизни.

Он так и не допрыгнул до детей. Его звали. На обед.

Мама, которую он никогда в глаза не видел, ждала его к столу, наверняка приготовив что-то вкусненькое.

Ровно через три секунды в трансформаторную залетела Фая, забрызганная кровью и с довольным выражением на лице.

Успела.

Она протянула обрубок мутанту.

— Покушай, дорогой, небось проголодался.

Объект 3009 замороженно уставился на кусок мяса, который протягивала ему Фая. Вдохнул воздух. Теплое. Свежее.

Аккуратно, чтобы ненароком не оттяпать женщине руку, он подцепил конечность острыми как бритва зубами.

— Вот и ладушки.

Подняв глаза на детвору, в страхе застывшую перед мутантом, Фаина привычным голосом прошипела:

— Кыш наверх!

Ребята, не веря в свое спасение, быстро бросились врассыпную.

Альт прогуливался по коридору, отдыхая от дел праведных — он закончил реставрацию очередной хламины, а потому мог себе позволить немного пройтись и перекурить.

Вынырнув из закутка мастерской, он пошел вдоль тоннеля, напевая себе под нос.

..Нашла коса на камень, идет война на память лет.

Нравилась Альту эта песня. Хороша. И настроение обыгрывает на «отлично».

Обгоняя его, пулей пробежал Балерун, зажимая поврежденную руку.

— Еб...ая сука! АААааа!

— Ты куда, друг болезный?

Альт запоздало сообразил, что с Балеруном сейчас творятся странные вещи.

Тот повернулся.

Опана. Руку кто-то отрубил. Швах.

— Сядь, сейчас жгут наложим.

Альт уже вколол Балеруну спек, наложил жгут и начал перебинтовывать тому обрубок.

Мимо пробежали трое детишек, лихорадочно обсуждая, что у них-де завелась дрессировщица мутантов, а потому в Подземелье проблем больше никогда-никогда не будет.

Альт слушал детскую болтовню, мотая на ус довольно-таки интересную информацию.

Связей у него здесь особо нет, значит будем выкручиваться подручными средствами.

Балерун сидел, полубессознательно уставившись куда-то вдаль. Спек вещь хоть в Подземелье и доступная, но достаточно дорогая. Потому Альт вколол Балеруну половину дозы. В принципе, он бы израсходовал все, но потом отчитываться перед Гипсом — тот еще геморрой.

Послышались шаги, точнее шлепки. Босыми ногами по камню. Совсем башкой тронулись, тряпок-обувки в Подземелье завалились и месиво, а они тут закалку по холодному полу устраивают.

Кто же это. Ага, героиня наших грез. Сама Фаечка, укротительница крокодилы Катеньки. Теперь у нее новый друг. Или подруга.

Объект 3009 шел рядом с Фаиной. Надобность в мимикрии отпала сама собой, и он решил показать свой истинный облик, не особо заботясь о чувствах окружающих.

Знатная зверюга. Фая, прилично забрызганная кровью, вела мутанта к трупохранилищу, но остановившись, взглянула на Балеруна с сочувствием.

— Как он?

— Откльгает, — Альт отвечал с неохотой. Самого же жгло любопытство, это зачем Фая своему другу не особо задумываясь отчекржила конечность?

Сейчас расскажет, бабы, они такие, как только теряешь интерес — сразу распишут всю подноготную.

Глава 17. Атомные вредители

Купается мужик в Припяти. К нему подходят местные.

— Слышь, ты что делаешь? Здесь радиация, подохнешь!

— Мне не страшно, я с Красноярска-26!

— Вали-ка отсюда, нашу речку не загрязняй.

Альт помог донести полубессознательного Балеруна в бокс к Фае, после чего ушел звать Тунгуса и Рыбника. Женщина же повела кормить объект 3009, порядком проголодавшийся от навалившихся на него приключений.

Мутант жадно заглатывал пищу, до этого приготовленную для Катеньки, Фая же сидела напротив, умильно глядя на очередную тварь. Какая же она заботливая. Даже рукой Балеруна вон пожертвовала.

3009 не обращал на женщину никакого внимания, полностью занятый поглощением питательной биомассы. Шло время.

Было вкусно настолько, что мутант не сразу понял, что насытился. Оторвавшись уже от второго пятидесятилитрового чана, объект 3009 посмотрел на женщину, которая сидела на полу и от скуки наматывала на палец темную прядь волос, задумчиво уставившись в обшарпанную стену.

Почувствовав взгляд мутанта, Фаина оторвалась от созерцания собственных невеселых мыслей. В конце концов, дети живы. И то хорошо. Покоя не давал тот факт, что неведомая зверюшка проникла в Подземелье непосредственно с ее подачи.

Она же и проворонила появление столь опасного хищника. Ничего, больше Фаина не позволит себе такой беспечности. Случись что с детьми, женщина бы себе этого не простила.

Один раз она уже сделала непоправимую ошибку. Вспомнив инцидент с «бараном», которого скормила Катеньке без особых раздумий. Поежилась. Некрасиво вышло.

Некоторое время спустя, окольными путями до нее дошла информация, что мужчина, закончивший свою жизнь далеко не мгновенно, действительно убил жену. Да, на глазах у ребенка. Вот только мотивы слетевшего с катушек «барана» были намного занимательнее.

Изначально обладающий нестабильной психикой человек банально увидел свою жену в объятиях любвеобильного Гипса. Так что Катерина расстаралась зря. Надо было съесть сразу, не особо издеваясь. Узнать краткую предысторию оказалось достаточно. Фаина ходила подавленной около недели. Возможно, несчастную убил не муж-психопат, а сам кваз. Парня аккуратно убрали, чтобы умолчать неприятный инцидент. Все может быть. В конце концов, сделанного не изменишь, машины времени в Стиксе, к сожалению, нет. Надо сделать выводы и идти дальше.

Теперь, вот, троих детей ненароком чуть не угробила. Да, Фаечка, будь внимательнее. Паранойя лишней не бывает, а наблюдательность и практицизм — твои сильные стороны.

Женщина отвлеклась от своих безрадостных мыслей, пристально взглянула на мутанта. Тот не маскировался, экономя силы. Их было немного, ведь заражение только начинало видоизменять организм, повышая выносливость и прочие показатели. Монстр был умен.

— Как тебя зовут?

Ноль реакции. Действительно, с чего бы земноводное знало человеческий язык?

Мутант напоминал огромную ящерицу, а вот с кожей была беда. И с инструментами

взаимодействия тоже. Монстр смотрел, не понимая смысла звуков, произносимых Фаей.

Мы пойдем другим путем.

Женщина представила в голове свой образ. Попробовала провести картинку через уже налаженный эмоциональный канал.

— Фаина.

Объект 3009 задумался.

— П-фаина, — мутант коверкал согласные. Голосовые связки были развиты плохо, но он старался. Получалось так себе, но разобрать реально.

Подборка образов действовала. Что ж, ее талант обрел новую грань.

Фаина бросила в тварь новым образом, постаравшись сформулировать вопросительный посыл.

Обратная связь обескуражила. На картинку окружающего пространства наложилась новая — свет ламп операционного стола, и лицо красивой рыжей девушки.

— Object three-zero-zero-nine.

— Не, дракоша, не подходит, — Фаина приобрела растерянно-задумчивое выражение лица. — Как же тебя назвать-то?

С фантазией на имена у женщины было совсем туго. Не терзая себя длительными изысканиями, она решила назвать мутанта Вовой. В честь своего бывшего мужа, который до недавнего времени сидел у нее на уровне печени, и которого так и не смогла бросить по причине «Я слишком много в тебя вложила». В конце концов, рука ее друга тоже даром не досталась.

— Вовкой будешь. — Фаечка послала образ.

Тварь кивнула. Окружающее пространство снова перекрыла картинка — стеклянная колба, которую по очереди подносили к каждой конечности зверя. Лапы расслабленные, с кончиков когтей в стекло льется голубовато-зеленая жидкость. Вновь стены Подземелья. Вовчик протянул переднюю лапу, несколько раз изобразив хватательные движения.

Фаина, у которой колбы под рукой не было, схватила со стола эмалированную кастрюлю. Мутант замотал головой. Протянул железистую руку. С кончика когтя упала капля сверхтекучей жидкости, которая прожгла толстостенную посудину насквозь, оставив на кафельном полу каверну приличной глубины.

Споры гриба, видоизменяя тело генномодифицированного уroda, превратили и без того эффективный яд в кислоту органического происхождения, обладающую прекрасной проникающей способностью.

Одри, создавая объект 3009, допустила небольшой промах — забыла добавить в композицию организма ген, отвечающий за выработку белка, блокирующего выделение опасной субстанции. Это выяснилось на этапе взросления особи. Излишки секрета удалялись из организма мутанта механическим способом, концентрируясь на кончиках когтей зверя.

Фая, послав образ, который означал словосочетание «жди здесь» — пулей вылетела в соседнее помещение, где хранилась никому не нужная стеклотара. Взяв трехлитровую банку с этикеткой «сок ежевичный», она вернулась, лелея надежду, что колба из виденной картинки состояла из обычного стекла.

Вовчик протянул лапу и блаженно вздохнул, сжеживая излишки яда.

Под конец этого сумасшедшего действия у Фаины в руках оказалось около полулитра кислоты, назначение которой придумать женщина так и не смогла. Отнесет Гипсу, пусть

думает. А пока пора сходить узнать, как там чувствует себя Балерун. Хоть его рука и послужила большой цели, Фая чувствовала себя виноватой.

Поманив монстра за собой, женщина с соком «ежевичным» в руках направилась к своему боксу.

Альта не было, на кровати рядом с раненым сидели два знахаря, о чем-то ожесточенно споря.

— Так делать нельзя — доказывал Тунгус новичку. — Я вообще не понимаю твоих принципов работы.

— Попробовать стоит.

Когда к помещению влетела Фаина, мужчины замолчали. Балерун по-прежнему лежал в полубессознательном состоянии — глаза открыты, дыхание ровное, казалось, он просто задумался и витает в облаках.

— Опустите больному веки, — Фая решила особо не церемониться, — у его потом глаза будут болеть. Тоже мне, эскулапы. О чем спор?

— Твой найденьш предлагает пришить нашему сенсу руку от трупа.

— Так в чем дело? Трупов у меня в морозилке много. — Женщина стояла в недоумении, толком не осознавая, в чем причина спора.

Тунгус буркнул:

— Так не делается.

Рыбник же выдал невообразимо-бессвязную тираду о каких-то нитях и энергетических каналах, которые вполне возможно успешно соединить, и совсем необоснованно растягивать период восстановления конечности на длительный срок.

— Так, — прервала монолог Ярослава Фая, — Я сейчас в морозилку за рукой, а ты, — она указала пальцем на Рыбника, — постарайся сделать все, что возможно. Тунгус, буду признательна, если проконтролируете и что-нибудь подскажете. Он новичок, ваше мудрое руководство незаменимо. — и удалилась, оставив мужчин озадаченно переглянуться. Да, зад лизать тоже нужно уметь.

Через несколько минут женщина ввалилась в бокс, таща запчасть для своего близкого друга.

— Попробуем, — Рыбник, перехватив конечность, положил ее рядом с телом. Нити сплелись моментально, сами находя себе подобные по принципу выполняемой функции. У трупов от живых имелось одно отличие — каналы были черными. Для начала связал крупные сосуды. Край мертвой плоти порозовел.

— Получается, теперь сидите молча и не мешайте. — Ярослав делал в воздухе причудливые пассы, плохо понятные Фаине. Если смотреть глазами, то рука, кусок за куском, срасталась с телом.

Балерун бормотал что-то невнятное.

— Еще спека лишним не будет.

Тунгус вынул из чемоданчика, принесенного с собой, шприц-тюбик. Вколол. Губы Балеруна резко покраснели, блаженно растягиваясь в глупой улыбке.

— Работы много, можете не стоять над душой.

Вовчик, как только ввалился в комнату Фаины, сразу впал в анабиоз, на автомате замаскировавшись под дверной косяк. Пусть его.

Женщина же, поняв, что ее ложе освободится нескоро, сходила на склад за новыми постельными принадлежностями, после чего обосновалась на полу, крепко заснув в течение

нескольких минут, несмотря на свет и шумное дыхание пыхтящего Тунгуса.

Глава поселка был властен и, что уж поделать, труслив. Людей с развитыми навыками, прекрасно подходящими для боевых операций, на постоянстве держалось около пятнадцати человек. Нужно ли говорить, что это были ЕГО гиены. О своей безопасности Гипс думал прежде всего. Группа «суперменов» не занималась физическим трудом. Пиковой нагрузкой их способностей было вовремя позавтракать, иногда сопровождать караван. Все. В обмен на верность гиены имели все, что только могли пожелать — лучших женщин, но, к сожалению, незанятых (кваз жестко расправлялся с нарушившими этот запрет — недовольство масс ему было совершенно не нужно) а так же спек в неумеренном количестве, приличный в своей сумме процент от бизнеса, который велся в различных стабах Улья, а еще — неприкосновенность. В общем, катались приближенные главы как сыр в масле.

Другие жители Подземелья отработывали теплые места в поте лица. Ни жемчуга, ни даже гороха им не выпадало. Зато живчика — хоть залейся. Главная «плюшка», ради которой вкалывал рабочий класс — это возможность получить белую жемчужину для своего народившегося уже здесь, ребенка. Не более двух на семью. И далеко не бесплатно. Шесть лет работы по сорок восемь часов в неделю — за вычетом времени, которое народ проводил в других кластерах. В заселенных стабах, где массы вынуждены были находиться некоторое время, без дела тоже никто не сидел.

Гипс виртуозно сводил дебет с кредитом, а потому почти в каждом посещаемом городе имел пару-тройку предприятий. Рабочие ездили не в отпуск, а лишь в командировку. Единственным звеном между неприкасаемыми и «быдлом» были знахари и два ментата — в их развитие вкладывалось достаточно ресурсов. Конечно, без перегибов — должно же быть в социальной лестнице нечто усредненное. Врачевателей в поселке имелось немного — вместе с Рыбником их насчитывалось всего пять человек.

Народ, как и везде, напрягало социальное расслоение, но никто не роптал, а если заявления и были, то навсегда оставались в пределах боксов узкого круга лиц. Особо неудобных устраняли гиены. В истории Подземелья массовых восстаний никогда возникало, и, стоит отметить, все прекрасно понимали, что ни одна революция ни до чего хорошего не доводила. Один тиран сменялся другим, более голодным. Так зачем сгонять насосавшегося комара, если он уже укусил и почти наелся?

Альту досталась интересная способность — пирокинетика. Вот только развить ее никто не дал. Пролетел он с местом дислокации. Ну что ж. И такое в жизни бывает. Что касалось его приятелей, Туман был нюхачом. Дар так себе, в условиях спокойной жизни Подземелья попросту неинтересен, только когда отправлялся товар, он прекрасно угадывал засады. И нос ему был ни к чему. Туман ощущал запахи всеми доступными чувствами — зрением, осязанием, слухом.

Фаечка приглянулась механизатору. Причем главную роль здесь сыграл как раз таки запах. Ласковое прикосновение, будто на коленях у тебя лежит теплый котенок, свернувшись калачиком, цвет благородно-синего приглушенного оттенка, на звук же аромат воспринимался неторопливым мелодичным перебором струн неведомого инструмента. Не гитара, и уж точно не балалайка. Вкус...Вы когда-нибудь пробовали идеальный шашлык? Вот он самый. В меру прожаренный и сочный.

Такой гармонии Туман еще ни разу нигде не встречал. А возможно, попросту не замечал, способность доставляла немало неудобств в обыденной жизни, и активировал он ее

редко. На Фаину же наткнулся из простого любопытства, по пьяни, когда происходила «прописка». На следующий день, протрезвев, Туман подобным образом прощупал несколько представительниц прекрасного пола. Ощущения незабываемые. Кто-то отдавал ледяным холодом, кто-то на вкус напоминал прокисшее пиво, а звук Ренаты, считавшейся первой незамужней красавицей Подземелья был похож на игру трехлетнего ребенка на скрипке.

Нашел. Дружба в нечто большее перерастать не хотела, несмотря на недвусмысленные намеки, а потому, Туман сам решил сделать первый шаг.

До места исходной позиции добрались быстро. А вот с продвижением вперед дело встало мертвым ступором. Атомиты оборудовали площадку на высоте в километре от ближайшего входа, и в полутора — от границы леса. Местоположение давало солидное преимущество — хорошо просматривались все окружающие заросли.

Наткнувшись на плотный огонь, защитники откатились назад и залегли, огрызаясь выстрелами.

Пулеметчик, занявший доминирующую позицию, не давал обороняющим покоя. Ни эмоционального, ни физического.

За полчаса до описываемых событий

Фая спала крепко, на кровати лежал Балерун, здесь же, на полу валялось истощенное тело Рыбника, без особых затей прикрытое пледом. Тунгус не парился по поводу комфорта знахаря. Влил тому в глотку живчика, укрыл и пошел по своим делам. Вот еще.

Все трое пребывали в состоянии полной отключки.

Объект 3009, он же Вовчик, выпал из анабиоза, шестым чувством ощущая приближающуюся опасность, выскользнул в дверной проем, не забыв прикрыть за собой.

Надо найти кого-нибудь из людей. Кто сможет с ним пообщаться. На Фаю надежды нет — спит беспробудным сном, вымотанная его приручением.

Время было раннее, и чтобы никого не напугать, Вовчик активировал механизм маскировки. Людей почти не встречалось. Чувство, что сюда идут зараженные, причем не с самыми миролюбивыми намерениями, не покидало мутанта. Всего по ходам Подземелья он встретил пять человек.

Не то, не то, все не то. Слишком опасны, не поймут, испугаются.

Шестой человеческой особью была девушка. Вовчик насторожился. Повезло.

Бритни быстро шла по коридору, направляясь куда-то по своим неотложным делам. Над ней, на потолке, притаился мутант. Перебирая стройными ножками, она споткнулась. Сверху что-то упало, мгновенно дезориентировав в пространстве. Когда понятие верха и низа все-таки устаканилось, Бритни с ужасом ощутила, что ее тело без излишних нежностей тянет чья-то когтистая лапа. В ближайшее помещение.

Она пригляделась. Положение тела не давало возможности хорошего обзора, на краем глаза блондинка увидела впереди только колеблющийся воздух, такое явление можно заметить при ионизации либо сильном нагреве. Больше аномалий в пространстве не наблюдалось.

Отчаянно отбиваясь, Бритни попыталась вырваться. Тщетно. Ее затащили в комнату, отбросив, словно легкую соломенную куклу к противоположному концу. Дверь захлопнулась.

Бритни, наконец-то ощутив, что ее никто не держит, подобрала ноги, забившись в дальний угол. О, ужас.

Ее всегда оберегали от опасностей, и потому, ступор, сковавший тело, стал единственной реакцией. Это происходило не с ней. Нет, не могло такого быть. В Подземелье безопасно, и это просто какой-то дурной сон.

На пороге помещения материализовалось нечто, смутно напоминающее ящерицу. Таких тварей она прежде не видела. Морда, величиной с полторы человеческие головы, повернулась к блондинке и ощерилась, показав длинные острые клыки.

Сердце мигрировало в район солнечного сплетения. Огромными от ужаса глазами Бритни наблюдала, как Вовчик лениво переступая каждой лапой по очереди, двигался в ее направлении. Кажется, она кричала.

Мир, прежде знакомый до последней трещинки в стене или полу, исчез. Перед глазами встала картинка большого отряда. И это были не люди. По развилке, которую Бритни узнала без труда (с караваном она ходила уже не раз), шли мутанты. Кто-то тащил на себе ДШК, у кого-то была СВД, некоторые несли минометы...

Видение рассеялось, и Бритни оказалась в той самой комнате, куда ее затащил мутант. Гулял сквозняк — дверь была открыта нараспашку, признаков присутствия твари не наблюдалось.

Девушка быстро поднялась на ноги и бегом помчалась в кабинет Гипса — благо тот уже не спал, занимаясь административными делами.

Вовчик, наблюдая за человеком, удовлетворенно сглотнул слюну, наполнившую рот вследствие слишком вкусного запаха женщины. Все поняла. Умница.

— Почему не пристреляны минометы?! — уродливое серое лицо Гипса взялось красными пятнами. Он был в ярости. — Налим, я тебя спрашиваю, ты что творишь?

Высокий парень худощавого телосложения бормотал что-то невнятное, незаметно пятясь к выходу.

— Что ты лопочешь? Ты совсем ничего не отдупляешь?

— Шеф, виноват. Но там эта...

— Что «эта»?! — Гипс сел, взяв в руки пустой лист бумаги. Принялся остервенело рвать на мелкие кусочки ни в чем не повинную продукцию переработки лесных ресурсов.

— Там же крокодила раньше жила, ну мы и думали...

— Думали, думали! Крокодила там уже два месяца как не живет, это каждая собака здесь знает! — заорал Гипс, попутно беря в свои ручищи второй лист. Его огромные лапищи, усеянные когтями, казались неуклюжими, но это была только видимость.

В кабинете главы поселка висело напряженное молчание, прерываемое звуками рвущейся бумаги.

— Значит так, — Гипс отодвинул в сторону небольшую белую кучку. Зачем, немного подумав, смахнул со стола в урну. — Сейчас ты берешь экипировку и идешь туда. Наворотил — твои проблемы. Не моя компетенция.

Налим развернулся и пошел к двери.

— Кабанчиком! — рявкнул Гипс.

Парень вышел и быстрым шагом направился на склад. Настроение было так себе. Где-то в глубине души притаился страх. Кваз жестоко расправлялся с теми, кто был ему неуютен. Нет человека — нет проблемы. И незаменимых, кстати, тоже нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

По дороге наткнулся на Альта. Налим, уставившись себе под ноги, постарался обойти бывшего спецназовца, но.

Факир был пьян и фокус не удался.

— Слышь, что у нас на поверхности твориться?

Воздух прошел жесткой волной, реагируя на колебания. Обдало застоялым запахом машинного масла. Налим вздрогнул, заслышав командирские нотки в голосе механизатора. Не к добру.

Оценив поникшее состояние защитника всяя Подземелья, Альт решил немного разрядить обстановку.

— Что, Гипс лютует? Не сможешь, чего хочу — на башку укорочу! Эхемммм.... - попытался пошутить спецназовец.

Неудачно, уж слишком эта гиена зубы сжала.

— Сука, как в воду глядит. — Налим раздраженно кивнул.

— Пошли на склад, чем смогу — помогу. — Альт развернулся и уверенно двинулся в сторону хранилища амуниции и боеприпасов. Налим с неохотой поплелся за ним.

Когда все закончится, его голова слетит первой. Он это понимал, а потому не видел особого смысла выслуживаться.

К черту все, жив будет — уйдет со следующим караваном, и останется в стабе на ПМЖ. Чего он, жадный ублюдок, ждал в Подземелье? Время сваливать обозначило себя появлением Фаины, потому что самая первая нестандартная ситуация зачастую влечет за собой последующие неприятности. Налим уже скопил солидный стартовый капитал, с голоду не помрет.

Собрав все необходимое, и даже больше, Альт кинул клич своим приятелям — мужики от армии в свое время не косили, а кое-кто даже отличился в боевых условиях. Хорошая команда. Надежная.

Туман был в их числе. Когда ему доходчиво объяснили, в чем причина переполоха, тот попросил несколько минут, чтобы смотаться по срочным делам. Зашел в бокс, который делил еще с четырьмя неженатыми соседями, достал из тумбы коробку конфет, приготовленную достаточно давно. Она коротала свой век почти месяц. Туман никак не мог решиться ее вручить. Будто останавливало что-то. Момент пришел. Пропускать не стоит. Обстоятельства обязывали сделать это именно сейчас.

Бегом заскочил в комнату к Фае, света из коридора было достаточно, чтобы оценить масштаб непонятной сцены — три тела, положения которых абсолютно между собой не вязались, спали беспробудным сном. Часы тикали, Туман положил коробку рядом с изголовьем импровизированной лежанки Фаины, включил ночник, и вынесся вон. Еще на склад, нужно успеть прибахлиться — не на прогулку собирается.

Альт, на месте оценив обстановку, некоторое время лежал за деревом, то и дело вытягивая шею и оглядываясь. Приметил гостеприимную ложбинку, куда почти не добивали очереди пулемета. Ловко бросившись по-пластунски в сторону, скатился в относительно безопасное место.

Спустя несколько минут там собралась довольно теплая компания.

Первым к Альту присоединился его приятель Гвоздь, затем по склону, густо усыпанному хвоей, съехал Туман, за ним — пара ребят, которых бывший спецназовец знал только в лицо. Последним на место встречи сполз Налим.

Чинуша, головой отвечающий за безопасность, был здесь, на первой линии. Оглушенный, растерянный, и близко никогда не нюхавший пороха. Здесь. В глазах плескался неподдельный страх, и даже это обстоятельство не провоцировало его притормозить или попросту отсидеться в тылу.

Туман, бросив на Налима изучающий взгляд, удовлетворенно кивнул Альту. А диванный генерал не трус, в глазах ужас — чепуха, кто и когда не испытывал такого в первом бою?

— Ну что, вляпались? — глухо проревел Альт.

Налим замер и настороженно прислушался. У него хватило ума не вступать в разговор бывших вояк, но этот вопрос его определенно интересовал.

Туман ухмыльнулся:

— Да нет. Сейчас артиллерия поможет.

Налим, растерянно посмотрел на окружающих.

— Не пристреляна.

В этот момент в отдалении загрохотало. Туман нервно вздрогнул.

Альт с довольным видом произнес:

— Ну все, этим обезьянам — крышка.

— Нет, — Туман заинтересованно что-то разглядывал в бинокль, — Косячит. Кто наблюдатель?

Окружающие в недоумении посмотрели друг на друга. Тут поблизости шарахнуло так, что всех подбросило.

Руки Налима рефлекторно дернулись к ушам, но он удержался и бросил короткий взгляд на сидящих кружком мужиков — не видел ли кто? Однако даже Гвоздь сделал вид, что ничего не заметил.

Альт досадливо поморщился: залп РСЗО почти никак не отразился на частоте, с которой пулеметы шерстили округу. Похоже, «Солнцепеки» обрабатывали совсем другие цели. Им-то от этого какая выгода? Впрочем, может оно и к лучшему. Если крылатый подарок прилетит на несколько сот метров ближе к ним, то многим из окружающих не поздоровится. Целее будут.

Впрочем, как выяснилось, совсем без поддержки их не оставили. Спустя минуту со стороны леса, в котором располагалось три хорошо защищенных выхода, донеслись завывания минометов. Туман расплылся в довольной улыбке. Вот это уже лучше.

Следующие несколько сотен метров защитники преодолели довольно легко. После подавления пулеметов обороняющие сбили несколько десятков атомитов, занимающих почти необорудованные позиции. Двинулись вперед под аккомпанемент залпов «солнцепеков»... чтобы через некоторое расстояние наткнуться на уже укрепленный опорный пункт зараженных.

Фаина проснулась. За ночь тело затекло, движение какой-либо частью давалось с великим трудом. Сегодня инквизитор использовал деревянные колодки. И отрезал уши. Фак.

Застонав, она перевернулась на спину, открыла глаза изучая потолок. Мешали волосы, черной паутиной закрывающие обзор. Сделав над собой усилие, Фая подняла руку, освободившись от густой соломы, облепившей в радиусе полуметра все и вся. Так-то лучше.

Ну что там опять случилось? Кого спасти?

Не чувствую... Не могу нащупать.

Вова, заметив более активные движения новой подруги, слез со стены, и ткнулся

неприятно-теплым желеистым носом в щеку женщины.

— Вовчик, отвянь, тяжело мне.

Первые очереди облученной твари, ловко орудующей ДШК, прозвучали внезапно. Шедших впереди «профессионалов» по обороне Подземелья будто корова языком слизнула. Альт и Туман успели рухнуть на землю и торопливо отползти в сторону, пока мясорубка советского производства, установленная в умело оборудованном скальном доте, поливала огнем залегших людей.

— Вот черт, — выругался Гвоздь, оглядывая место побоища, — Тора зацепила. Хреновы мутанты, ловко, мля, ДШК поставили. Не подобраться и минометами не накрыть.

Альт никак не ответил на тираду приятеля. А что тут скажешь — все как на ладони. Пулемет можно достать только прямой наводкой. Но когда еще сюда дотащат на руках через лес, покрытый буераками и колдобинами, хоть какое-нибудь орудие??!

Стало быть, они тут застряли надолго.

Туман поднес оптику к глазам. На первый взгляд, к пулемету было не подобраться. Левый фланг позиции примыкал вплотную к скале, по центру и справа были открытые, полностью простреливаемые сектора. Шансов нет. Неверно. Шанс есть всегда.

Внимательно присмотрелся к скале. А если забраться туда? Это отсюда никакой возможности подавить мясорубку проклятых атомитов нет. Этот дот был их территорией, и тыл Туман знал прекрасно. Как раз в проход можно зашвырнуть заряд помощнее, чтоб рвануло от души. Если даже и не уничтожить, то оглушить — народ сможет подобраться поближе и забросить в амбразуру гранату. Да, определенно стоит попробовать.

Туман лежал за стволом молодого кедра, срезанным под корень близким разрывом, и смотрел в бинокль на вражеские позиции. Перекрывая грохот крупнокалиберной мясорубки, он заревел.

— Альт, давай сюда!

Бывший спецназовец замер, ожидая момента, когда атомит, управляющийся с ДШК даст перерыв на перезарядку.

— Че тебе?

— Альт, ты, мля, видишь, что творят эти обезьяны?

— Не слепой. Надо давить.

— А теперь слушай внимательно.

Приготовления к подъему на скалу закончили быстро. Время не ждало. Защитники уперлись в проклятую пулеметную точку как в пробку. И пока Туман не разберется с этим гениальным продуктом советской военной инженерии, двигаться куда-то вперед и думать нечего.

— Побежали, — коротко приказал он, когда вся группа из тщательно подобранных бойцов выстроилась у подножия скалы. Удовлетворенно кивнул: нигде ничего не съезжало и не цеплялось. — Ну, вперед! Роскошный вид на окрестности гарантирую.

Первым в связке пошел Дуб, за ним двинулся Бура, кряжистый чеченец. За ним шел сам Туман. Замыкал связку Саныч, белобрысый здоровый детина с пудовыми кулаками и носом, как у североамериканского грифа.

Первую треть подъема они преодолели буквально за пять минут, а вот затем начались проблемы. Где-то на последней четверти путь вверх перекрывал небольшой карниз.

Вероятно, опытные альпинисты с необходимым снаряжением взяли бы его в два счета, но с оснащением на данный момент была полная задница.

Так что с карнизом шедший первым Дуб проваландался около получаса, дважды чуть не сорвавшись. Дальше дело снова пошло на лад, и все было хорошо, до того момента, пока Бура не дернулся и едва не свалился на голову Туману, как мешок повиснув на веревке, которую держал уже забравшийся на самый верх Дуб.

— Бура, что с тобой?

— Подстрелили, — глухо отозвался чеченец.

Дуб присвистнул.

— Залезть сможешь?

— Смогу, — пропыхтел Бура, зажимая ладонью рану в плече. — Тут уже легко.

Но, видно у судьбы на его счет были совсем другие планы, а именно — окончить свои дни на этой скале. Потому что, когда Бура, еле слышно постанывая, снова начал карабкаться наверх, Туман услышал еще один шлепок, и тело горца окончательно обмякло. На макушку капнуло чем-то мокрым и горячим.

— Туман, я его долго не удержу, — через некоторое время послышался сверху голос Дуба.

Надо что-то делать. Он поднялся к труп, как следует ухватился и обрезал связывающий трос. Туман клял себя за глупую идею, которая заставила его оказаться здесь, на скале. Какого черта он полез? Нет бы сидеть спокойно, пока не подтянется поддержка — ребята с пушками и огнеметчики.

— Поосторожней там, — снова раздался голос Дуба, — Похоже Буру снайпер достал.

До вершины Туман добрался совершенно без сил. Потому что прежде чем отрезать труп, он, висящий на одной руке, умудрился стянуть с солдата вещмешок со взрывчаткой. Атомный снайпер несколько раз пытался отправить его вслед за горцем. Дважды пули щелкали о скалу, а раза три впились в мертвое и безразличное ко всему тело. К счастью, патрон был маломощным, откуда зараженным взять хорошее вооружение? Так что достать Тумана сквозь мешавший ему труп стрелок не сумел.

— И чего ты возился с этим мешком? — брюзжал Дуб, торопливо подтягивая Саныча.

— Мне нужно достать ДШК, а я пока не знаю, сколько взрывчатки на это понадобится.

Дуб хмыкнул, и рывком вытянул на верхушку скалы мощную тушу Саныча.

Тот радостно осклабился, но тут же его лицо исказила страдальческая гримаса, и он взвыл.

— А-а-а, твою же маму!

Туман сначала недоуменно уставился на приятеля, который вцепился в собственную ляжку. В самой верхней ее части, как раз там, где ноги теряют свое благородное название, затесалось аккуратное отверстие. Затем заржал как конь.

— Саныч, да тебе прилетел прощальный привет, — отсмеиваясь, Туман доставал перевязочный пакет, — В такое место! Поздравляю.

Управился.

— Ладно, побалагурили и будет. Давайте сюда взрывчатку, пора заняться тем, ради чего мы последнее время изображали из себя горных козлов.

Заряд Туман собрал быстро, осторожно подполз к краю скалы. Заглянул вниз. После чего витиевато выругался. К небольшому скальному козырьку, прикрывавшему дот с этой стороны, вела изрядно протоптанная тропа, являвшаяся продолжением той, по которой

обороняющиеся поднялись к перевалу. Вот только с этого ракурса она резко сбегала вниз. Такого нюанса Туман не помнил. Так что если он швырнет заряд, то, прежде чем тот скатится, успеет укатиться далеко от дота. А значит, расчету пулемета не будет причинено никакого вреда.

— Что там, Туман? — насторожился Дуб.

— Херов склон, — мрачно отозвался тот, — ничего не получится — заряд скатится.

— И что делать?

— Пока ничего. Скину вниз записку на веревке, — Туман пожалел, что впопыхах совсем забыл о радиосвязи. — Пожелаю атомитам крепкого здоровья и благополучия.

Однако первый заряд был скинут. Он все равно скатился и рванул в пятидесяти метрах от скального уступа... А вот к группе активистов-скалолазов вследствие неудачной попытки было привлечено внимание едва ли не трех десятков зараженных, до сих пор предпочитавших стрелять в сторону залегших обороняющихся.

— И что теперь? — поинтересовался Саныч, прижимаясь к верхушке скалы и жмурясь от мелкой пыли, вышибаемой вонзающимися в камень пулями.

— Не знаю, думать надо, — зло ощерился Туман. В этот момент вернулся Дуб, залегший за мелким гранитным пальцем у дальнего от атомитов края скальной верхушки.

— Минометы, — на грани слышимости сказал он, побледнев. Потом заорал во весь голос. — Минометы!

Туман и Саныч переглянулись.

— По нашим бьют.

Туман молча кивнул. Защитники растянулись вдоль широкой тропы, идущей по склону горы. И деваться с нее было некуда. Так что как только атомиты пристреляются, смерть начнет собирать среди жителей поселка, вышедших навстречу вредителям, обильную жатву.

Туман несколько мгновений молча размышлял, отчаянно морща лоб, затем развернулся и начал лихорадочно связывать очередной заряд. Дуб так же молча смотрел на него.

— Веревку, — бросил он, вешая подготовленный сюрприз себе на руку петлей.

— Ты что задумал?

— Спустишь меня вниз, а уж оттуда сумею зашвырнуть им подарок прямо в глотку.

— Е@нулся?! — тебя пристрелят, едва ты высунешься за обрез!

— Не пристрелят. Не видишь — перестали. Думают, мы здесь забились и будем сидеть тихо. Проскочу. А вот если народ и дальше будет торчать на этой тропе, атомиты положат как минимум половину.

Дуб некоторое время, не отрываясь, смотрел на Тумана, потом вдруг вскинул руки и потянул через голову куртку.

— Это че? — удивился Туман, увидев как тот тесаком отхватил от нее оба рукава.

— Ладони обмотаешь.

Несмотря на намотанное на руки тряпье, у самой земли Туман выпустил веревку, довольно чувствительно приложившись о землю ступнями. Потому что в конце спуска ладони жгло так, что он едва не взвыл. Тем не менее, он стоял на земле, цел и невредим. А прямо перед ним зиял проход, в котором виднелись согнутые спины пулеметчиков. Туман радостно оскалился и сорвал с руки заряд. Размахнулся, скосил глаза. Прямо к нему неся зараженный, выставив перед собой нож длиной с половину руки взрослого человека. Он был близко, очень близко, так, что Туман мог сделать что-то одно — или отскочить в сторону,

или швырнуть заряд. И он, нагло ухмыльнувшись в перекошенную морду твари, с выдохом метнул подарок в узкий зев хода сообщения дота.

— Адьес, ублюдки.

Глава 18. Жерминаль по Стиксу

Любого человека можно сделать счастливым. Просто следует тщательно и вдумчиво подобрать наркотики.

— Вовчик, кому сказала отвянь.

Дар метался, не находя целей. Далеко? Наверное так.

Отвлечься. Понимание придет само. Не мучай себя, дорогая.

Мутант отошел и стал суетиться, стоя на одном месте, дергая лапами и мотая страшной башкой, противно скребя когтями по полу. Красавчик, че. Стоп.

Вокруг творятся странные вещи. В глаза бросилась яркая коробка конфет. «Родные просторы». Мммм... Мои любимые. Ну да это потом. Как там друг болезный?

Аккуратно, чтобы не задеть, Фая переступила тело Рыбника и посмотрела на Балеруна. Тот спал, произнося во сне скороговорки — губы быстро двигались, произнося беззвучные выражения. Еще не отпустило. Надо как-нибудь попробовать спек. Потом.

Вовчик все так же топтался, изображая брачный танец игуаны.

Ну, что тебе?

Сознание накрыла картинка.

Фая, развернувшись, бросилась вон из комнаты.

— Гипс! — она залетела в кабинет. Кваз сидел в кресле, обхватив голову руками.

— Что? Ты проворонила, мы уже отбиваемся.

— Они сейчас зайдут с тыла. — Фая была готова к тому, что Гипс выгонит ее взащей, не забыв наорать и поставить пару синяков.

— Ты серьезно?

— Да.

— Как же вы все меня бесите, — взревел он, встав с кресла и перевернув безучастную мебель вверх тормашками.

— Спасибо, — коротко бросил кваз, исчезнув в длинных кишках коридора.

Фая минуту постояв в недоумении, развернулась и спокойным шагом пошла к себе.

— Вовчик, тебе прогуляться не хочется? — там намечается знатный обед.

Тварь замотала головой.

— Сиди голодный, а мне пора работать.

Фая ушла в душ, чтобы хоть немного прийти в себя. На картинке мутантов было много. Значит, без потерь не обойдется.

Освежившись, женщина, одеваясь, еще раз бросила взгляд на вчерашнего потерпевшего. Рука почти приросла, только выглядела она странно. По меньшей мере, необычно. Фая прекрасно помнила, что приносила человеческую конечность. А что это?! Вроде рука, как рука, только ногти, по массивности больше похожие на копыта, да гипертрофированные вены бордового цвета, в общую панораму не вписываются. Ладно, она не знахарь, Тунгусу нужно передать, пусть посмотрит, Рыбник придет в себя нескоро.

Фая, бросив коробку конфет в прикроватную тумбу, быстро зашагала в столовую.

Помощницы уже трудились в поте лица — Фая опоздала аж на десять минут, но все нужные ингредиенты были подготовлены.

— Спасибо, девочки.

При появлении Фаины кухрабочие смолкли, пристально уставившись на женщину.

— Что не так?

— На сколько человек сегодня готовим? — тихо произнесла Рената.

— На всех.

— Так сегодня...

— Я знаю, готовим на всех. — Фая старалась вселить в девушек уверенность и оптимизм, но получалось плохо. У кого-то на поверхности останется муж, у кого-то просто друг. В маленьком поселке чужих нет.

Фаина, немного обмозговав происходящее, придумала наилучший выход из ситуации.

— Значит так. Все в часовню, через сорок пять минут жду накрывать на столы.

Девушки, подскочив, убежали. Как из пыточной камеры. Ну пусть их, переживают ведь.

Фая тоже не находила себе места. Балерун был здесь, Туман наверняка в стороне не остался, побежал воевать.

Чтобы не дать себе нагадить в пищу, которую готовит, Фаина не придумала ничего лучше, чем повторить более 30 четверостиший на санскрите. «Нрисимха — кавача». А вдруг поможет.

Когда женщина говорит вам, что она атеистка, не верьте. Лжет. Глубоко в душе у каждой спрятана молитва. На всякий случай. А случаи, как известно, бывают разные.

Фая, на автомате меняла лопатки на вилки, вилки на ножи и так далее по кругу, очередной раз создавая из группы разрозненных продуктов нечто съедобное.

Мозг же был занят чтением мантры.

— Фая, ты что несешь?! Что за тарабарщина?!

В столовую впорхнула как всегда жизнерадостная Бритни. Видимо, печали, происходящие на поверхности, ее ни одной гранью не касались.

— Помолчи. — Фая завершила последние два четверостишия.

Господи, я сделала все, что смогла.

— Слушаю, — не поднимая тревожного взгляда от плиты, процедила женщина.

— Гипс сказал, ты очередного крокодила в поселок притащила, — девушка была подчеркнута бесцеремонна. Ни обеспокоенных фраз о том, что с поверхности вернутся не все, ни банального приветствия. Интересно, что происходит в ее голове.

Фая по себе знала, что в каждом человеке сидит второй, сущность которого далека от идеала социально адекватной личности. И знакомить окружающих с ним нужно постепенно. Что уж говорить, в Фаине также притаилась еще одна мадам. Та, что помнит все обиды, подлая, злопамятная и кровожадная. А еще совершенно отрешенная от чужих проблем и страданий. Эгоцентричная Фаина. Такой ее не знали, ни здесь, ни на Земле.

Хуже всего, что эта сущность после попадания в Стикс, перла наружу, как замерзшая вода, которая своим давлением способна разрушить удерживающие ее емкости. Фая была уверена, что если иметь хорошую теплоизоляцию, то жидкость не замерзнет, но раздражители в поселке были знатные. Она, как могла, старалась удержать себя в образе ласковой и пушистой зай, иногда при сильном накале прокусывая губы, чтобы случайно не сорваться. Отрывалась женщина, кромсая топором трупы. Немного помогало. Все же успех.

В голову пришла гениальная идея. Кажется, Бритни хочет поболтать? Вот мы сейчас и снизим внутреннее давление.

— Да.

— Он меня до зеленых чертей напугал.

— Вовчик, он такой... Красавчик.

Бритни, кажется, насмешки не поняла.

— Ты нас познакомишь? У него такой... странный способ общения.

— Обязательно, Это все, что ты хотела узнать?

— Нет, — она замялась.

Вали отсюда. Что ты тут трешься. Не зли. Уйди с глаз.

— Бритни, золотко, у тебя очень личный вопрос? — елеиным голосом ответила Фаина, на автомате продолжая играть в фокусника кухонными приборами.

— Я давно хотела спросить. Насчет. эммм... супружеского долга..

— Что-о?! — женщина была немного ошарашена. Неужели Бритни все знает, и продолжает спокойно с ней общаться?

— Фая, понимаешь... Мы с Гипсом уже давно не спим вместе.

— Это почему еще?

— Ну не привлекает он меня как мужчина. Такой уродливый, страшный, воняет от него постоянно.

— Какого хера ты тогда замуж выходила. — Фаина немного успокоилась. Не знает Бритни ничего, даже мысли такой в голову не приходит. И слава богу. Спроси блондинка в лоб: спишь с Гипсом? — вывернуть ситуацию себе в пользу будет трудновыполнимо.

— Фая, ты не знаешь, как у нас сюда девочки попадают?

— Выкупают их у караванщиков.

— А меня Гипс из борделя на руках вынес.

— Мне это знать необязательно.

— В поселке ЭТО знают все, — Бритни всхлипнула. — А я, я... я уже не могу. Я хочу нормальной жизни, Гипс сказал, если я уйду, он меня найдет, и будет делать со мной страшные вещи, — слезы, как и несвязные обрывки фраз, лились потоком.

— Хватит. Тебе нравится эта ситуация?

— Нееееет, — промычала Бритни, захлебываясь.

Фая подошла к раковине, набрала стакан холодной воды. Приблизилась. Выплеснула девушке в лицо. Та, не ожидая такого подвоха, прекратила рыдать, лоя ртом пропитанный вкусными ароматами воздух.

Ничего, сейчас придет в себя.

— Полегчало?

— А можно было просто дать мне попить? — обиженно, все еще всхлипывая на полуслове, заметила девушка.

— Нет.

— Все-таки, ты, Фая, очень грубая и злая. Вот Гипс всегда прав.

— Ага, — женщина, слушая бессмысленные упреки, выключала конфорки.

— Пошли, сейчас девочки накрывать придут. Ты хочешь рыдать у всех на глазах?

Они закрылись в подсобке. Фаина достала пачку сигарет со стеллажа. Закурила.

Забывая на 30 лет привычка бумерангом вернулась несколько дней назад. Ну да, опять начала баловаться сигаретами. Зависимость, кстати говоря, уже не та, что в молодости. И схватить рак легких — вероятность нулевая.

После очередного изматывающего нервы выверта Гипса руки сами собой потянулись к успокаивающему никотину. Благо, в поселке за это никто не наказывал. Только в переходах по кластерам, уж будь добр, держи себя в руках.

Стены завибрировали. С момента пробуждения Фая отметила некоторую

периодичность. А вот Бритни вздрогнула. Оторвав взгляд от своих лаково-бежевых лодочек, протянула руку.

— Дай.

Фая уступила сигарету. Новую зажигать не торопилась. Курить — вредно. Успеет еще.

Затянувшись, Бритни наконец собрала свои мысли в более-менее оформленную кучу.

— Я не знаю что делать, Фая. Ты уже жизнь прожила, а мне всего двадцать. Помогите.

Жалости не было. Вместо нее клокотала злоба, грозящая вывернуться раскаленной лавой на маленькую эгоцентричную голову собеседницы. Воистину все беды от женщин.

— Давай сначала. Когда ты стала отказывать ему в близости?

— С полгода назад. Он нагрубил мне, и Рената посоветовала...

— Это которая у меня в кухрабочих бегаёт?

— Да. Она посоветовала бойкотировать его в постели. Ну у меня на следующую ночь заболела голова.

Эпическая дура. Сказочная. Это ж надо додуматься послушать бредни глупой мечтательницы, которая замужем и дня не была. Да и еще придумать отговорку, просто фантастически не вяжущуюся с реальностью. Для приличия можно было мышцу потянуть. На йоге, например. Гипс тоже не идиот, понял, что борщ скис. И пошел в ресторан. Значит, кого вешаем? Правильно, Ренату.

— Бритни, я искренне не понимаю, как больная голова может помешать раздвинуть ноги.

— Да ты вообще них@я не понимаешь, — блондинка завизжала, плавно переходя на ультразвук и неся полную околесицу, которую без поллитра не разобрать.

— Не ори, кишки застудишь. И тон сбавь, пожалуйста. — стальной шелест голоса Фаечки нареканий под собой не предполагал — До меня уже давно дошла суть твоих воплей. Ты, отчего-то решив, что твои обиды самые тяжкие на свете, перестала удовлетворять своего уroda. Хотя еще недавно радовалась, что являешься женой олигарха. Поправь меня, если что-то не так. Молчишь? И правильно делаешь. Когда до Гипса доперло, что птичка для него больше не поет, вместо того, чтобы напоить ее сладким нектаром, он просто стал без разбору трахать чужих жен. Верно?

Бритни трясло. Если бы не дымящийся окурочок в ее руке, наверняка Фаина схлопотала бы как минимум пощечину. Или клок выдранных с мясом волос. Ничего. Пусть понервничает. А потом подумает.

Женщина поднялась, окинув пристальным взглядом опущенную голову собеседницы. Та так и застыла, уставившись в одну точку.

— По полкам я все разложила, а ты посиди, обмозгуй хорошенько.

— Я просила тебя помочь, — тихим голосом отозвалась Бритни.

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Что надумаешь дельное — приходи, помогу по мере возможности.

С этими словами женщина удалилась. Сейчас вправлять мозги Бритни бессмысленно. Как там девчонки, накрыли? Пора проведать свою безраздельную вотчину. Зашагала по коридору, остановилась.

Канат, держащий ее в состоянии напряжения, лопнул, срезанный острым лезвием.

Тумана больше нет. По крайней мере, здесь. Пуповина, прежде никак не ощущаемая, змеилась по полу уродливым отростком.

Вот и все.

Раненых понесли минут через пятнадцать. Фаина, до этого сидевшая в столовой, все-таки надеющаяся увидеть Тумана целым и невредимым, пошла будить Рыбника. У знахарей сегодня аврал. Нужно будет забежать в лазарет, помощь лишней не будет.

Гипс сидел у себя в кабинете, обхватив голову руками. Дверь закрыта на замок. Сейчас ему нужно одиночество. И хорошенько все обдумать.

Потери в масштабах поселка были страшными. Сорок семь человек убитыми, чуть больше — ранеными. Как с таким объемом справится пяток знахарей — неизвестно. Благо обезболивающего было вагон и маленькая тележка. Хватит всем.

Личная охрана. Пятнадцать человек, прекрасно подготовленных, с развитыми способностями, потеряли свой функционал. В живых остались только двое, и те еще неизвестно, когда на ноги встанут. Гипс беззвучно выругался. Больше всего хотелось уйти из этой реальности в условия помягче. Нельзя.

Он огляделся, встал, скрипя гипертрофированными суставами. Открыл сейф. Достал из небольшого непрозрачного контейнера пять красных кругляшей. Душила жаба, но ситуация обязывает.

Вышел, не забыв закрыть свой кабинет на замок.

В лазарете царила специфическая атмосфера. Женщины поселка сидели рядом с близкими, сочувственно ахая и пытаясь утешать. Раненные были немногословны. Кто-то, к кому никто не подошел, полусидели — полулежали на койках, стиснув зубы, ожидая, когда до них дойдет очередь, чтобы получить обезболивающее. Знахари кружили, в основном, над тяжелыми больными.

Фая, переступив порог медблока, сначала засомневалась, туда ли она попала. Огромный зал, с забрызганным кровью полом, и заставленный койками, больницу не напоминал совершенно. Базар. Гомон десятков голосов мешал сосредоточиться.

Фаина отыскивала глазами Рыбника. Определив направление, женщина двинулась к приятелю.

— Выгони их отсюда.

— Не я здесь главный.

— Минуточку внимания, — Фая повысила голос настолько, что гул голосов находящихся в лазарете людей слился незначительным фоновым шумом. — новостями обменяетесь позже. Всех посторонних прошу покинуть помещение.

— Сволочь.

— Коза.

— Тварь.

Бабы, оторванные от своих мужей в выражениях не стеснялись. Но просьбу выполнили. Через минуту в помещении остались лишь знахари и Фаина. Тунгус, закончив с тяжелораненым подошел, утирая пот со лба.

— Спасибо. Их трескотня мешала мне сосредоточиться.

— Мог бы сделать это и раньше. Помощь нужна?

— Ты же не знахарь.

— Чтобы вколоть обезболивающее много ума не надо.

— Тогда добро пожаловать. Там, — Тунгус махнул рукой в сторону шкафа с медикаментами. Найдешь все, что надо. В маркировке разбираешься?

— Да. И в дозировку тоже могу высчитать.

— Вот и отлично, — знахарь повернулся к очередному пациенту. — Что у тебя, Валет?

Фаина летала доброй феей. Сначала обезболивая, с этим делом она управилась в течении получаса. Потом — зашивая раны легкой степени сложности. Всю работу, которая требовала более-менее квалифицированной помощи, она оставляла профессионалам.

Пришлось позвать еще около десятка добровольцев — вытаскивать пули и осколки одному человеку сложно, без ассистентов здесь как без рук.

Через час кропотливой и упорной работы организм настойчиво запросил никотина. Фая, злясь на себя, опять позволяет привычке помыкать собой, вышла, столкнувшись в дверях с Гипсом.

Обойдя кваза, она направилась в подсобку. Там мешать никому не будет. Да и пора опять приступать к своим прямым обязанностям. Обед должен быть на столах вовремя.

Управившись со своими делами, Фаина заглянула в лазарет.

— Народ, мне работать пора.

Один из врачей подал голос:

— Приходи как освободишься.

Все-таки больница — место безрадостное. Какого бы веселого и теплого цвета не были стены и потолок, все равно женщина чувствовала себя там не в своей бульоннице. Кишки коридоров сообщались небольшой перемычкой, но ощущения отличались разительно. Вдохнув свежего воздуха, которого так не хватало, Фая поплелась в столовую.

Помощницы встретили злобными взглядами. Одной Ренате было фиолетово. Цветовой пофигизм лучился словно содержимое ядерного реактора. Девушка, погрузившись в себя, чистила картофель. Острый нож привычно скользил, снимая тонким слоем желтую кожуру.

— Вы что это на меня смотрите, как на врага народа? — Фаина решила напасть первой. Так надо. Ибо нехчего. Пусть раз и навсегда усвоят, кто здесь альфа-баба.

— Ты нас выгнала.

— И что теперь?

— Мы должны быть там.

— В операционную родственников не пускают. Забыли правила? Или ты, Ирма, хочешь, чтобы Тунгус твоему мужу вместо руки щупальце пришил?! И все из-за твоей неумной болтовни. Уткнулись в заготовки, потом свободны на полчаса для посещений. Все.

Куриный бульон давно стоял на плите. Фая, проверив, прозрачность, удовлетворенно кивнула сама себе.

У порога кто-то неуверенно кашлянул. Девушки повернули головы. Рыбник.

— Всех перешли?

— Я пустой. Пожрать дай.

Фаина на автомате выложила в большую тарелку остатки завтрака, поставила в микроволновку подогреть.

Ирма было открыла рот, чтобы что-то спросить.

— Заткнись, не видишь, устал человек, — женщина захлопнула челюсть, не успев произнести ни звука.

— Потом, Ирма, все потом. Никто не умер. Твоему уроду я лично колола спек. Он сейчас спит. Подойдет очередь — его подлатают.

— Ты не могла сразу сказать?! — та взбесилась. Ну еще бы.

— Не возникай. Сказали — все хорошо — будь довольна.

Столовая погрузилась в молчание, нарушаемое лишь позвякиванием стальных кухпринадлежностей.

Тринькнул звонок микроволновки.

— Тебе в столовую или здесь посидишь?

— Здесь. — Рыбник, не вставая с табуретки, протянул руку к тарелке.

— Может, живчика сначала?

— Не хочу портить аппетит, — он, обжигаясь, запихивал в рот первую ложку.

Фаина строго соблюдала «правило пятнадцати минут». Это была скорее всего привычка, чем обязательный пункт ее биографии. А потому просто решила заняться своими обязанностями, чтобы не тратить попусту время, умиляясь аппетиту совсем чужого мужика.

Рыбник блаженно пережевывал манную кашу с яблоками. Рядом, на столе, стояла тарелка с приличным куском яблочного пирога.

После приема красной жемчужины Рыбник не находил себе места. Так или иначе — развитый дар — это хорошо, а вот становиться квазом не хотелось совершенно. Что поделаться. Дали — ешь, не выпендривайся. И поблагодарить не забудь, ведь ты еще, по сути, ничего не отработал.

Мысли были невеселые, и помощницы Фаины, в отличие от своей начальницы, жизнелюбием на данный момент не отличались.

Одна из девушек, закончив работу, побросала в раковину посуду, затем торопливо удалилась. Другие проводили ее завистливыми взглядами, после чего усерднее заработали кухинвентарем.

Завыл комбайн, перемалывая не очень аппетитную на вид овощную смесь.

В поселке кормили хорошо, а главное — от пуза. Народ был доволен — с приходом Фаины совковские порции и пресность из пищи исчезли бесследно.

Гипс, правда, как всегда был недоволен, мол, теперь список и количество продуктов увеличились, ну так рабочий класс тоже любит морепродукты, не тушенкой единой. Этому хаму только дай повод. Верим, помним, скорбим, бюджет не резиновый, да. Рыбник свидетелем той разборки не был, зато народ рассказал все в подробностях. Гиенам пришлось потесниться своим складом элитных харчей, как только Фаина шепнула на ухо главе поселка какую-то фразу, до сих пор оставшейся страшной тайной. Кваз, побледневши, выпучил глаза, и со злобой в голосе согласился на новый порядок. Правда, с тех пор покоя заведующей «всея харчами» не давал. Рыбник подозревал, что тогда Фая пустила в ход банальный шантаж. Их дело, Ярослав по натуре своей был человеком миролюбивым, и следовал принципу «третьей собаки». По жизни это никогда не подводило.

Девушки удалилась одна за другой, остервенело заканчивая работу и спеша по своим делам. Настроение Фаины было опознать трудно. На губах вроде как полуулыбка, а глаза непроницаемые. Равнодушные.

Как только Рыбник задался целью спросить у женщину про ее тонкую душевную организацию, слова сразу же стали бессмысленными. Наружу вылезла аура. Страшная. У основания глубокого черного цвета с ажурно вплетающимися концами в светло-серый обод. Черная масса лихорадочно пульсировала, пытаясь пробраться наружу, но дело ограничивалось лишь этим. По крайней мере, на вид.

Будто почувствовав изучающий взгляд Рыбника, Фая повернулась.

— Ты что-то хотел?

— Живчика.

— На столе термос, — большие карие глаза смотрели пристально, Ярослав даже на

мгновение подумал, что женщина его читает. Лениво, незаинтересованно, словно много раз слышанную детскую сказку. Стало неуютно.

— Ага, спасибо.

Рыбник быстро потянулся к теплоизолированной фляге. Это было его спасение. Фаина, уловив, что знахарю от нее больше ничего не нужно, обратно развернулась к своим любимым кастрюлям.

Ярослав осторожно, исподтишка, разглядывал ее, подспудно ощущая, что переступает границу негласного запрета. Но ведь это так интересно...некоторые правила для того и существуют, чтобы их нарушать. В районе, где по идее располагается сердце, плясали маленькие разноцветные шарики эмоций. И один большой, заметно крупнее других кругляш, по цвету напоминающий хром. Что это еще такое.

И тут накрыло. Тяжелой железобетонной плитой, безжалостно давя и размазывая ошметки по надраенному полу. Вай. Показалось. Ну тебя, Фаечка, живи ты со своей мясорубкой сама. Рыбник понял, что столь яркими ощущениями его накрыл как раз-таки этот хромированный шарик, безобидно торчавший где-то в глубине сердца женщины. Все. Чужих тараканов разгребать — себе дороже.

Но тут стало совсем интересно. Фаина, аккуратно добавляя специи в блюдо, трясла рукой. Параллельно с измельченными травами в котел летели небольшие золотые искры.

А они растворяются?

Рыбник, недолго думая, подошел к кастрюле, заглянул внутрь. Неа, плавали целые и невредимые, придавая супу сходство с чем-то сказочным.

Фаина, недоумевая смотрела на Рыбника.

— Только башкой в кастрюлю меня окунать не надо, окей?

— Я и не собиралась. Странный ты сегодня какой-то.

Рыбник еще раз посмотрел на руку Фаи. Так и есть. Искры неиссякаемым потоком рассыпались по емкостям с пищей.

— Кажется, я раскрыл твой секрет.

— О господи.

— Да, — Рыбник с гордым видом выпрямился и пошел прочь.

— Слышишь? — голос Фаины догонял его на полдороге к выходу.

— Что?

— К Балеруну зайди.

— А меня Вовка не съест?

— Возьми и зверюшке что-нибудь из трупошной. Наверняка уже проголодался.

— Хорошо, — Рыбник удалился.

Фая же задумчиво помешивала очередное варево. И что это, интересно, он такого узнал?

Гипс, наконец-то разгребая дела по выяснению обстоятельств неожиданного нападения, тихо зверел.

Чертова баба. Зачем она отослала крокодилу? Он знал, что в какой-то сотне километров подгружается часть завода по переработке урановой руды. И что там есть атомиты. А вот то, что у тварей хватит мозгов собрать более-менее приличное количество бойцов и придумать простейшую двухходовку, кваз не предполагал.

Еще хорошо, что Фаина предупредила о заходе части отряда с тыла. Поселок бы не вывез. На последнем этапе к обороняющимся людям присоединилась Катерина, что значительно сократило потери. По словам очевидцев, тварь катком прошла по мутантам,

на своем пути сокрушая четкие и стройные ряды бойцов. Говорили, что крокодилу немного подранили, и то, что она подорвалась на противопехотной мине, заложенной жителями на случай нападения. Тем не менее, дело свое она сделала, и отправив в смертный путь последнего атомита, уползла в неизвестном направлении.

Лишь бы жива осталась. Теперь Гипс понимал, что монстр все это время службу нес на десять с плюсом.

Близился вечер, и кваз потирал руки в предвкушении ночных удовольствий. Сейчас ему как никогда нужна хорошая разрядка. Вчера, тихонько приоткрыв дверь в бокс Фаины, он сразу заметил, что в комнате посторонние и решил на глаза не показываться. Утром вот, навалило так, что на пяток лет хватит что вспомнить.

Нервотрепку не любит никто, и Гипс исключением не был.

Он привел в порядок бумаги, после чего отправился перекусить. Что там его женушка состряпала?

Фаина, управившись со своими прямыми обязанностями, понесла Балеруну обед. Столкнувшись с ним в коридоре, поняла, что проявила излишнюю заботу. Тот крепко стоял на ногах.

Завидев женщину, Балерун поджал губы, явно не собираясь раскланиваться в дружеских приветствиях.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — прошипел он.

— Хочу. Но сначала хочу накормить. Пошли, ты зря ушел из бокса.

— Твой Вован там жрет труп. Я не могу...

— Скорее всего, Вовчик уже все съел, пойдем-пойдем, — она подхватила поднос одной рукой вместо положенных двух, и проявляя чудеса равновесия, другой заключила Балеруна в дружеское объятие и засеменила в направлении комнаты номер 108.

Фаина была права. Вовчик со своим обедом расправился. Парень с недовольной миной уселся на кровать. Ему было плохо. Хоть и старался держаться бодро, сильно выдавали черные мешки под глазами и фарфоровая бледность лица, на которой эти самые мешки выделялись как две неопрятные кляксы в ученической тетради.

— Как рука? Тебя покормить, или сам? — женщина протягивала поднос.

— Сам.

От взгляда Фаи не укрылось то обстоятельство, что новой конечностью Балерун двигает достаточно уверенно. Узловатые корявые пальцы и черные когти выглядели чужеродно. А так рука как рука. Просто в носу с такой физиологической особенностью ковыряться будет опасно.

— Ты поешь сначала, а потом я тебе все расскажу. Ты слышал, что сегодня поселок атаковали?

Альту повезло. Из этой мясорубки он вернулся целым и без ранений. Атомитов они выбили достаточно быстро, после того, как с подачи Тумана подавили пулеметный расчет в злополучном доте. Ни один из ребят в группе скалолазов не выжил. А жаль, парни были нормальные.

Конечно, нельзя пользоваться такой неприятной ситуацией. Подло и цинично. Но, как говорится, куй железо пока горячо. Задницу последних событий он развернет себе в прибыль. Иначе грош цена ему как бойцу группы «А».

Вечер обещал быть запоминающимся. На волне негодования сейчас можно подняться до приличных высот. В конце концов, Гипс сам виноват.

Альт лежал в своем боксе, прикидывая в уме план действий. Похоже, без хорошей попойки дело не смазать. Мозг, приняв идею, начал быстро соображать, какой напиток избрать фаворитом на сегодня.

— Значит ты не просто так мне руку оттяпала?

— Я похожа на идиотку?

— Глаза у тебя были страшные.

— А топор острым, извини, ты ведь понимаешь, я спешила. Сам бы ты мне не отдал.

— Нет, конечно.

— Слушай, я действительно успела в последний момент. А тебе, наверное, медаль теперь на грудь повесят.

— Хватит. Я уже не злюсь.

Фаина встала, сверху вниз посмотрев на приятеля.

— Мне пора. Еще в лазарет нужно сходить. Просили зайти.

— Я буду у себя. В твоей постели спать как-то неудобно.

— Все может быть, — женщина наклонилась, поцеловав парня в макушку. Приятных снов, дверь закрыть не забудь.

На оборудование медицинского блока Гипс не поскупился. Огромное просторное помещение было оснащено по последнему слову техники. Собственно, из техники здесь были лишь рентгеновский аппарат и четыре операционных стола — ровно по количеству знахарей, постоянно проживающих в поселке. Операционная, блок интенсивной терапии, одна большая общая палата, она же и приемный покой. Одним словом, места здесь хватило всем.

Тунгус, подняв на Фаину уставшие глаза, потер переносицу.

— Хорошо, что пришла. Ни одна из этих дур не может сообразить, как правильно рассчитать дозировку и что вколоть. О внутривенной инфузии я вообще молчу..

— Не хнычь. Сейчас все сделаю. Устал поди. Сходите пока пообедайте, девчонки там накрыли уже.

— Сейчас. Вот, последнего дошьем...

— Защить я и сама смогу.

Тунгус вытаращил глаза. Ты серьезно?

— Ну да, а ты не заметил, что некоторые легкие раненые уже защищены?

— По боксам уже сидят и водку глушат, сволочи.

— Все, хорош. Сходи поешь, я сама дошью этого красавца.

— Спасибо.

— Рыбник, у тебя какие планы на вечер?

— Выспаться.

— В другой раз. Сегодня мы будем пить.

— Что?

— Чай, блять. — Фаина теряла терпение. Сегодня ушел Туман. Он был другом. Хорошим другом. Да и если быть объективной, давно следует крепко выпить и включить перезагрузку. А то слишком многое навалилось.

— Уговорила.

— Я сейчас на полчаса в столовую, Балеруна позовешь?

— Он совсем без сил, может не надо?

— Надо, Славик, надо. Живчика ему отнеси, а то я в обед забыла. Туман был и его

другом.

— Хорошо, выбирай место.

— В столовой через два часа.

— Я побежал. Извини, уж жрать больно охота.

— Приятного.

Фаина повернулась к бессознательному телу. Ну что, красавчик, давай зашиваться.

Покормив питомца, женщина приняла душ. Распылив свои любимые духи, она вошла в ароматное облако. Не каждый день она отдыхает в компании. Хоть повод и безрадостный, это не причина приходить на место встречи в чем попало. Кружевное белье ежевичного цвета она спрятала под облегающим аппетитные формы платьем. Да, ей снова двадцать пять.

Фаина повертелась перед зеркалом, накидав на лицо косметики. Нет, не толстый слой штукатурки, от которого мужчины зачастую приходят в ужас. Немного акцентировала глаза.

Еще раз окинув себя критическим взглядом, Фая удовлетворенно кивнула. Одеда туфли.

— Вовчик, у меня для тебя задание.

Вкусно отужинав, Гипс, прикрывшись делами, свинтил из их с Бритни уютного гнездышка. Кажется, жена не очень-то и расстроилась.

Девочка всегда болезненно воспринимала его отлучки. А сейчас? Смирилась? Или никак не касающаяся атака атомитов дала такой странный седативный эффект? Что-то с ней явно не так. Да хрен их поймешь, этих баб. Забивать себе голову настроениями супруги кваз не собирался.

Его ждала чудесная ночь с Фаечкой.

Она была бесподобна.

Кваз помнил каждую ночь.

Гипсу нравилась та страсть, с которой она ему отдавалась. То с радостью, то со злобой, то со страхом. А вот равнодушия никогда не было. В отличие от его домашней пташки.

Он подсел на нее, как на наркотик. Жаль, место Бритни Фае не светило, как бы та не старалась.

Быстро пройдя по коридору, кваз потянул на себя дверь. Открыто.

Света не было. Раздался щелчок выключателя. Шоу начинается.

В шаге от него стояла Фаина. Красивая, подтянутая, она улыбалась. Кваз стоял, замороженно глядя на причудливый танец, легкая музыка сопровождала каждое движение женщины. Она умела удивлять.

Легкий мах рукой — с тела зазмеилось сдержанное черное шелковое платье. Фая сделала шаг назад, высвобождая ноги в туфлях на тонкой шпильке, и поманила его за собой, медленно двигаясь к кровати и глядя прямо в глаза.

Упала в постель, ловко перевернулась, двигаясь к изголовью.

— Ну, мой тигр, я жду тебя. Воздух был пропитан ароматом дорогих духов, кваз неуклюже пополз к ней, обнял горячее тело.

Музыка резко оборвалась.

— Пащелюй меня, котик.

Гипс обнимал скалящегося ящера.

Народ разлил уже по третьей. Разговор никак не клеился, и Фаина уже было решила сдаться, уйти в свой бокс и там в одиночестве нажраться от души. В столовой нарисовался полупьяный Альт с бутылкой вискаря наперевес.

— Оооо, герои наших дней, Альт, тебя тут как раз не хватало. — Состояние всей компашки можно было расценить как пограничное. Вроде бы и хочется веселиться, вот только вспомнишь о Тумане, и все падает до уровня плинтуса.

— Привет, — Фая встала, дав возможность Альту оценить себя по достоинству. Спецназовец оценил. В принципе, проблем со зрением до этого у него не было. Ну подкрасилась, ну оделась как подобает женщине. Да, красиво. И что.

— Присаживайся, мы как раз Тумана поминаем, — Рыбник поставил на стол еще одну рюмку. — Четвертым будешь?

— Буду.

— Альт, слушай, ты был там, расскажи, как было?

Спецназовец нехотя потянулся, взял рюмку, не чокаясь, выпил залпом. Занюхал рукавом, хотя на столе было полно добротной закуски.

Потом заговорил. Долго, с подробностями.

— ...Атомиты спустились в овраг, думая там залечь. Эти твари, несмотря на потери, отступить и не думали. Когда в их рядах подорвался фугас, они сгорели все. Как цыплята в духовке. Эххх... наших жалко, такие люди были. Если бы оборону грамотнее выставили... А виноват во всем этот мудак.

— Кто?

— Гипс, блять, кто же еще. Этот идиот поставил отвечать за безопасность бывшего начальника склада. Который кроме как воровать ничего не умеет. Вот мы результат и получили. Если будет еще одна заваруха, поселок не вывезет.

— И что ты предлагаешь?

— Предлагаю поменять власть.

— Каким образом? — Фаина прищурилась, изучая степень опьянения Альта. Нет, он еще не в таком состоянии, чтобы нести чушь, за которую потом придется стыдиться.

Рыбник же от последних слов спецназовца окончательно решил того прощупать. Подобно тому, как в обед он поступил с Фаей.

В клубе эмоций он выделил преобладающую, и попробовал ее оценить. Белая звездочка была полна спокойной решимости. И предвкушения.

— Революция! — Альта, казалось, несло на всех парусах.

— Я хочу узнать у тебя одну вещь, — Фаина прищурилась, ожидая реакции. — ЗАЧЕМ?

Спецназовец невозмутимо посмотрел ей в глаза. Затем приблизился настолько, что женщина почувствовала стойкий запах перегара. Отчеканил.

— Так. Жить. Нельзя.

Поднявшись из-за стола, добавил.

— У вас времени до трех часов дня. Определяйтесь.

Гипса переполнял гнев. Рванувшись прочь от мерзкой ящерицы, он заперся в своем кабинете. Домой в таком состоянии идти нельзя. Убьет еще кого ненароком.

Вот сука! Как была троллем, так и осталась. Ничего не поменялось с момента их встречи там, на Земле. Ааааа, падла!

Постарался успокоиться. Кваз несколько раз глубоко выдохнул, попытавшись приструнить расшалившиеся нервы.

Это как. Она. Его. Опустила. Сука. Может, прирезать ее?

Нет. Это будет слишком просто. Кваз фыркнул, предаваясь сладким мстительным мыслям.

Он посадит ее на цепь. Как собаку. Фаечка будет умолять отпустить. Да. Пары недель голодовки и унижений будет достаточно. Потом он ее убьет. Как? Да кваз и сам пока не знал. Пристрелить слишком просто. Ближе к делу — там придумает. А пока нужно поразмыслить о том, как себя обезопасить и удержать власть до прихода каравана.

С торговцами придут пять гиен. Невеликая, но сила. Пара показательных казней, и вуаля — народ опять шелковый. А то слишком уж рабочие распоясались. Во время того, когда он произносил хвалебную оду защитникам, ехидные голоса в открытую угрожали Гипсу импичментом. Ага, сейчас. Разбежались.

Назавтра нужно срочно подготовить речь. Народ требует успокоения. И признания. Что ж, они все получают. Сполна.

После ухода Альта наступило неловкое молчание.

— Ну, что делать будем? — Балерун первым вышел из ступора.

Фая молчала несколько секунд, потом расхохоталась.

— Фай, ты чего? — лицо Рыбника казалось озабоченным. Беспричинный смех женщины знахарь посчитал ни чем иным как нервным расстройством. Собственно, все так и было.

— Ничего, просто сегодня я здорово накосорезила.

— И? — Балерун удивленно поднял бровь. Он считал, что Фаина делала глупости постоянно, сама того не замечая. Признание же своей неправоты — это что-то новенькое.

— Потом расскажу.

— Опять интриганишь. — Балерун, знавший женщину не первый день, всерьез обеспокоился ее состоянием. — Что там с революцией?

— А что с ней? — Фая не понимала, какой смысл препираться, если на тебя идет толпа доведенных до состояния экстаза людей с лозунгом «Кто не с нами — тот против нас». — Народ, ну головой подумайте. Нас не спросили, будем ли мы поддерживать переворот. Просто дали выбор, жить в толпе либо сдохнуть за Гипса. Лично я буду в первых рядах.

Она, конечно, лукавила. В первых рядах не пойдет, накопленный опыт уже не дает потерять голову от ощущения значимости чего-то большего. Прожитые годы научили размеренности. Принимать решения на горячую голову — это пьеса не для Фаи. Но как же, черт подери, это все играет на руку.

— Рыбник, чего задумался? — Балерун подтолкнул локтем знахаря, задумчиво изучающего содержимое бутылки на свет. Тот поднял глаза.

— Ничего не думаю. Останусь в стороне.

— Не останешься. В какую бы щель ты не забился, тебя вытащат и поставят перед выбором.

— Значит выберу.

Балерун с досады махнул рукой.

— Вы что, не понимаете, что делаете, зачем вам переворот? — он психовал, срываясь на крик.

— Не ори, не дома. — Фая холодно его осадил. — Ты тоже чуть запахнет жареным, пойдешь с толпой. И не перечь. Не мы устраиваем, не нам и править.

— Я тоже такого мнения. — Рыбник разлил по очередной порции спиртного. — В конце концов, ничего не изменишь.

Долго выпендриваться Балерун не стал.

— За то, чтобы все обошлось малой кровью.

— Слушай, что ты там за секрет узнал? — Фаина повернулась к знахарю. Алкоголь сыграл свою роль по затуманиванию печали. Понеслась. Тело требовало приключений.

— Я видел механизм твоей способности.

— Тоже мне, открытие.

— Для меня — да. Мне вот только интересно, как ты в дурном настроении умудряешься не гадить в пищу всему поселку.

— Никак.

— В смысле?

— Стараюсь думать о хорошем.

— Понятно. Наконец-то раскрыта тайна приручения страшных монстров. — знахарь, довольный собой, пытался шутить. Фаина откровенно шуток не понимала, Балерун же закрылся в себе, предаваясь горестным раздумьям.

Сенс переживал за Гипса, за судьбу поселка. И прочие вытекающие. Если смотреть правде в глаза, кваз был так себе руководителем, однако в финансовой грамотности ему не откажешь, Подземелье процветало.

— Слушай, если нас всех поубивают, наслаждаться плюшками будет некому, — Фаина, кажется, читала мысли. — Все твои конфликты гроша ломаного не стоят. Успокойся, — женщина, поняв, что словами ничего не докажешь, пустила нужную эмоцию по каналу. Сенс разозлился.

— Прекрати издеваться надо мной, — он помахал перед ней корявой рукой, — накосячила — признай и извинись. И больше так не делай.

— Уйду я от вас, злые вы все. — Фая поднялась, и чуть пошатывающейся походкой направилась к себе в бокс. Настроение так себе. Разругалась в хлам с Балеруном, жаль. Хорошо, что ушла вовремя. Еще неизвестно, чем это все закончится.

Гипс удовлетворенно пробежал глазами по наброскам завтрашней речи. Недурно.

Он уже почти забыл, какой конфуз произошел в комнате Фаечки. Осталась тихая шепчущая всякие гадости злость. А вот теперь можно и отдохнуть.

Кваз открыл ящик стола, достал жестяную банку. Внутри хранились небольшие тубы с порошками. Выбрал нужный.

Гипсу всего-то и требовалось, что увидеть красивый цветной сон. Пусть мозг отдохнет. Может, немного увеличить дозировку?

Пожалуй, можно. Сегодня выдался сумасшедший день, жирный тролль, оставленный Фаей в комнате, окончательно добил и без того невеселого кваза.

Сделав две аккуратные дорожки, он поочередно принял порошок в каждую ноздрю. По идее, сейчас он заснет. Вещество действовать не торопилось. Странно, гиены говорили, что перемену можно почувствовать сразу. Не долго думая, Гипс принял остатки порошка, тем самым превысив стандартную дозу в четыре раза. Все-таки он кваз, наверняка требуется больше. На порядок. Никогда ничего подобного не употреблял, наверняка пары бутылок виски вполне бы хватило. Или трех. Неважно. Он со стопроцентной уверенностью мог сказать, что алкоголь в ситуации сильного нервного напряжения ведет себя непредсказуемо.

Приход был моментальным. Ощущение безраздельной радости накрыло с головой.

Созерцая стол, заваленный стопками бумаги, подумал: да пошло оно ко всем чертям. Откинулся в кресло, приняв блаженное забытие как должное. Прикрыл глаза. Сон не приходил.

Сидя в полудреме, сверкающей причудливыми геометрическими фигурами, совершающими совершенно дикие метаморфозы, он наслаждался. Красотой и гармонией цвета и формы. Странные конструкции складывались в нечто упорядоченное, вот только во что, понять до конца кваз сразу не смог. Через некоторое время перед ним появилось огромное лицо Фаины, заливающегося трескучим смехом.

Уйди с глаз. Гипс махнул рукой. Зацепил со стола стакан, тот, изящно кувыркаясь в воздухе, разбрызгивал воду. Ее было много. Жидкость накрыла все вокруг. Стены, пол, потолок — из воды. Перед ним возникла большая зала. Осколки стекла дополняли композицию, сверкая тысячами маленьких солнц. Кваз встал и огляделся.

Вот это я понимаю, красочные видения. Ни одна марка коньяка, сколь дорого она бы не стоила, на такое не способна. Стол исчез.

Немного резало глаза, и Гипс, распираемый радостью, решил покинуть это придурковато-чуждое огромное помещение. А что там? Скользя ногами по водному полу, растекающемуся кругами от его ботинок, прошел в арку, сплетенную из разноцветных проводов.

Здесь, в другой комнате свет был приглушенно-синеватым, по цвету больше напоминавшим грозное облако. Уши улавливали мотив приятной мелодии. Гипс понял, что очутился в прекрасном дворце с прозрачными перегородками. Кучка маленьких созданий, по росту больше относившихся к гномам, а по изяществу — к феям, водили вокруг него хороводы.

— Гипс! Гипс! Пойдем с нами.

Кваз, засмеявшись взял одного кроху за руку.

Ручонка была очень горячей.

— Куда мы идем?

— Танцевать.

Улыбнувшись до ушей, кваз поднял кроху на руки, несколько раз подкинул в воздухе. Тот залиvisto визжал, и звук этот Гипс воспринимал как звон бубенцов на праздничной упряжке оленей.

— Я не хочу танцевать. Покажи мне дворец.

— Пойдем... Пойдем... Пойдем...

Прибежало еще несколько чудесных созданий, и кваз вприпрыжку пошел за ними.

Сквозь прозрачный потолок светило ярко-оранжевое солнце. Рядом присоседилась сиреневая луна.

— Как же мне надоело жить под землей.

Вдохнул чистый, наполненный неизвестными ароматами воздух. Блаженство.

— Пойдем... Пойдем... Пойдем.

Сказочные гномы звали за собой.

Дальше начался бэд. По совершенному водному полу заползали змеи. Небольшие, разноцветные, они своим шипением заглушали самую приятную на свете мелодию.

— Заткнитесь.

Змеи никуда не делись, а вот феи-гномы, развернувшись, почернели, превратившись в маленьких ядовито-розовых крокодилов. Они не кусали, нет. Просто путались под ногами, пытаясь помешать пройти дальше.

— Пошли вон, — Гипс смотрел себе под ноги, боясь раздавить хоть одно создание. Шипение, усилившись в десятки раз, становилось для слуха невыносимым. Стены

оставались такими же прозрачными, а вот пол отчего-то покрылся жуткой серой чешуей.

Штормовые волны радости продолжали непредсказуемо накрывать сознание. Раз, два... Перемены его не смущали, ведь это было так здорово.

— Господи, когда же меня отпустит.

Все так же стараясь переступить вездесущих змеек, он пробирался к выходу. Воздух наполнялся зловонием. Ускорив шаги, Гипс не сразу заметил перемену.

Он стоял на аллее, вдоль которой росли причудливые исполинские деревья. На их ветвях зрели экзотические плоды.

— Не уходи, не уходи, не уходи... — шипение незаметно переросло в чарующие голоса, уговаривавшие его остаться. Пол снова стал водяным, в совершенстве испуская звезды от касания ботинок кваза.

Гипс смеялся. Больше всего на свете сейчас хотелось прижаться к чему-нибудь родному. Вокруг никого не было, и он с чувством безраздельной радости обнял ствол ближайшего дерева.

Немного передохнув, кваз решил попробовать диковинные фрукты. На дереве, которое он держал в своих объятьях некоторое время, росли неприглядные сливы.

Подбежал к другому, нагнул ветку, попытался сорвать красно-зеленый ананас. Фрукт поддавался плохо, и ему пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы его сорвать. Удовлетворенный, Гипс наконец-то откусил. Невкусно. Ананас лязгал чем-то неприятным по зубам, да и на языке оставались странные ощущения. Как будто йода понюхал.

Бросив недоеденный фрукт, он, радуясь, что деревьев еще очень много, решил попробовать все. Фрукты по-прежнему от ветвей отделяться не хотели и с каждым разом, становились на вкус все поганее.

Беспричинную радость стала потихоньку сотрясать черная тоска. Дойдя до конца аллеи, он обнаружил малахитовую лестницу с перилами, украшенными прекрасными черносиними камнями.

Зрелищность видений зашкаливала. Подъем казался бесконечным, ступени норовили убежать из-под него то вправо, то влево. Исключительно благодаря реакции, Гипс не скатился. Через очередную арку, сплетенную из толстых жил разноцветных проводов.

Кваз оказался в саду, усеянном экзотическими цветами. Там под ноги сама бросилась тропинка из голубовато-зеленого камня, напоминающего бирюзу. Медленно прохаживаясь по дорожке, кваз разглядывал колючие оранжевые кустарники и крупные цветы, раскрывающиеся от одного дуновения ласкового теплого морского ветра.

В глаза бросился укропный куст, на котором росла одна-единственная большая желтая астра. Сорвав ее, кваз наконец понял, что устал. Попробовал присесть на тропинку, но как только его зад приближался к отшлифованному, натертому до лакового блеска камню, тот проваливался в неизвестность.

Он прилег рядом с кустом, и, перевернувшись на спину и разглядывал светлые небеса, имеющие сейчас два светила. Редкое явление. Нюхал астру. Тонкий пряный аромат кружил голову. Гипс смежил веки. Его обрубил. В руке осталась та самая астра, оставившая воспоминания о чудесном водяном городе.

Кваза в этот раз угораздило заснуть, лежа спиной на противопехотной мине. Гипс лежал среди кучи металлолома, всхрапывая и блаженно улыбаясь во сне чему-то неведомому. В руках он нежно, одними когтями держал кусок арматуры. Да, с дозировкой все-таки лучше лишний раз не шутить.

Фаина сидела у себя на кровати. Дурное настроение не исправил даже ментальный видеотчет Вовы о конфузе мерзкого кваза. Ну испугался этот урод не на шутку. Разозлился.

Затея такой смешной и гениальной уже не казалась.

Балерун серьезно обиделся. Усугубило положение то, что Фая попыталась залезть к нему в голову, навязывая ненужную эмоциональную связку. Заметил, паршивец.

Блин, хотела как лучше, а получилось все наоборот.

Серьезно огорчившись смертью Тумана, Фаина бездумно подсунула в постель к Гипсу своего ручного ящера, теперь же каясь глубоко внутри себя о содеянном. А потому, услышав о надвигающемся перевороте, не особо расстроилась. Может даже обрадовалась. Почему бы и нет? Она что, одна ненавидит Гипса? Быть такого не может.

Тогда бы и речи не шло о перевороте. Пользуйся кваз реальной поддержкой народонаселения... А так, всего-то и хватит небольшого толчка, ряда неудач... и вот, начинаются волнения, недовольные встают в один ряд, произнося пламенные речи и толпами увлекая за собой бездумные толпы.

Хоть отомстить и хотелось, но чужими руками это делать еще приятнее. Забыла о маске глупой женщины, проявив неприглядную подлую и трусливую сущность перед одним из своих близких друзей. Теперь уже единственным. Туман...

Рыбника Фаина в расчет не брала. Станный он. Таких женщина и на Земле не особо-то ценила. Да, трудолюбивый. Но никаких выдающихся качеств нет. Намек на лидерство, и то еле брезжащий в ровном спокойствии. Фаю в свое время увлекали мужики более подвижные. С харизмой. Как этот тихий знахарь дорос до управляющей должности?

Спать совсем не хотелось. Она накормила Вовчика, потом планомерно сцедила яд в трехлитровую банку. Что делать с этой кислотой. Гипсу относить смысла нет. Ладно, будет день и будет пища.

Взгляд зацепился за коробку конфет, недавно появившуюся утром у ее лежанки. Фая потянулась, открыла.

Фаечка, дорогая, ты очень вкусно пахнешь. Туман.

Ну кто же еще. От кваза знаков внимания ждать не приходилось. Убогая горошина, выданная авансом. Женщина горько усмехнулась.

Погибший как герой Туман был ей глубоко симпатичен. Делал недвусмысленные намеки, но она старалась их игнорировать. Нажилась. Спасибо. Плавали, знаем.

Прощальный подарок первого умершего друга. Как символично.

Ей не было еще и пятидесяти лет, она теряла близких. Чувство пустоты, неверие и отрицание происходящего, отчаяние, злость и поиск виноватых, самобичевание — весь «арсенал» не слишком радостных эмоций. Сожаление.

Стук в дверь. Она вздрогнула, ответив на автомате.

— Открыто.

На пороге стояла Бритни с бутылкой вина. Вид у блондинки был виноватый.

— Можно?

— Заходи. Что хотела?

Жена кваза завозилась, доставая из кармана складной штопор.

— Убери, я градус понижать не люблю.

Через несколько минут женщины уже распивали причудливый коктейль на основе коньяка, закусывая «Родными просторами».

Взяв очередную конфету, Бритни надкусила и поморщилась. Вынимая изо рта шоколад.

— Кажется, это было здесь для тебя.

Небольшая изящная подвеска с гранатом и записка, накарябанная мелкими буквами.

Будь со мной

Туман, Туман. Все-таки от судьбы не уйдешь. Рушится хорошая дружба, не успев перерасти в крепкую.

Даже если бы механизатор выжил, Фая отказала.

А так... умер в блаженном невежестве. Земля тебе пухом, Туман.

Глаза наполнились слезами. Напряжение, сковывающее нутро ледяным комом весь день, уходило, прорываясь наружу дорожками соленой воды. Уткнувшись в колени и сотрясаясь всем телом, Фаина рыдала. Теплые руки обняли за плечи, прижимая к себе, гладили по голове, успокаивая плач, который не хотел прекращаться. Хорошо, что она была в этот момент не одна. И просто здорово, что Гипса завтра порвет на части недовольная толпа. Так ему, уроду, и надо.

Женщины проговорили еще около четырех часов, обсуждая все на свете. Бритни старалась отвлечь Фаю от мыслей о том, чего исправить уже нельзя. Разговор шел неспешно, они осторожно «прощупывали» друг друга, поверхностно касаясь злободневных тем. Большие и маленькие проблемы, политику, высоту шпильки для коктейльного платья и прочие глупости. Приятная девочка. Неглупая, вроде бы. Уж очень схожими оказались у них вкусы и интересы.

Бритни попрощалась, когда на поверхности уже светало.

Фая без сил завалилась на постель, и не подумав отнести посуду из бокса обратно в столовую. Этот день вымотал до чертиков. Закрыла глаза... чтобы через каких-то несколько мгновений их открыть снова в полнейшем недоумении.

Стук в дверь. Опять блондинка на пороге. День сурка? Или открытых дверей?

Господи, можно не сейчас, а?

— Мне нужна твоя помощь. Сейчас.

@*#?»!!! Ну что за жизнь, а?

— И что он тут делает? — блондинка смотрела на дежурного голодным удавом.

— Так это... спит.

— Да что ты, бл#ь, говоришь. Как он сюда попал?!

— Мы были на посту, а Гипс бежал вприпрыжку, ругаясь на каких-то змей, потом обнял ствол пулемета, отломил. Откусил. То же самое сделал с другими орудиями. Мы пытались ему помешать, только он на нас внимания не обращал.

— Вы пулеметы заменили?

— Так за вами послали.

— Это я, что ли, по-вашему, должна о безопасности заботиться?! Бегом на склад!

Дежурный испарился.

— Что делать будем? — Бритни вопросительно смотрела на Фаину.

— Может, пусть его?! Все равно скоро помирать. — женщину жестко мучила досада от столь легкой будущей смерти ее обидчика. Даже понять не успеет, что скоро сдохнет. Мразь.

Блондинка была с ней солидарна. Еще бы. Сколько же обид у нее накопилось за годы совместной жизни?

— Не подходит. Эй, ты, дрищ, иди сюда. Да, да, ты, больше здесь дрищей нет.

— Чем могу помочь. — парнишка, кажется, боялся Бритни как огня.

— Шороха сюда из лазарета несите.

— Так ведь Тунгус не разрешит.

— Мне насрать. Выполняй.

Через десять минут (видимо, у Тунгуса с дежурными все-таки состоялась небольшая перепалка) искомый персонаж, потирая глаза единственной рукой, сидел на носилках.

— С добрым утром.

— И тебе, сука, добрейший утречек.

— Ты сможешь удержать мину?

— Я вообще-то не совсем в форме...

— Я не спрашиваю, в форме ты или нет, отвечай по существу, сможешь?

— Да.

— Так, вы, четверо, поставьте носилки на землю. Да подальше, идиоты, вы хотите, чтобы Шороха зацепило? У него силы не безграничны, так что поосторожнее.

— Насчет три. Раз, два...

Четверо мужчин с трудом подняли негнущуюся тушу Гипса, аккуратно затягивая тело в проход.

— Фая, нам здесь делать больше нечего, пойдем.

— Вообще не понимаю, зачем я здесь была нужна.

— Как группа поддержки, — личико Бритни порозовело, она с довольным видом шла вглубь поселка. — Есть у меня одна хорошая мысль.

— Страшно мне от твоих мыслей, подруга. Даже если и хороших.

— Слушай...

За спиной оглушительно и внезапно разорвалась мина.

Всю ночь Альт, не спавши и толком не жвавши самолично проводил подрывную работу.

Народ оказался сговорчивый. Женщины, потеряв мужей, злились на Гипса не меньше, чем работники цехов, вынужденные вкалывать по восемь часов в день, имея один выходной в неделю.

Кого-то зацепил недавний эпизод с подростками. Свалить все на безолаберность кваза Альту не составило особого труда. Дети — тема больная, а потому вызвала нужный отклик в сердцах жителей. Незамужние девушки повально страдали от постоянных нападков прихвостней Гипса, подстилками быть не хотелось.

Всю ночь спецназовец работал творцом революционного настроения. Когда ноги донесли его наконец-то до своей комнаты, и, раздевшись, Альт улегся в постель, чтобы крепко заснуть, в дверь постучали.

— Ну кто там еще.

Лицо Фаины сияло.

Что-то эта баба задумала нехорошее. Вон, через глаза видно, как в голове танцуют тараканы.

— Можно?

Рыбник встал рано. Отдельный бокс ему не полагался, но в свете последних событий помещение было полностью в его распоряжении.

Сходил в душ, стараясь как можно быстрее проснуться. Еще в медблок нужно, Тунгуса подменить. Старший знахарь не спал со вчерашнего дня, а потому Рыбник поспешил туда, где его помощь пришлась как нельзя кстати.

В тусклом свете желтых ламп невдалеке показалась Фаина. Она вынырнула из-за угла, взгляд цепко впился острыми коготками, мягко обнимая и чуть неприятно царапая.

Глаза женщины лихорадочно блестели, движения были дергаными. От нее несло перегаром, ядерной смеси спиртного с табачным дымом. И хорошо, просто замечательно, что в ее руках на этот раз топора не было. Знахарь настолько часто сидел с ней в разделочной, что уже привык видеть свою знакомую с колюще-режущими наготове. И в действии тоже. Он ее побаивался. Отмороженная.

— Ты сможешь наркоту из крови вывести?

— Не пробовал. Может, Тунгуса попросишь?

— Хотелось бы без лишних глаз.

— Если это ненадолго, пойдём. Ничего не обещаю, — сразу предупредил Рыбник.

Гипс лежал на постели в полном неадеквате. Раскинув руки, он что-то бормотал, то улыбаясь, то скаля обломанные почти до основания зубы.

— Слушай, его же сегодня убивать будут.

— И что?

— Запас сил у меня не резиновый

— Можешь — делай.

— Не можешь — вали, — Бритни, нервничая, грубила, сама того не замечая.

— Давайте перевернем его на живот.

Бокс супружеской пары был не чета тем, в которых проживали рабочие.

Изящная мебель, ковры с замысловатыми узорами, и огромная нестандартная кровать.

Здесь десять человек могут спокойно переночевать, не подозревая о существовании друг друга. Хороший траходром. Большой.

Когда они совместными усилиями перевернули тело Гипса в требуемое положение, тот даже не проснулся. Так и продолжал храпеть, пуская слюну сквозь крошево зубов.

— Теперь просто молчите и не мешайте.

Знахарь уже повторно посмотрел на тело кваза через призму дара. Так и есть. Вещество концентрировалось в головном мозге и чуть меньше в сером веществе позвоночного канала.

Наркотик, к этому моменту не разложившийся в организме даже наполовину, опутывал всю область поражения ядовито-желтой сеткой.

Рыбник подцепил одну из ячеек, пытаясь освободить небольшое пространство токсичной зоны. Результат так себе. Освободилось около пяти квадратных сантиметров.

Женщины же видели только то, что Рыбник, делая легкие движения пальцами, вытягивает мелкодисперсную пыль порошка.

Уже через пятнадцать минут головной мозг Гипса был чист. Осталось только сделать детоксикацию синовиальной жидкости.

Еще через пять минут знахарь удалился. Гипс спал, и Рыбник предупредил, чтобы, как только кваз проснется влить ему в горло живчика.

— А? что? — кто-то настойчиво тряс за плечо.

— Дорогой, просыпайся.

Кваз сел на кровати, озадаченно тряс головой. Что вчера было?

Гипс припомнил сочное видение, посетившее него наперед. Здорово. Как-нибудь он повторит.

Облизнул губы, ссохшиеся из-за водно-солевого дисбаланса, вызванного употреблением наркотического вещества n-ой маркировки.

Бритни, сочувственно глядя, предложила живчика, плескавшегося в прозрачно-желтом стакане. М-дяя. Запах так себе. Но надо.

— Спасибо.

Гипс трясущейся рукой перехватил емкость. Залпом выпил все содержимое.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — Бритни веселилась. Впрочем, как всегда. С антидепрессантами ей явно нужно завязывать.

— Нет.

Фанфары. Блондинка приблизилась.

Как хороша. Повеяло легким непринужденным ароматом ее духов. Склонилась над ухом.

— Сегодня в Подземелье революция.

Негодующая толпа растекалась. Бурлила, заполняя собой пространство. Голодные глаза наполнены торжеством и предвкушением.

Сегодня день перемен! Все равны! Долой тирана!

Альт шел в первых рядах. На очереди медблок. Гиен нужно убить. Это будут первые агнцы на алтаре свободы.

На пути встал какой-то парнишка. Новенький. Пришел с последним караваном. А потому не успел набраться недовольства и наглости. Чистая душа. Реальность нового мира его еще не испоганила. Идеалист.

— Остановитесь! Вы совсем не понимаете, что делаете! Люди!

Боится. Стоит твердо, но озирается по сторонам, словно затравленный зверь. Помощи не будет, успокойся. Не сегодня.

В глазах плещется страх, который невозможно не заметить. Твоя самоотверженность и верность похвальна. Жаль, что находишься по другую сторону баррикад.

Зачем здесь стоишь? Ради каких идей?

Толпа и не думает останавливаться. Масса, охваченная единым настроем, прет напролом, не замечая преград. Прошла.

На месте, где пару минут назад стоял паренек, лежит бездыханное, затапанное тело.

Что теперь? Оно того стоило?

Медблок. Недовольные, но сплоченные единым желанием перемен к лучшему. Заходят, рассредоточиваясь по ограниченному стенами пространству. Гиены смотрят недобро. Чувствуют, что им конец. Активисты первых рядов идут прямо к ним.

Альт подговорил кладовщика закрыть хранилища оружия. В горячке люди могут навредить сами себе. И правильно. Обезьянам пулеметы в руки давать нельзя. Лишние жертвы ни к чему.

Первые ряды вспыхивают красным пламенем. Толпа негодует и потихоньку звереет. Пирокинетик решил стоять до последнего. Заодно и зацепить с собой побольше. Похвально. Доблесть одинокого героя. Увы, твоя биография останется безызвестной. Я позабочусь.

Второй, на другом конце зала. Крики боли и хруст крошащихся костей. Несколько людей, ментально теряют сознание, превращаясь в бесформенные куски мяса. Ты остался один, Шепот. Совсем один. Зря. Хороший человек, всегда вел себя культурно, несмотря на занимаемое положение. Прощай, брат. Был бы рад тебя видеть при новой власти. Но не срослось. Земля пухом, как говорится.

Толпа разворачивается и с ревом идет дальше, шерстя все закоулки на своем пути. Первая кровь, как же ты вдохновляешь. Внутри каждого сидит монстр, готовый убивать. Границы норм стираются, уступая место истинной сущности. Очень неприглядной.

Когда все успокоится, люди будут смотреть друг на друга в недоумении. Мы ли это?

Откуда столько ненависти? А я знаю. Чаша терпения переполняется и хватает лишь мимолетного сотрясения, что выплеснуть лавину накопившейся злости. Я все знаю. И понимаю. Оттого меня не ввести в экстаз кровью и быстрой победой. Я всего лишь наблюдатель.

Где же администрация? Где сейчас прячутся эти позорные крысы?

Энтузиазм стихает, нужно срочно принести кого-нибудь в жертву. Кирсан, как же ты вовремя появился.

Еще один труп. Прости, ничего личного. Нужно было идти со всеми.

Первые помощники Гипса укрылись, запершись в зале собраний. Идиоты. Лучше бы вы убежали. Спрятались. Двери здесь хлипкие, толпе на один зуб.

Дрожат, твари, забившись в угол. Ни одного достойного. Хотя. Налим.

Вчерашняя неприятность с атомитами что-то в нем поменяла. Поднимается. Что-то кричит. Не слышат.

У тебя должно хватить ума понять — объяснения здесь бесполезны. Единый оболваненный мозг действует как танк, наматывая на гусеницы неугодных. Для особо важных стреляет главное орудие. Кажется, пришло время.

Альт занимает трибуну. Крики стихают. Все восхищенно слушают. Откликаются ревом, словно животные.

Массовая казнь. Люди наблюдают, как Альт изощренно расправляется с Налимом. Голыми руками. Он не думает о милости. Сегодня спецназовец — состав, тянущий за собой неподъемные вагоны. И нужно ехать, пока не закончится топливо. В пункте назначения он будет первым. Ведь сегодня он — локомотив.

Смертники закончились. Эмоции льются через край. Возмездие. Наконец-то. После долгих лет ожидания изменений к лучшему и рабского труда. Они заслужили.

Чем завершится марш согласных? Безмерной пьянкой, где все поздравляют друг друга. Со светлым будущим. Посмотрим, как оно будет. Свежо предание...

Глава 19. Нюрнбергская дева

— Осторожнее, детка, он заряжен, — сказал он, возвращаясь в спальню.

Ее спина опиралась на спинку кровати.

— Это для твоей жены?

— Нет. Это было бы рискованно. Я найму киллера.

— А если киллер — это я?

Он ухмыльнулся.

— У кого же хватит ума нанять женщину для убийства мужчины?

Она облизнула губы и навела на него мушку.

— У твоей жены.

Пробираясь напролом через колючий кустарники, Гипс лихорадочно соображал.

Да как они посмели. Неблагодарные ублюдки. Он положил несколько лет жизни на то, чтобы Подземелье процветало и не знало ни в чем нужды. Альт, сука, надо было тебя завалить сразу после перезагрузки. Квас хмыкнул. Знал бы, где упасть. А впрочем, бывший боец группы «А» сразу ему не понравился. Следовало поверить интуиции. Меньше проблем бы было сейчас.

Чтобы спецназовцу жизнь раем не казалась, все самое ценное Гипс забрал с собой. Благо лучшие потроха весили немного. Белого жемчуга тебе не достанется, предатель. Выкручивайся как хочешь.

Квас засмеялся. Эти с виду неказистые кругляши стоили очень дорого. И собирал их поселок не один год, отгоняя на юг бронетехнику и прочие богатства, которыми баловало Подземелье.

За несколько сотен километров к югу от них находились стабы, где охота на скрабберов была поставлена на поток. Человеческих ресурсов много, а вот с вооружением у арабов и индусов существовали явные проблемы. Натовские игрушки имелись, но были сильно неудобны ввиду отсутствия постоянно пополняемых боеприпасов.

У Подземелья — вооружение преимущественно российское. Надежное, легкое в обслуживании, и, что уж говорить, обладает большой смертоубийственной способностью. Вдобавок ко всему, караваны всегда везут солидный боезапас и прочие полезности, необходимые при дальнейшей эксплуатации товара.

Сколько же сил ему стоило найти нужные контакты, чтобы не продешевить, не продать за бесценок. А ведь находились экземпляры! Да еще какие... Наглые, жадные до безобразия, не стесняющиеся в жестких инструментах воздействия.

Весь исследованный север грызся между собой, не понимая, что его сила — в единстве. А потому и жил как в средневековье. Нет, свет и горячая вода там были сами собой разумеющимися. Только за мало-мальски ценный хабар могут и прирезать. За жемчужину, или даже за горошину. Смех. Человеческая жизнь — ценность. Власть обязана заботиться о подчиненных, ибо она сама по себе подразумевает ответственность. А не желание загрести побольше.

Именно из этих соображений Гипс так и не тронул белой жемчужины. Своим примером, он доказывал, что достоин. Достоин быть властью. А что еще нужно народу? Мученик, преступивший себя самого, возложивший внутренний огонь на алтарь светлого будущего. Как в легенде о Данко. А вы помните что дальше-то было? Умер герой, упал,

исчерпав последние силы, и чья-то нога втоптала последний уголек горящего сердца в грязь. Не правда ли, поучительно?

Никто и никогда не оценит твоей жертвы. Особенно если подвиг этот делался ради толпы, сходящей с ума от запаха мяса и крови. Интеллект, которой приравнивается к уровню плинтуса?

Способен ли человек низкого уровня IQ онить жертву? По-настоящему прочувствовать, чего она стоила дарящему? А?

Горько. Мысли о том, что в развитие Подземелья Гипс вложил столько сил и нервов, раздражали, мелькая красной тряпкой перед бычьими глазами. Это же надо. Впервые за много лет серьезное нападение пошатнуло равновесие, как будто того не было и в помине.

Люди воспринимали возможность сохранить своих детей как должное, даже не задумываясь о том, чего на самом деле стоит один неказистый белый шарик, за который они пащут как проклятые. Оценивая то, с какой легкостью семья может получить кругляш, можно сказать, что вклад в их будущее просубсидировал поселок. На 97 %. Неблагодарные твари.

Кваз вспомнил, как ломал голову, где взять достаточно средств на содержание и обустройство Подземелья. Чего только стоил один медблок. Лучшее немецкое оборудование и инструменты подгружались не так часто. И не везде. А обучение знахарей медицине? Они же были тупые, как сибирские валенки!

Всё, всё забыли. Гипса на вилы, как же. Через год вы, ублюдки, будете умолять на коленях, чтобы я вернулся. Потому что Альт не потянет. Да, соображает в обороне. И только. Защиту можно получить в любом стабе, а вот возможность иметь детей... Пусть подумают хорошенько, время у народа будет.

Бизнес на юге тоже просто так с неба не свалился. И сам себя не обслуживал. Построить хоть что-то стоящее, приносящее приличные прибыли, и при этом не разругаться с руководством стабов в пух и прах, да, на тот момент это было той еще задачей.

Понять все нюансы, прежде не разорив прибыльное дело, будет для нового управленца большим везением. Что ж, посмотрим, каким местом все развернется без Гипса. Далеко не самым привлекательным. В этом он был уверен.

Все развалится! Пойдет прахом! И тогда он вернется. С триумфом. Как Наполеон, которого толпа несла на руках в Лувр. Гипс совсем позабыл, что победное шествие во славу великого республиканца окончилось всего лишь 100-дневным правлением. А потом и вовсе ссылкой.

— Слушай, куда ты идешь?

— Сейчас дорогой, совсем скоро, и мы придем. — Бритни уверенно шагала в выбранном направлении.

Все-таки не ошибся он в выборе жены. Смотри-ка, закрывает глаза на все похождения, пошла с ним, чтобы вывести в безопасное место. А ведь совсем не знает прилегающей местности. Кваз насторожился.

Она не может знать куда идти.

Потому что из поселка никогда не выходила и окрестности не изучала. За малым исключением, когда торговцы возили девушку по кластерам.

— Бритни, золотко, скажи, куда мы идем?

Девушка остановилась, пристально взглянув в глаза мужу. Она была серьезна. И прекрасна. В своем походном костюме и неподъемном рюкзаке, примостившемся за

плечами. На фоне утреннего леса. Одежда была местами влажной от росы, еще не успевшей высохнуть с первым теплом начинающегося дня.

Капли воды играли в светлых, не тронутых химическим красителями волосах. Маленькие, почти детские ножки, по чьей-то глупости одетые в грубые армейские ботинки, смотрелись изящно. На плече болтался автомат, а потому Гипс взбрыкивать не торопился. Нет, скорости и силы свернуть шею этому ангелочку у него хватит.

В глубине души теплилась надежда, что все происходящее — не хитро спланированная западня. Девчонка была тупа, и это было ее главным качеством. Мысль увести Гипса из поселка с целью расправы просто не могла прийти в эту чудесную белокурую головку. Тем более, так далеко. Они шагали уже третий час, и это порядком вымотало.

— Сейчас мы выйдем к гаражам. Там пересидим, отдохнем, какое-то время. Обдумаем все хорошенько и будем решать, что нам делать дальше. — Глаза светились какой-то детской наивностью. Или щенячьей преданностью. Фиг разберешь. Никаких предпосылок к печальной развязке не было.

Гипс даже упрекнул себя в том, что плохо о ней подумал.

Двинулись дальше. Густо заросший колючим кустарником лес резко оборвался, открывая обзор на одинокую девятиэтажку, которая стояла в каких-то паре километров от них. У подножия блочного монстра присоседились детская площадка с облупленными каруселями и ряды стандартных металлических гаражей. Бетонная площадка служила постаментом этого мизерного кластера. Километры окрест раскинулась исполинская стройка, так и не успевшая начаться до того, как ее перекинуло в Улей.

— Нам туда.

Идти было несравнимо приятнее, чем по лесу. Трава на пустыре была пожухлой и высохшей, осенней. Легким шагом Гипс следовал рядом с девушкой, не уставая радоваться тому, какой прекрасный выбор он сделал в свое время.

Фаина улыбалась, наблюдая за путниками с балкона. Ничего не подозревает, идет спокойно. Значит, не зря она с таким усердием кидала сгустки умиротворяющего настроения. Пора спускаться.

Небо хмурилось, изредка пропуская теплые солнечные лучи. Бритни поежилась. Согреется чуть позже. Когда все будет сделано.

Двое дошли до детской площадки, порядком вымокнув и успев продрогнуть до костей. Еще каких-то десять минут назад сквозь верхушки деревьев проглядывало солнце, а сейчас набежали облака, заслоняя и без того скудное тепло. Гипсу было холодно. И тоскливо.

Без крайней нужды он бы никогда не покинул созданное его руками уютное Подземелье. Чертов Альт.

— К какому гаражу идем?

— К любому.

— Я думал... — Гипс оцепенел, не в силах пошевелиться.

Из подъезда девятиэтажки выходила Фаина. Триумфально, словно по красной дорожке. Скаля ослепительно белые зубы, женщина улыбалась. Сегодня был ее день.

Обзор заслонила Бритни. Ее лицо было спокойным и не выражало никаких эмоций. Все, что можно было прочесть по нему — смертная скука.

Фая подошла к ней.

— Ну что, начинаем?

Гипс созерцал покрытие детской площадки. Будучи подвешенным за ноги к

перекладине обшарпанного турника. Своей крови он не видел — обзор был так себе. Пограничное состояние. Сознание, терзаемое дикой болью, норовило померкнуть. Иногда это получалось.

В чувство приводили пинки по голове маленькой женской ножкой в армейских ботинках. Тридцать пятого размера, между прочим. Бесконечно давно, когда их отношения еще цвели, Гипс ласково называл свою жену Золушкой. Знали бы сказочники, чем закончится история красавицы и чудовища, непременно бы переписали финал. Ибо он был намного интереснее, чем банальный хэппи-энд.

— Как себя чувствуешь? Оклемался?

Пытка была бесконечной. Все-таки женская душа — загадка. Хранить столько обид, чтобы потом за час вспомнить все. И наказать по каждому пункту, не стесняясь своей безудержной жестокости.

Подошел ящер. Он не скрывался, где-то позади территорию сторожила крокодила, охраняя вверенное ей пространство.

Вовчик слизывал кровь. Сначала с бетона, а потом с лица. Его язык, очень горячий, влажный и скользкий, причинял невыносимые муки.

Кваз злобно смотрел единственным глазом — второй Бритни удалила в первую очередь. Обыкновенной столовой ложкой. Гипс не мог даже закричать — Фаина очень старалась, чтобы обездвигить Гипса на максимально возможный срок. Потом он потерял сознание.

Придя в чувство, ощутил, что связан. Очень крепко. Прилагаемые усилия с целью освободиться от пут ничего не дали. Теперь он мог двигаться и разговаривать. Толку-то, когда рот тщательно заклеен. Скотча дамочки не пожалели.

Гипс задержал дыхание, упорно сопротивляясь вновь накатившей волне боли. Его накрыло с головой, и сознание опять померкло, провалившись в блаженную темноту.

Фаина сидела в стороне, лишь изредка наблюдая за расправой. Нет, на такое издевательство она способна не была. Максимум — погромсать уже мертвое тело. А вот у Бритни злости хватало на тысячу чертей и половину сатаны. Иногда давила жалость. И восхищение неумемной фантазией блондинки.

Девушка отличалась хорошей памятью, и отрезая очередной кусок мяса и скармливая его Вовчику, она неизменно сопровождала свое действие детальным рассказом, за что и почему это делается. Цены бы тебе не было в эпоху инквизиции, девочка. Фая содрогнулась. Таких врагов, как Бритни лучше не иметь. И в друзьях тоже. Мало ли что.

В рюкзаке жена кваза принесла различные подручные средства, при умелом использовании причиняющие дикую боль. Пассатижи, стальные шпингалеты внушительных размеров. Увидев их, Фаина переспросила у блондинки, как та собирается их использовать. На что девушка на наглядном примере показала. Стальная задвижка прекрасно ломала пальцы, сокрушая толстые кости кваза.

Она очередной раз привела Гипса в чувство. Наклонилась так, чтобы он смог оценить очередную живодерскую идею свой ласковой во всех отношениях жены. В руке у нее была ножовка. По дереву.

— Радуйся, дорогой. Мои обиды иссякли и пора заканчивать. Прощай.

Лезвие впилося в промежность и заработало, с мерзким чавканьем кромсая плоть. Медленно, неумолимо планируя разделить Гипса на две совершенно одинаковые части. С ужасом понимая, что рука Бритни уже работает над столь непростой задачей, а боли все нет, кваз попытался взвыть.

Страдания, испытываемые сегодня, были незаслуженными. Он не виноват, что так получилось. Дикая усталость от жизни в целом и переносимых страданий в частности выбила душу Гипса из покалеченного и изуродованного тела. Все. Закончилось. Наконец-то.

— Бритни, он уже умер, можешь дальше не стараться.

— Да я уже и сама зае@лась.

Фаина встала с рюкзака, перехватила у блондинки пилу.

— Переоденься, я дальше управлюсь.

Пока девушка снимала окровавленную одежду, Фая с переменным успехом пыталась отделить голову от тела. Закончив, она кинула ее с черной мусорный пакет.

— Поехали, нас ждут.

В поселок успели вовремя, появившись как раз в момент кульминации расправы. Голова Гипса играла в спектакле главную роль. Аплодисменты. Занавес.

— Альт, я тебе говорю, так не делается, — Фаина задумчиво мерила шагами бывший кабинет Гипса.

— И что ты предлагаешь?

— Если ты сокращаешь отработанное время, то должен увеличить срок работ.

— Я не могу этого сделать. Я им обещал.

Спецназовец, разбирая дела, которыми занимался до этого глава поселка, в прямом смысле хватался за голову. Как этот ублюдок все точно рассчитал. Шесть лет. Именно один раз за шесть лет на долю каждой супружеской пары поселок выделял одну белую жемчужину. Не больше, не меньше. Остальной хабар не в счет.

— У тебя есть выход.

— Какой? — Альт с надеждой посмотрел на Фаину.

— Сократи население.

— Я не могу этого сделать, ты знаешь.

— А тебе и не надо.

— Обоснуй.

— Позволь задать тебе вопрос, — решив, что достоверно замерила кабинет, Фаина, наконец села. Прикурила сигарету. Выпустила в потолок струйку сизого дыма. — Ты на какой планете до Стикса жил?

— Вот не надо меня обличать в тупости, — Альт понемногу свирепел. Его бесила эта женщина, корчащая из себя квинтэссенцию светлых умов человечества.

— И не собиралась. В группу «А» идиотам ход закрыт. Смотри. Ты что-нибудь понимаешь в политике повышения рождаемости?

— Нам повышение ни к чему.

— Я и не говорю о том, что ее нужно повышать. Создай искусственный дефицит женщин. И установи полугодовые выплаты. Этого будет достаточно.

— В каких объемах? — спецназовец смотрел уже более заинтересованно.

Фаина вздохнула. Капитализм погубит мир. Но без него Подземелье Альт не вывезет.

— Установи лимит выплат — четыре горошины за каждые тысячу часов работы. Раз в полгода.

Альт прикинул в уме расклад.

— Ты сравнила. Сотня горошин и одна белая жемчужина. Это ведь никак не клеится.

— Клеится. Твоя задача — сберечь белый жемчуг. А на что его менять — каждый решит сам за себя.

Фаина взяла лист бумаги, начала что-то черкать, производя нехитрые расчеты. Альт внимательно наблюдал за ее действиями. Цветного жемчуга в поселке было достаточно, как и гороха. А вот Белого в общей сумме набралось около шестидесяти единиц.

Вот, посмотри.

48 часов в неделю — 52 недели в году

$48 \cdot 52 = 2016$ рабочих часов в год для каждого человека

1008 часов за полгода ~1000

1000 часов * 2х человек в семье = 2000 рабочих часов в год с каждого или 4000 часов — семья

1000 ч — 4 горошины

4000 ч — 1 черная жемчужина

6000 ч — красная

24000 ч — белая

Не более 2 на семью.

— Ты считаешь, выгорит?

— А ты думаешь, народ понимает истинную ценность белого жемчуга? Эгоизм — страшная сила.

— При чем тут эгоизм?

— Потому что способности развить хочет каждый, а вот возможности не имеет. Смотри, как здорово получается, ты скажешь всем, что-де казна в страшном убытке. Но от исполнения своих обещаний не отказываешься, и сохраняешь возможность для каждой семьи обзавестись чадом. А то и двумя. На работу ходить надо, но такой строгости больше не будет. Хочешь — трудись, не хочешь — отдыхай.

— Так они вообще работать перестанут.

— А ты поставь норму — 15 часов в неделю на содержание и все. Пойдут, куда денутся. Не выполняешь минимума — пошел вон, иждивенцев в поселке не будет.

— Красиво состряпала.

— Да я вообще гений.

— Это получается, и способности каждый себе сам оплачивает.

— Ну так... капитализм. Не хотели жить в коммунизме — не надо. Смена власти — все по-новому. Поверь, и о детишках задумываться тоже перестанут. Я вообще не понимаю, зачем в этом страшном мире плодить детей. И на Земле не очень-то хотелось.

— Вот и я такого же мнения.

— Ладно, пора мне. — Фая поднялась. Руки начали мелко дрожать.

От Альта это обстоятельство не укрылось.

— Давно у тебя?

— Первый раз.

— Через неделю уходит караван. Поедешь на прогулку.

Фаина улыбнулась.

— Всегда любила путешествовать.

— Я вечером зайду кое-что уточнить.

— До встречи, — она прикрыла за собой дверь.

Чертова трясушка. Это же надо было так. Руки успокоились. Ладно, пора заниматься своими обязанностями. Капитализм, коммунизм, какая, собственно разница, пожрать любят все вне зависимости от политического строя.

Глава 20. Бедуины наших дней

Вечер. Дождь, отстукивающий размеренный ритм крупными каплями. Молния. Через три секунды слышится гром. Пара километров.

В кармане просвистел телефон, оповещая о новой SMS.

«Такси Жабовоз. Вас ожидает а/м Honda Civic, гос. номер Р407НВ, БЕЛЫЙ»

Быстро выхожу на улицу, пряча голову под капюшоном.

В салоне тепло. Здесь нет икон Иисуса Христа! Пресвятой Богородицы! Николая Угодника!

Знаете что?!

Я е#ал так ехать.

Снова начались трудовые будни. Энтузиазма у народа поубавилось.

Как только выяснилось, что ресурсы ограничены, и, по сути Гипс был перед населением в долгах, как в шелках, многие потянулись забрать хоть что-то.

Гениально. Фаина оказалась права. Немногие устояли перед соблазном взять свою долю здесь и сейчас.

Народ работать привык, а потому и производительность труда снизилась не особенно. Даже наоборот, через несколько дней многие из подсобных рабочих просили перевести их в мастерские. Альт ликовал. Все складывалось очень удачно.

Через несколько дней вернулись торговцы с выручкой и новостями из внешнего мира. Прибыль была неплоха. А вот новости ничем особенно не отличались. Опять воюют, опять грабят и так далее по шаблону грехов освободившегося от норм морали человечества. Все как всегда.

Альт ломал голову над составом следующего каравана.

Первыми в списке шли те, кто остро нуждался в активных перемещениях по кластерам. То бишь, «трясущиеся».

Вторым по значимости аспектом будущего путешествия был заказ. Граждане Великого Юга не стесняясь просили все то, чего в их окрестностях было не достать. Платили щедро и без задержек, а потому сотрудничество было продолжительным и взаимовыгодным. Именно от этих «удавов» Гипс, будучи еще живым, старался прятаться как можно тщательнее. Что там дальше... Запчасти для мастерских. Бизнес, ориентированный на техническое обслуживание всего предоставляемого товара приносил свои плоды. Причем достаточно сочные. На его долю выпадало около семидесяти процентов прибыли со всех торговых площадок Подземелья. Еще бы. Почти монополия. Никто не разбирался в русской технике лучше, чем народ, который собаку съел на ее модернизации и восстановлении.

Ну что, будем комплектовать. Осложнялась логическая задачка тем, что две трети мужского населения поселка были выведены из строя. Половина убитыми, половина — с тяжким ранениями, поцарапавшиеся — не в счет, они уже давно на ногах и резво бегают по своим делам.

Так, что там... Грады, Ураганы, не забыть бы положить партию РКГ-3, на этот инструмент членовредительства спрос растет в геометрической прогрессии. А кидает этого добра много. Все-таки Подземелье — жирный кусок.

Дел было завались и месиво. Альт хватался за голову, стараясь ничего не забыть и как можно меньше накосячить. Отсутствие опыта в подобных делах сыграло с ним злую шутку.

У Гипса все было отработано как часы, и потому спецназовец, ковыряясь в бумажках, усиленно морщил лоб, обмозговывая детали и прикидывая новые нестандартные варианты.

Честно говоря, очень хотелось напиться и забыть все эти хитроумные манипуляции с оборотом товарно-материальных запасов. Мешало одно. Голова была забита именно всем этим дерьмом, и ни на какой раздражитель больше реагировать не хотела.

Наконец наступил день X. Альт, не без помощи его ближайших соратников, все-таки смог достойно укомплектовать караван. А как оно получилось на самом деле — покажет опыт миграции по кластерам. Так сказать, обкатка в полевых условиях.

Фаина и Рыбник уходили в первый раз посмотреть мир. На каждом из них лежала своя специфическая задача.

Знахарь, в прошедшем времени достаточно успешный коммерческий директор, обязан был провести ревизию участков, которые должен посетить паровоз, в основном состоящий из тяжелого вооружения и солидного боекомплекта.

У Фаины тоже была цель — как бухгалтер-аудитор она была обязана хотя бы бегло просмотреть отчетность и вынести вердикт о достоверности данных. В помощь к ней отряжался хороший друг Альта — Щорс, очень неплохо разбирающийся в номенклатуре.

Ох, чуёт моя задница, наведут эти двое шороху. У бывшего бойца группы «А» было прекрасное настроение. Хотя и многого он не успел понять в административной работе, но усвоил одно — без таланта руководить узкоспециальными способностями некоторых граждан все пойдет прахом. Потому что не может один человек знать и уметь все. А также везде успевать.

Так что, простите, дорогие жители, буду эксплуатировать вас в хвост и в гриву. Но переживать не следует, деятельность сия ведется далеко не на добровольных началах.

Альт тем временем займется тем, что у него получается лучше всего — планировать эффективную оборону стаба. Эта болевая точка зудела прорывающимся нарывом и не давала ему покоя очень давно. Пора ее залечить.

Ручные монстры — это очень хорошо, но жаркое лето, спрятанное в противотанковых фугасах и артиллерийских установках — еще лучше. Добавляет уверенности в завтрашнем дне.

Альт стоял у выхода из ангара. Колонна, состоящая из бронетехники, артиллерии и нескольких тралов медленно исчезала за горизонтом. От души отлегло. Собрал. Отправил. Все будет отлично.

Фаина сидела в автобусе, переделанном местными умельцами в транспорт безумного Макса. Слава богу, сидения остались мягкими. Без шипов. За окном проносились частые сменяющиеся пейзажи полей, холмов, раз даже заехали в зимний кластер. Что ж, своеобразный мир. Очень интересный. И опасный до дрожи в коленях.

Помимо женщины в этом монстре ехало еще около десяти человек. Таких же бесполезных, как и она сама. Были среди них и Балерун с Рыбником.

Знахарь увлеченно занимался переводом с английского, ажурно матерясь сквозь зубы.

— Слушай, Рыбник, ты что там делаешь?

Балерун, он же Антон, встал, меняя сидение. Устроился рядом с Ярославом.

Расположение Фаины позволяло ей свободно слышать их приглушенный разговор, но она сидела спиной, а потому решила без лишней надобности не вступать. Молчание — золото.

— Записи из лаборатории. Занятная штука, конечно, но не могу ничего понять.

— Почему? Ведь у тебя же есть словарь?

— Здесь много медицинских терминов. Для этого нужна специфическая литература.

— Ну так отложи, сейчас в Эль-Рияд заедем, там все, что хочешь найти можно. Не ломай мозг. Ни к чему хорошему это не приводит.

— Здесь есть информация по поводу Вовчика.

Фаина как можно сильнее напрягла уши. Тварь была исключительным питомцем. Умным до безобразия и очень понятливым. А потому, любые сведения, что касались объекта 3009, вызывали у женщины нездоровый интерес.

— Здесь написано, что его геном — сборный, то есть наш Вован является мутантом изначально. Да еще и паразит над ним круто поработал.

Фая, не удержавшись, повернулась к мужчинам. Жаль, что ее терпения хватило ненадолго.

— Там про яд, который я ежедневно так тщательно собираю, ничего не упоминается?

— Вроде как есть в нем что-то от ядовитой медузы...

Женщина, отвернувшись, мгновенно потеряв всякий интерес к беседе. Даже у самых опасных медуз яд преимущественно нейро-паралитического действия. А вот голубоватая жидкость, которую сцеживает объект 3009 если и имеет такое свойство, то как кислота работает намного эффективнее. Странный все-таки этот паразит.

— Здесь есть упоминания об антидоте. Смотри: «... сохранение нейронных связей при отсутствии введенного антидота..»

— Здесь есть намек на существование вакцины?!

— Видимо, да. Не могу разобрать больше половины текста.

— Никому пока не говори, — Балерун быстро стрельнул глазами на лежащую на коленях Рыбника тетрадь, повернулся к другим «бесполезным». Помимо Фаи здесь была и другая компания людей, брать которых в вооруженный поход себе дороже. Те не обращали на «святую троицу» никакого внимания, увлеченно играя в карты и участвуя в совсем другой линейке разговора. — Фая, ты поняла?

— Да поняла, не тупая. — Женщина даже не потрудилась развернуться к собеседнику. — Никому не скажу.

За окном проносился степной пейзаж, и мысли Фаины были под стать густоте растительности в данной экологической зоне. Такие же редкие и пустые. Гипс мертв, она отомстила, что дальше-то? Скука. Контейнер с потрохами, которые ей повезло найти в первый день пребывания в Улье, лежал в сумке, ожидая своего часа. Фаина еще не знала, на что потратить это богатство. Ясное дело, стоит открыть какой-нибудь бизнес. Но вот какой?

Решения нужно принимать взвешенно, а потому женщина не торопилась определять с будущим направлением своей деятельности.

В хвосте автобуса дремал Вовчик. Катерину Фая с собой не взяла, оставив на охрану Подземелья. Хоть Альт и упирался словно баран, доказывая, что батарея «солнцепеков» эффективнее любого монстра, женщина осталась при своем мнении. Катенька уже напутешествовалась, уйдя без предупреждения в двухнедельную прогулку по близлежащим кластерам. Сколько нервов было потрачено, не описать. Зато как только Фаина ее почувствовала — радости не было предела.

Вовчика же она решила взять с собой по нескольким причинам. В первую очередь, мутант был очень молод, и поэтому просто обязан мигрировать по кластерам, выслеживая добычу и усиленно питаясь. Во-вторых, он был умен и реально оценивал силы противника, в

дальнейшем проводя анализ для максимально эффективных ударов. В-третьих, Вовчик умел маскироваться. В стабе это умение дорогого стоит. Гораздо спокойнее ходить по улицам арабского города, зная, что где-то рядом у тебя есть хищный телохранитель. В общем, плюсов достаточно, а потому было принято решение — зверюге в караване быть.

Мысли перекрыла картинка. Стая, состоящая из шести особей, планомерно двигалась навстречу каравану. Через несколько секунд Фаина тоже их почувствовала. Еще одна выигрышная черта в объекте 3009 — его личная РЛС имеет большой радиус.

Женщина пробралась в головную часть автобуса, досконально объяснив водителю сложившуюся ситуацию.

— Могла бы и покороче, — тот взял рацию, коротко доложив голове колонны о засаде.

Автобус шел ровно посередине змеящегося вдоль дороги каравана. Сцену схватки разглядеть не удалось. Зато прекрасно можно было услышать. Собственно, уловила Фаина только непродолжительный стрекот «корда», стреляющего короткими очередями. Жители поселка не мелочились, закливая крупнокалиберные патроны даже для мелких монстров. Надо признать, колонна даже не потеряла скорость, расстреливали притаившуюся стаю, по всей видимости, на ходу.

Холодный лунный свет бросает редкие голубоватые блики на тянущуюся бесконечной лентой дорогу. Путь тянется вдоль невысокой пологой насыпи. На лице омолаживающая маска из желе. Теплая.

— Вовчик, отвали.

Фаина недовольно повернула лицо прочь, пытаясь уловить остатки приятных сновидений. Это было роковой ошибкой. На ноги опустились тяжелые колодки, которые начали в достаточно быстром темпе проворачиваться, кроша и выворачивая суставы.

— Аааа, бл#ть! — она подскочила. Проснулась. С добрым утром дорогая! Где-то на границе сознания похихикивал инквизитор в темно-красной холщовой мантии, поправляя веревочный пояс сутаны и скаля из-за угла клыкастую нечеловеческую пасть. То ли еще будет.

— Да что за жизнь-то такая! — с отчаянием в голосе захныкала женщина, возвращаясь в мир сурового реала.

Проснулся весь автобус. За исключением водителя. Тот лишь вздрогнул, и зябко поежившись, еще крепче вцепился в руль, напрягая глаза. Происходящее в салоне его не касалось. Или же?

— Фая, что там?

Несколько секунд женщина сидела в прострации, через некоторое время взгляд прояснился

— Е*?:% 3,14 %№!!! Четыре крупные твари. На три часа. У нас пять минут.

Шофер быстро схватил, рацию судорожно докладывая. Вся колонна мгновенно остановилась. Автобус с «бесполезными» и некоторый другой транспорт «бытового» назначения съехал с трассы по пологому склону, освобождая проезд двинувшимся в противоположном направлении БТР..

Недеспособные средства передвижения загнали в тыл, бронетехнику быстро скомпоновали, обеспечив первую линию обороны. Второй ряд составили из пикапов со спаренными пулеметами, на дороге осталась лишь артиллерия и несколько снайперов, прикрытые двойным кольцом обороны. Ближний бой — не для них.

Фаина металась по автобусу, пытаясь найти покой. Она каждой клеткой тела

чувствовала приближение тварей, их ярость и голод. Ощущения не из приятных. А еще было страшно. Один крупный мутант, и трое у него на побегушках. Элита на побегушках! Многотонный монстр, старожил Улья и главная головная боль всех изменившихся на неделю пешего пути.

Нельзя. Нельзя допускать даже мысль о том, что караван не потянет этот бой. Но почему же страх так противно ворошит нутро, смерзаясь ледяным комом?

— Рыбник, водка есть?

Знахарь дрожащей рукой медленно протягивает початую бутылку прозрачного стекла. Ему тоже не по себе. Однако.

Вовчик забился в дальний угол, ни под каким предлогом не собираясь вылезать из своего укромного местечка. Трус. Губы, рот, глотка, весь ЖКТ — все горит огнем, изнутри бьет неприятный запах спирта. Так-то лучше. Пустой желудок жадно поглощает алкоголь, гоняя пресловутые промилле по жилам. А вот и до нервишек доперло. И стадия пофигизма пошла в актив. Лучше, тише. Спокойнее. Она уселась в кресло, блаженно прикрыв глаза.

Тем временем стая приближалась. Мутанты не обратили внимание на то, что караван успел как следует подготовиться. Атаковали в лоб.

Хорошо, что с мозгами у тварей дела обстоят не лучшим образом. Ну кто поперет на линию БТРов? Верно, идиоты. И это неплохой плюс в общем счете схватки.

Первый залп по монстрам дала артиллерия, один, получив тяжелое ранение, свалился, вяло перебирая остатками конечностей в направлении обороняющихся.

Трех других даже не зацепило. Не останавливаясь, лишь с невероятной скоростью уваливая от летящих в них снарядов, мутанты продолжали приближаться. Защитники стреляли из всего, что только возможно. Дохлый номер. Слишком быстрые. Слишком матерые.

Солдаты, оборудовавшие позиции под прикрытием бронетехники безуспешно закидывали атакующих тварей гранатами, грохот стоял невероятный.

Фаине было все равно. Алкоголь начал действовать, погружая сознание в блаженное забытие. Бутылка водки залпом, и хер с ними, с проблемами. У элиты очень сильная психоэмоциональная защита, женщине с ее только-только начинающим развитие даром, они не по зубам. Пусть все идет своим чередом. Значит, так нужно.

Твари, наконец добравшись до бронетехники, устраивали на месте битвы веселую пирушку. С легкостью опрокидывая тяжелые машины, убивая и калеча защитников. Рядом со одним из мутантов разорвалась граната. Казалось бы, что тот не обратил ни малейшего внимания. Но нет. В ярости он поднял БТР в воздух, бросив его в самое большое скопление солдат, тщетно пытающихся подавить атакующих. Кусок покореженного металла приземлился точно там, куда планировала попасть тварь. Пятна крови и душераздирающие крики, заглушаемые взрывами и непрекращающейся стрельбой. Прекрасно. Жжжалкие людиш-ш-ш-ки. Неужели вы действительно верите, что сможете отбиться?

Бойцы первой линии, точнее их остатки, спешно меняли позиции. Со второй линии в унисон стрекотали пулеметы.

Один из мутантов возился, доставая начинку из очередного бронетранспортера. Острыми, словно ятаган когтями, не торопясь, полосовал стальные листы. Но что-то пошло не так. Приоткрылся люк, из которого вылез цельный кусок мяса, быстрым движением закинув в рот небольшой цилиндр.

Цилиндр, или...?

Мгновение, и тварь, по глупости замешкавшаяся с неприглядного вида жестяной банкой тушенки, взорвалась тысячами ошметков костей, мозгов и кое-чего еще, не особо приятного на ощупь.

Снайперы, засевшие в рядах артиллерии, начинали понемногу психовать. Мутанты быстры, из тяжелой винтовки никак не удастся попасть в споровик. И это обстоятельство напрягает не на шутку. Скоро, совсем скоро кровожадные порождения Стикса будут рядом. За спинами защитников — те, кто спрятался в тылу. «Бесполезные», но очень и очень нужные люди. Больше их прикрывать будет некому. Выстоят ли пулеметы? А кто их знает... Но половину уже осилили. Минус два.

Самая крупная тварь, игнорируя вторую линию обороны, рванулась к артиллерии. Ее телодвижения были явно замедленны, очевидно, «подарки», которыми караван щедро угощал незваных гостей, без взаимности не остались. Один из защитников, направил в глаза твари яркий луч фонаря, отвлекая внимание. Две секунды. Пока исчадие ада соображало, что делать, рокируя в тугодумной башке приоритеты, снайпер, не растерявшись, все-таки достиг цели. Минус три.

Последний мутант, молниеносно осознав одиночество, кинулся подавлять того, кто смог убить Вожака. Именно. Тот, от кого исходила самая большая опасность. Снайпер. Подлетев за какие-то секунды, монстр быстро, не отвлекаясь на другие раздражители, порвал снайпера в клочья.

Чтобы потом почти в упор напороться на дуло старушки «акации». Все.

Кончено. Не без потерь, но отбились. Мясное крошево — это то, что будет украшать отрезок дороги ближайшие сутки.

А что там с трофеями?

За весь путь до Эль-Рида произошло пять нападений. Три стаи — мелкие, их подавление не составило охранникам особого труда. Две другие попытки произошли ночью, и на этот раз мутанты были вполне себе серьезными тушами, завалить которые только с помощью пулемета с первого раза не получилось. Потрепали караван знатно.

Вовчик каждый раз предупреждал об опасности, выдавая картинкой количественный и качественный состав нападающих, а потому у обороняющихся зачастую было в запасе около пяти минут, чтобы подготовиться.

На следующий день колонна зашла в Эль-Рид.

Вездесущее светило Улья стояло в зените, когда длинный, как кишка караван въехал в ворота стаба, напоминающего фрагмент сказки «Тысячи и одной ночи». Арабы, скооперировавшись, не пожалели ни сил, ни времени, чтобы отстроить городок с элементами классической восточной архитектуры. Здесь не было небоскребов и других атрибутов современности. Роскошные особняки высотой максимум в три этажа и величественные мечети, высокие колокольни и пение муэдзинов, созывающих верующих на молитву. Очень красиво. Фая с интересом разглядывала город. А вот Рыбник с Балеруном благополучно этот момент проспали. Ничего, насмотрятся еще.

В своей жизни на Земле, ничего, кроме русской природы, женщина не видела. Володька был тем еще жлобом и никогда не поддерживал Фаиных идей «посмотреть мир». «Чего ты там не видела, такие же люди, как и везде». Бесполезные попытки объяснить мужу, что туризм имеет своей целью осматривать достопримечательности, а не население, ни к чему не приводили. Без толку. Фая вздохнула. Нет, то, что женщина попала в Стикс, было большой удачей. По крайней мере, до этого момента. А там посмотрим, как карта ляжет.

Колонна заехала на стоянку. Автобус, в котором находились «беспользные», наконец-то остановился. Люди поднялись и стали собираться на выход. «Святая троица» покинула транспорт в последнюю очередь. Спешить им было некуда. Вторую половину дня отвели на отдых от дороги. Лишь Вайпер, человек, занимающий должность главы торгового представительства, должен был идти «на поклон» в администрацию Эль-Рияда.

Фаина ему не завидовала. Даже после непродолжительного путешествия хотелось как следует отмыться и поесть по-человечески. Что касается ее обязанностей, завтра утром они с Щорсом должны будут посетить несколько торговых точек, напрямую подчиняющихся поселку.

Балерун приставлен к какой-то лавчонке, промышляющей скупкой металлолома у рейдеров. А Рыбник — знахарь, а потому был обязан работать на благо поселка, освещая своим присутствием резиденцию для круглосуточного приема страждущих.

Для большей комфортности своих сотрудников, ну и, естественно, из соображений экономического характера, Гипс выкупил в Эль-Рияде три больших особняка для размещения путешественников. В основном они пустовали, и когда помещения были свободны, сдавались все тем же рейдерам за сравнительно небольшую арендную плату. Караван ждали, а потому посторонних в коттеджах не было. Администратор тщательно позаботился, чтобы приезжим жителям поселка никто не мешал.

Фаине ввиду особого положения на счету Альта выделили просторную комнату. Было с чем сравнивать. Подземный бокс с этой царской резиденцией рядом не стоял. Женщина, бросив свой походный рюкзак у двери, подошла к застеленной узорчатым шелком трехспальной кровати... и плюхнулась в этого монстра фантазии любвеобильных арабов. Повернув голову в сторону входа, негромко позвала.

— Ты где, Вовчик?

— Мне эта кровать тоже очень нравится, — она поймала мысленный посыл мутанта, и повернув голову увидела, что тот уже лежит рядом с ней, раскинув лапы и сбрасывая маскировку. Вообще-то его не приглашали. Ну да ладно.

Открылась дверь, на пороге стояла красивая девчушка с подносом в руках. Большие голубые глаза и длинные, ниже лопаток волосы, пока еще не скрытые платком от посторонних взглядов, говорили о том, что она еще не вошла в пору зрелости. Монстр, вольготно раскинувшийся на кровати рядом с Фаиной, и не думал исчезать. О том, что в гостинице будет жить мутант, персонал был предупрежден. Девочка, не отрывая взгляда от отвратительного на вид зверя, прошла в комнату, поставила еду на столик, поклонилась и попятилась к выходу.

— Спасибо, дорогая.

— Пожалуйста, — с еле отличимым акцентом сказала девочка.

Все еще находясь под впечатлением от увиденного, она споткнулась, запутавшись в длинной юбке. Удержать равновесие стоило ей титанических усилий. Опять поклонилась.

— Он не такой страшный, как кажется. Хочешь погладить?

Напоминавшая желе кожа Вовчика не вызывала желаний к нему прикоснуться. Но служанка все еще была ребенком. Детей хлебом не корми — дай пощупать диковинную зверюшку. А еще пообнимать и притащить домой, чтобы мама с папой порадовались.

Девчонка немного задумалась, потом неуверенно подошла, протягивая руку.

— А он не кусается.

— Нет. Вовчик вообще душка.

Пока ребенок всю тискал монстра, Фаина, поднявшись с кровати, уселась на деревянный украшенный характерной тонкой резьбой табурет.

— А он кушать хочет?

— Вовчик, ты голодный?

Мутант, не утруждая себя посылком образа, просто кивнул. Дитяtko поднялось и резко выбежало из комнаты.

— Мне кажется, сейчас тебе принесут вкусняшку.

Фаина взяла ложку и с удовольствием принялась за еду. Горячая похлебка из баранины была жирновата, но в целом, вполне неплоха. Лишь бы это была действительно баранина.

Помимо основных блюд на столе стояла огромная тарелка со сладостями и сухофруктами.

— Фаина, я бы посоветовал вам открыть кондитерскую.

Женщина оторвалась от еды и ошарашено посмотрела перед собой. Напротив нее сидел мужчина в строгом черном костюме. Вид тот еще, диковат. Взгляд первым делом зацепился за глаза. Без зрачков и радужки. Полностью черные, слегка покрытые белесой пеленой. Матовые. Жуть-то какая. Тем временем он продолжал.

— Я бы посоветовал вам не терять время и собрать рецептуру местных сладостей.

Фаина оглянулась на Вовчика. Тот по-прежнему лежал на кровати, безучастно ожидая обещанное лакомство. Повернув голову, женщина уставилась на пустое место. Мужчина исчез.

К комнату опять влетела девчушка, неся в большой плетеной корзинке куски мяса. Мутант плавно сполз с царского ложа на пол и уставился на ребенка в ожидании подкормки. Она засмеялась, вытащила подношение и аккуратно протянула руку забавной зверюшке.

Ага. Большинство населения планеты Земля считает панду добрым мишкой, вот только объект 3009 с какого ракурса ни глянь — ощущения няшности не вызывал. Вслух же Фаина сказала совсем другое.

— У вас случайно нет постояльца. эээ... с черными-черными глазами?

— Нет. Все, кто сейчас находятся здесь пришли с караваном.

— Ясно, — женщина с тоской посмотрела на улетающего за обе щеки монстра.

Может, у нее галлюцинации? В еде грибов вроде не было, но хрен знает этих арабов...

Хотя если посмотреть с другой стороны, совет этого странного человека может оказаться очень даже дельным.

Отгоняя от себя неприятные мысли, Фаина продолжила трапезу.

Рыбник долго искал лавку, про которую говорил администратор гостиницы. Хорошо, что помыться и пообедать он успел. Через пару часов сядет солнце, а знахарь все еще не нашел искомое.

Вывески мелькали арабской вязью, напоминающей кракозябры врачей государственных поликлиник. Нашел.

Справа от него показался скромный указатель, единственный на всей улице, написанный хорошо знакомым русским языком «Книги». Ускорив шаг, Рыбник, ощущая огромное облегчение, двинулся в ту сторону.

Полумрак магазина встретил приятным холодом. В помещении работал мощный кондиционер. Резкий резонанс с тридцатиградусной жарой в городе заставил знахаря остановиться. Блаженство. Несколько секунд он так и стоял, наслаждаясь прохладой торговой лавки.

Все помещения, где хранится сколько нибудь печатной продукции, имеют свой неповторимый аромат. Магазины не были исключением из правил. Бизнесом уже около трех лет заправлял русский эмигрант с забавным именем Червь. Давным-давно, еще на Земле он был библиотекарем. Просуществовав некоторое время в Улье на ролях второстепенного рейдера, плюнул на все, взял неподъемный кредит и открыл лавку, которая неожиданно быстро начала пользоваться популярностью у местного населения. Несмотря на широкий спрос на литературные издания, Червь только полгода назад рассчитался с займом, порядочно переплатив банку за проценты.

— Ты прохлаждаться пришел, или по делу?

Откуда-то из темного угла донесся насмешливый скрипучий голос. Послышались торопливые шаркающие шаги, и перед Рыбником оказался хозяин лавки. Красавчиком он не был. Колючие серые глаза, сивая неаккуратная борода, клочьями торчавшая во все стороны, довершал образ глубокий шрам, протянувшийся от левого глаза, разделяющий щеку на две половины и теряющийся где-то в буйной растительности.

— Здравствуйте, — Рыбник старательно пытался быть вежливым. Внешность заправляющего здесь мужика уродливой не была, но что-то сильно отталкивающее все равно присутствовало, — мне нужен англо-русский словарь медицинских терминов.

— Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, — продавец развернулся на пятках и пошел в сторону протянувшихся по всей стене стеллажей с книгами.

— Было, было, нет, не здесь, аааа, чертов Крыс, опять все переставил.

Мужик неспешно прогуливался вдоль полок, читая корешки с надписями высматривая искомое.

— Крыс, иди сюда, — гаркнул он.

Рыбник, решив что эта эпопея затянется на определенное время, сел в одно из кресел. Давно он столько не ходил. Ноги ныли, напоминая их владельцу о своем существовании.

— Крыс, мля, где ты там?! — еще громче позвал Червь.

— Иду-иду, — в глубине помещения раздался звонкий мальчишеский голосок.

— Что там, бать?

— Англо-русский словарь медицинских терминов.

— Так продали еще две недели назад.

— А почему ты мне не сказал?

— Так вона, я в список включил, рейдеры через два дня принести должны.

Червь повернулся к Рыбнику. Глаза смотрели устало, он задумчиво почесал бороду.

— Значит так. Придешь через шесть дней. Если Крыс сказал — через два — смело можешь умножать на три. — он посмотрел на паренька. — Все тебе будет.

— А сколько стоит? — знахарь, не растерявшись, решил сразу уточнить цену на товар, потому что приходится сюда в третий раз по причине нехватки средств ему особо не улыбалось.

— Шесть споронов.

Рыбник открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Червь, не дав ему произнести ни звука, пояснил

— Литература специфическая, да и книги — габаритный товар. На горбу много не унесешь.

— Я понял. До свидания.

Рыбник, попрощавшись, повернулся к выходу.

— Заходи еще, — на грани слуха он ощутил еле слышимый голос Червя.

— Обязательно, — пообещал Рыбник. Еще бы. Словарь ему сейчас ой как нужен.

— Так это что получается, что Жук лошадь пряниками кормит?

Щорс, быстро посмотрев на Фаину, молча кивнул.

— Что делать будем?

— За яйца подвесим.

— Нет, не подходит, — женщина, на секунду задумавшись, покрутила пальцем прядь черных волос, — нужно проверку на складе устроить.

— Послушай, проверка даст те же самые результаты. Не будет реактивных снарядов. Жук вылупит глаза и скажет, мол, пересорт.

— Да тут только меня, дуру, которая не разбирается в маркировке боеприпаса, вокруг пальца обвести можно... куда Гипс смотрел?!

— Я боюсь, он тебе этого не скажет.

— Эй, Жук, — Фаина с раздражением в голосе позвала управляющего.

— Что?! — на пороге небольшой комнатухи, где засели женщина и Щорс, обложившись бумажками и ковыряясь в них уже битых четыре час, появился здоровый рыжий детина нагловатого вида.

— Миленький, а расскажи-ка нам, почему за прошлые полгода было продано всего лишь десять реактивных снарядов, а?

— Ну так, не берут...

— А зачем администрация у нас «Грады» заказывает? Они говном стрелять не умеют.

— Конкуренция...

— Да?!

— Да.

— Хорошо, Конкуренция. На складе пересорт есть?

— Сплошной!

— Наверное вместо боезапаса на РСЗО минометные снаряды?

— Как вы догадались.

— Да тут гением быть не надо, — в разговор вмешался Щорс.

— Так они грузят что попало, потом отвечай..

— А кто у вас ответственный за прием товара?

— Я.

— Почему не проверяешь?

— Некогда. Быстро разгрузили, я расписался и адью.

— Жук, ты нам лапшу на уши не вешай, в Эль-Рияде караван всегда останавливается минимум на неделю. За это время все содержимое ящиков можно перебрать до последнего винта.

— Я не понимаю, вы меня в чем-то обвиняете?

— Какой догадливый, — Щорс прищурился.

Рыжеволосый Жук ехидно ухмыльнулся.

— Вы ничего не докажете.

— А вот это спорный вопрос, — Фаина парализовала управленца, послала Вовчику образ черных армейских ботинок.

Из пустоты на ногу Жуку полилась тонкая струйка голубоватой жидкости с едким химическим запахом. Она легко прошла сквозь толстую кожу обуви, носок, добралась до

розовой плоти. Женщина перестала держать мужчину в оцепенении. Как только она отпустила заведующего складом, тот закричал во всю мощь легких, хватаясь руками за поврежденную конечность. Ничего хорошего из этого не вышло — органические соли неведомой отравы были не менее опасны, руки моментально покрылись волдырями.

— Не ори, кишки застудишь, — Щорс был невозмутим. Действительно, демонстрация силы гораздо эффективнее угроз. — А теперь слушай внимательно.

Жук, тихонько скуля, застыл. Фаина не удержалась от ядовитого комментария.

— Будешь выпендриваться, в следующий раз кислота прилетит тебе в глотку.

— На все это дерьмо, — Щорс обвел руками кипы бумаг. — на данный момент мне насрать. — заглянул в глаза управляющему. Продолжил. — На первый раз мы тебя прощаем. Но помни. Тебя уже поймали. Последнее китайское. Все понял?

Жук стоял на одной ноге, опираясь на косяк. Лицо изуродовала гримаса боли. Но, по всей видимости, слушал он не очень внимательно. На вопросительный взгляд Щорса быстро закивал, хрипя нечто нечленораздельное.

— Вот и ладушки. Свободен. Фаина, — повернулся он, уже обращаясь к женщине. — Больше нам здесь делать нечего.

Ревизоры встали, и быстро обходя прыгающего на одной ноге Жука, засобирались к выходу. На улице стояла прекрасная погода. Город был красив. Женщина подставляла лицо ласковым солнечным лучам, щурясь от их ослепительной яркости.

— Ты здесь не в первый раз, не так ли? — Фая, решила попользовать Щорса на полную катушку.

— Да.

— Покажи мне город.

Рыбник четвертый день сидел в своей приемной. Времени было много, посетители заходили нечасто. Два раза навещал Балерун. Узнать как дела. Скорее всего, просто из вежливости. Или со скуки. Через два дня он заберет нужную книгу, и тогда... Что тогда? Иммунных станет больше? Смысл? Знахарь пока еще не догадывался, что совершите революцию в научном мире Стикса суждено не ему.

Дни тянулись медленно, неторопливо, лениво ворочаясь, день-ночь, день-ночь..

Фаина не особо скучала. Было некогда. Пять торговых точек. Кипы отчетности. Сотни пунктов номенклатуры... Хорошо, что помогал Щорс. Для нее, не служившей в армии, тема оружия была темным лесом. Они справлялись. Сначала медленно, но понемногу дела пошли на лад. В каждом магазинчике повторялась одна и та же песня — пересорт товара, подмена дорогостоящего на более дешевый.

Им явно не хватало хорошего бухгалтера. Открытием это не было. Обычно люди, выбравшие своим жизненным призванием подсчет чужих денег, не являются суперменами. Зачастую это толстые тетки в очках на пол лица, вечно брюзжащие и ничего кроме как стучать пальцами по клавиатуре не умеющие.

Фая могла бы предложить более двух десятков полулегальных схем, к которым не покопаешься, без образования и специфических навыков.

Два последних дня стоянки торгового каравана были отчасти свободными, и женщина с удовольствием посвятила их прогулкам по городу.

Черный человек в Эль-Рияде больше не появлялся, но его совет Фаина взяла на заметку, чем и заняла весь остаток времени пребывания в одном из красивейших городов Улья. Вполне возможно, он был прав, а потому бесцельно тратить часы, валяясь в огромной

кровати, пусть и застеленной шелком по самое изголовье, женщина не стала. Движение, Фаечка, движение.

Перенос в Улей дал много плюсов — жизнь женщины стала разнообразнее, наполнилась давно забытыми эмоциями. Огонь, до того момента погасший в ее глазах, заиграл новыми сочными красками. Но был один жирный минус — зачем жить? Смысла в постоянном беге она не видела. Нужна цель. А где она? Со смертью Гипса основной раздражитель исчез, и голова откровенно скучала по антогонисту, не дающему размеренно и спокойно существовать. Враги держат нас постоянно в тонусе, не так ли?

Сходила с Рыбником в книжную лавку забрать словарь. Червь, несмотря на солидные знания в области художественной литературы, оказался посредственностью и занудой. Отчаянно не хватало пищи для ума. Набрав себе в запас несколько книг, женщина радовалась, словно ребенок. Наконец-то. Будет чем занять голову некоторое время.

Прилично опустошенный, ровно через неделю караван двинулся в Багдад. По всей видимости, на этой территории подгружались кластеры из арабских стран, поскольку на этот раз унылый пейзаж пустынной земли вдоль маршрута следования автоколонны и не думал сменяться в лучшую сторону. Скука. Разбавляли впечатления нападения мутантов. И чем они только питаются на этих скудных землях? Один раз отбились на ходу. Еще один — колонна останавливалась, чтобы отразить удары с тыла. Скорость у пустынников была приличной, как и ниша в пищевой цепочке. Бегунов здесь не было. Элита и руберы. Быстрые, сильные и выносливые. Зачастую появляясь с запада, они догоняли караван в течение получаса. Без потерь и в этом переходе не обошлось. У Рыбника появилась работа, которую выполнять нужно здесь и сейчас. Автобус на скорую руку еще в прошлом переходе превратившийся в походный госпиталь, уверенно отмерял километры бесконечной дороги. Времени у знахаря заниматься желанным занятием к сожалению и на этот раз совсем не осталось. Хорошо, что были помощники, немного смыслящие в полевой хирургии. Куда деваться — вытаскивать осколки от своих же снарядов кому-то нужно, а в одиночку Рыбник ни за что бы не справился. Балерун служил наглядным анатомическим пособием — рука, в свое время повзаимствованная у трупа неиммунного, напоминала конечность Халка. Смотрелось это немного комично — массивный кулак, украшенный костяными наростами и увенчанный черными когтями, не вписывался в комплекцию щуплого мальчишеского тела паренька.

Но мужчины, порядком покалеченные в стычке, были готовы приобрести такой знак отличия, лишь бы не валяться несколько месяцев бесполезным обрубком. Красная жемчужина, съеденная знахарем после нападения атомитов, сделала свое дело — запаса сил Рыбника хватило на трех человек. Потом — знакомая чернота отключки и красочные бредовые сны. Впрочем, восстанавливать части тел на этот раз понадобилось ровно трем представителям активной обороны каравана и никто без внимания не остался.

Руководство автоколонны не брезговало ценными потрохами — споровые мешки тварей были опустошены подчистую. Потеряли четыре САУ, количество уменьшившегося боезапаса вовсе подсчету не поддавалось. По крайней мере, моментальному. Когда караван зайдет в стаб, все детально будет записано в отчет. А пока Вайпер мысленно хватался за голову, подсчитывая убытки. Честно говоря, для отражения такого массированного нападения вывод из строя десятка бойцов и самоходок фатальными не были. Да и количество ценного хабара окупало все затраты. Вот только нервы, потраченные в попытках отбиться не вернешь. Зараженные слетались на рокот моторов колонны как пчелы на мед, предвкушая

королевскую трапезу. То, что караванщики были хорошо вооружены, монстров не особо смущало. Вовчик, распластавшийся рядом с водительским сидением, теперь напрямую посылал образы водителю. Тот по рации делал запрос руководящему, после чего уже по другим транспортам активно обсуждалась тактика противостояния. Кто предупрежден, как говорится....

Еще неделя в Багдаде. Плановые ревизии Фаины и Щорса, все тот же результат. Управляющие торговыми представительствами воровали, не стесняясь. И не пытаюсь хоть немного подделать более менее достоверную отчетность. Женщина даже немного разочаровалась. Ну ведь должен попасться хоть один умый и хитрозадый. Ан нет.

На третий день в комнату, где расположилась Фаина, постучали.

— Открыто.

Женщина не имела обыкновения закрывать дверь, поскольку Вовчик охранял ее покой лучше любого телохранителя. И зачастую старался не мозолить глаза, накидывая маскировку.

На пороге стояли Рыбник и Балерун. Счастливые. Довольные.

— Вам что, миллион отвалился?

Мужчины быстро прошли в комнату, плотно закрыв за собой.

— Как у тебя тут со слышимостью?

— Как в бункере.

— Отлично, — знахарь прошел внутрь, на ходу доставая из сумки записи — Я перевел. Половину.

— А почему не все? — брови женщины поползли вверх.

Удивлена. Но не сильно. Она помнила разговор в автобусе, а потому полагала, что мужчины, скорее всего, добрались до рецептуры вакцины.

— Потому что дальше читать этот бред сумасшедшего ученого смысла нет.

— А где он есть?

Рыбник, перелистывая тетрадь, нашел нужную страницу. Показал Фае.

— Что это?

— Химическая формула вакцины.

— На амфетамин похоже.

Друзья опарашенно воззрились на женщину.

— Что я такого сказала?

— А откуда ты знаешь молекулярную структуру амфетамина? — Балерун, преодолев секундный ступор, задал закономерный вопрос.

— Я много чего знаю. И ЛСД тоже могу сострять. Тут в другом загвоздка. Смотри.

Она показала пальцем на участок чертежа.

— Здесь — непонятный хвост из органического соединения, название которого тебе скажет только практикующий химик. И получить этот хвост, я думаю, будет нашей основной загвоздкой. Еще присутствует элемент Mg, я не знаю, что это. Создать основу моих умений хватит, а что делать с этим дополнением — не знаю. Наверняка в лаборатории, где ты взял эту тетрадь, найдутся сведения. Могу предположить, этот хвост синтезируется отдельно, а потом азотное производное замещается в определенных условиях. Каков будет выход полезного вещества — вообще загадка. Здесь не доподлинно ничего не известно. Во-первых соединение с большой долей вероятности будет неустойчивым, поскольку идет сильный перекос вот этой ветки....

— Подожди, — Рыбник наконец подал голос. — То есть ты говоришь, что это реализуемо? В записях значится, что вакцина очень дорога в производстве и срок ее хранения не превышает одной недели.

— Вполне вероятно. Даже если налажено промышленное производство амфетамина, при идеальных условиях можно получить от двух до шести различных фракций.

— А может ты нам ЛСД сварить? Побольше. А то голова пухнет. — Балерун, не сильно разбирающийся в химии, мало что понимал в Фаиной тарабарщине. Зато Рыбник слушал очень внимательно.

— ЛСД в кастрюле не сделаешь. Тут нужно специализированное оборудование. И вообще я уже ничего не помню, давно это было, — желание блеснуть интеллектом перед мужчинами грозило вывернуть наружу ее неприглядное прошлое. О котором лучше умолчать. Хотя бы до поры до времени. — Такую наркоту лучше искать в городских кластерах.

— Ага, в Пекле, например.

— Почему бы и нет, кстати, а как они паразита назвали? — Фаина решила, что разговор лучше повернуть в другое русло.

— Десколадой, — Рыбник про себя тоже отметил, что столь будоражащую разум Балеруна тему с ЛСД лучше закрыть.

— Странно... гриб и женским именем.

— Это потому, что он, в первую очередь выгрызает мозг.

— Смешно, — Фаина не знала, как ответить на язву. Вообще язык, не умеющий вовремя остановиться — хуже диверсанта.

— Расскажи об этом зараженным. У них, кроме вечного голода пропадают практически все знания и навыки.

— Я не могу помочь всем.

— То-то же, а вот если мы сделаем вакцину... - лицо парнишки приобрело мечтательное выражение.

— То Подземелье озолотится, а зараженных меньше не станет, — женщина не стала поддерживать радужные бредни друга о светлом будущем. Альтруисты в Стиксе не живут. Хотя бы потому, что им тоже надо чем-то питаться и содержать себя. Желательно в мягкой-мягкой постели и с полным холодильником пива. Был бы здесь Интернет, так и вообще... — Кстати, а что там о побочных эффектах написано? Ведь должны же быть, по идее.

— Да вроде как испытания показали эффективность в 92 % случаев, побочных нет, но есть маленькое но: паразит, попадая в организм, не развивается. А потому ни способностей, ни повышенной регенерации организм не получает.

— Ну тогда все понятно. очередной раз подтверждает, что наркотики — зло. — Беседа ее утомила. Недочитанная книга сиротливо лежала на прикроватном столике цветным огрызком. Фаина тоскливо посмотрела на мукулатуру. Пора выгонять гостей.

— Извините, ребятки, я хотела поспать, — она картинно зевнула, не забыв потянуться для большего эффекта.

— Ну что ж, и нам нужно идти. Хорошего дня. — Рыбник быстро собрал тетради, и распрощавшись с женщиной, удалился, не забыв прихватить с собой Балеруна.

А вот теперь можно и отдохнуть. Фая легла, прихватив с собой в кровать довольно-таки интересный исторический роман.

Эль-Рияд, Багдад, Абу-Даби... дальше шли кластеры с индийским населением Раджа-

Пури, Нью-Дели и еще куча названий, мало что говорящих обычному человеку. У Фаины голова шла кругом от бесконечных ревизий и проверок, сводящихся к одной-единственной истине: воруют все. И это было очень печально.

Рыбник наконец закончил перевод рукописи загадочной Одри Чедрос, придя тем самым к выводу, что нужно еще покопаться в той самой лаборатории, откуда они со Жмыхом попали в Подземелье целую вечность назад.

В пути эксцессов практически не происходило — нападения мутантов, к которым уже привыкли как к чему-то повседневному, ничем особенным не отличались. Караван планомерно сбрасывал товар, забирая засидевшихся на стабах своих, поселковых. Попутно велась загрузка провизии и прочих необходимых для комфортной жизни товаров. Наконец, сделав солидный крюк и повернув на северо-восток, колонна двинулась в обратный путь, по пути распродавая оставшиеся боеприпасы, запчасти и прочее. Одним словом, огрызки роскоши. На том же Юге, но много восточнее тянулась узкая полоса русскоязычных стабов. Делая разворот, чтобы двинуться в обратный путь, Вайпер велел активировать «красуху». Рядом внешка, а рисковать колонной — большая глупость.

В Подземелье, как и всегда, царило оживление. Часовые стояли на постах, бдительно наблюдая за окрестностями. Шум работающего инструмента доносился из закутков мастерских. Прошло чуть больше месяца, когда Альт отправил свой второй караван. Жизнь наладилась. Каждый человек в поселке знал свое дело и занимался тем, что ему положено.

В уютных боксах, на кухне, в столовой изредка собирались шумные веселые компании, обсуждая текущие события и играя в карты. Сдабривалось веселье щедрой дозой спиртного, в неограниченном количестве хранящегося на складах. Зачастую обсуждали давно почившего Гипса. В ипостаси редкостного тирана и самодура.

Качество работы возросло, а потому Альт не мог не нарадоваться произошедшим переменам. Он практически закончил выстраивать линию обороны. Как бывает, защита имела слабые места, но бывший боец группы «А» упорно работал над недостатками. Скоро, очень скоро в Подземелье будут бояться сунуться самые безголовые монстры. И люди, между прочим, тоже, что и являлось целью столь масштабной стройки и перестановки вооружения.

Человек в черном костюме стоял в одном из многочисленных нежилых помещений. Задумчиво глядя себе под ноги, размышлял. В Улье неуязвимых быть не должно.

Все-таки решившись, он бросил семя порталной ловушки. Пройдет достаточно времени, прежде чем оно прорастет и окончательно созреет. Хорошее было Подземелье. Жаль, что он так поступает, но иного выхода нет. Поселок превращается в центр силы, и этого допустить нельзя. А что до людей — недостатка в них никогда не было. Придут другие, и возможно, им удастся удержать равновесие.

Маленький бирюзовый огонек пульсировал, поглощая и перерабатывая материальные частицы. Цикл жизни ловушки до безобразия прост — она созреет, постареет, а затем и вовсе умрет. Но прежде чем окончательно погаснуть, натворит в поселке немало бед.

Остановка в первом русскоговорящем стабе очень обрадовала друзей. После арабско-индийской тарабарщины родная речь дарила наслаждение не только слуху, но и мозгу в целом. Фаина чуть не расцеловала первого попавшегося ей прохожего, который по ошибке решил поздороваться с эмоциональной женщиной.

— Фая, не надо на людей кидаться, они живые, — ядовито заметил Балерун.

— Кидайся на амбразуру, — поддержал товарища знахарь.

Женщина поджала губы. Спелись, сволочи.

Поселение Матвеево с жиру не бесило. Основные строения стаба были прилетевшими с Земли. Хрущевские панельные пятиэтажки занимали львиную долю стабильной территории. Население немного переделало жилища под себя, довели до ума обрезанную переносом инфраструктуру, подшаманили некоторые обветшалые конструкции. Бетонные тротуары сияли чистотой, детские площадки времен СССР радовали глаз свежими яркими красками. В общем, жили. Во главе хоровода, как зачастую бывает в небольших поселениях, стоял развитый ксер. Немного торговали с соседями, но основную часть населения здесь составляли рейдеры, таскающие с близлежащих территорий потроха мутантов и не менее полезные в хозяйстве вещи. Действуя крупными группами по 15–20 человек, они снаряжали хорошо вооруженные экспедиции. Отчаянные одиночки так же встречались, но в меньшинстве. В двух словах, нормальный постепенно развивающийся стаб.

Стоянка здесь длилась недолго, после двухдневного перехода уставшие караванщики загнали транспорт в поселок, чтобы наконец-то помыться, поесть и выспаться по-человечески. Своей недвижимости у подземельных в Матвеево не было, а потому пришлось ютиться по несколько человек в маленьких уютных комнатенках. Хорошо, что постельное белье было чистым.

Фаина выпорхнула из душа, на ходу вытирая голову полотенцем и стараясь сильно не размахивать руками, чтобы не удариться локтем о какую-нибудь выпирающую часть стены.

— С легким паром, — послышался насмешливый, уже позабытый голос.

Убрав полотенце, на тот момент закрывающее обзор, женщина увидела знакомое лицо человека в черном костюме. Он сидел на ее кровати, скрестив ноги.

Обувь не снял, сука.

— Сп-асибо, — она была несколько удивлена, что не помешало ей заметить лаковые туфли на своей чистой постели.

— Похвально, что вы послушали моего совета. Многие делают наперекор, не желая прислушиваться к голосу разума, — мужчина с подернутыми пеленой глазами, заметив неодобрительный взгляд Фаины, опустил ноги на пол. — Прошу прощения. Собственно, зачем я здесь. Ваша колонна движется в обратный путь. Возьмите с собой тех, кто вам небезразличен и уходите с маршрута, — та смотрела с некоторой оторопью в глазах. — Нет, дорогая всю колонну отворачивать с дороги нельзя. Максимум четыре человека плюс вы.

Мужчина сделал паузу, задумавшись на пару секунд. Затем продолжил.

— Возле указателя на Веселый. Ваш караван будет там через на вторые сутки пути. Где-то в полдень. Не забывайте про свои вещи.

Дверь открылась, в проеме стоял Балерун с большим пакетом в руках.

— Ты его видишь? — Фаина не глядя протянула руку в сторону незнакомца.

— Кого?

Женщина посмотрела на кровать. Пусто. В том месте, где несколько мгновений назад сидел этот странный человек, на постели не было ни единой складки, говорящей о том, что здесь не так давно находилась чья-то задница. Чисто, улик нет.

Может, этого достаточно для постановки диагноза? Шизофрения? Или... Чепуха. Болезней здесь нет. Или все-таки видение?

— Ты в порядке? — парнишка быстро подошел к Фае, прикоснулся губами ко лбу. — Температуры нет.

— Галлюцинации у меня, — зло прокомментировала излишнее беспокойство женщина.

— Так ты все-таки сварила ЛСД?

— Нет, он отложился у меня еще сорок лет назад в спинном мозге, могу поделиться. — съехать с темы можно было лишь доведя ее до абсурда.

— Так что там говорят твои галлюцинации?

— Говорят, что на второй день пути..

Фаина кратко пересказала содержание монолога странного человека, который приходил к ней уже второй раз. Выслушав весь бред, который несла женщина, Балерун пришел к неутешительному выводу.

— Все-таки с друзьями наркотой делятся, а не крысят.

— Да достал ты, нет у меня ничего.

— Конечно, рассказывай... — парень не верил ни единому слову. Если этот мужик в костюме действительно существовал, по Улью давно уже ходили бы легенды. А так... ничего подобного за два года постоянного проживания в аду под названием Стикс Балерун не слышал.

— Спорим, будет поворот на Веселый?

— На что?

Она мысленно прикинула. Рисковать не хотелось.

— На три горошины.

— Идет.

Парень пожал руку Фаине, в этот момент зашел Рыбник. Лицо было озабоченным, движения казались дергаными.

Что волнует? Наверняка очередная неприятность. Вот так всегда происходит в периоды длительного затишья. Беспокойство который день мучило женщину, грозясь вылиться в очередной хаос. Но вид подавать нельзя.

— Хорошо, что ты пришел. Разбивай.

Знахарь недоуменно уставился на них. Потом быстро сообразил что к чему, и, пробормотав себе под нос про долю, разбил крепкое рукопожатие.

— Ты че нервный такой?

— Странные ощущения мучают. Не пойму в чем дело.

— А я тебе говорила, — Фая радостно вскинулась. Ты поесть принес?

Балерун начал доставать из пакета нехитрую снедь. Он прошел на кухню и начал забивать продуктами двухметровый холодильник, чинно возвышавшийся над окружающим пространством

Хорошо все-таки в Улье. Новая бытовая техника, шикарная обстановка сдающихся квартир. Плохо, правда, что не совсем безопасно для жизни, но и к этому со временем привыкаешь.

— А винцо ты захватил? — женщина, все время перехода по кластерам державшаяся словно стойкий оловянный солдатик, откровенно переживала, что сегодня ей не удастся выхлебать пары бутылок. Так сказать, перезагрузиться.

— Тебе шести литров будет достаточно? — переспросил Рыбник, доставая из сумки две трехлитровые коробки «Изабеллы».

Фаина взглянула с тоской в глазах. Полусладкое. Красное. Фи.

— Я просила белое сухое.

— Какая разница чем нажраться, — Рыбник немного обиделся. Ну забыл он. Че, обязательно мозг по этому поводу выносить?

— Разница есть всегда, — поучительным тоном ответила женщина. — Ладно, спасибо.

Через полчаса жду вас за стол. А пока вон с кухни!

— Только давай без твоих штучек, окей? — Балерун, опасаясь, что дурное настроение Фаины отравит им ужин в прямом смысле этого слова.

Он ошибался. Выпив залпом первые две кружки, она начала напевать себе под нос нехитрый мотив какой-то попсытины и принялась греметь кастрюлями. Жизнь хороша.

Вечер прошел довольно-таки весело. Отвоевав себе двуспальную кровать, Фаина ушла на боковую. Двое мужчин вальгом разместились на диванчике. К сожалению, идея секса втроем не нашла отклика в сердце женщины. Ложась спать в одной плоскости с Балеруном, Рыбник ухмыльнулся. Ему нравилось на пару с этим парнишкой троллить высокомерную тетку. Конечно, выглядела она лет эдак на двадцать пять, но разговоры у нее были слишком уж умными. И это тоже плюс. Опыт ни за какие деньги не купишь.

Глава 21. Домой

Поворот на Веселый все-таки был. Балерун, матерясь и подтягивая лямки рюкзака поудобнее, стоял на обочине дороги, изредка провожая тоскливым взглядом пускающую в глаза пыль колонну.

— И куда теперь? — Рыбник, давно уже введенный в курс дела, стоял в недоумении.

— На Веселый.

— А он там есть?

— Не знаю, нужно проверить.

Зачем я это сделала? Очередная авантюра, зачем? У тебя, дорогая, если и есть ангел-хранитель, что весь в черном и с жестким чувством юмора. Мужиков зачем потянула за собой?

Ты сама-то веришь в свои видения?

Хорошая асфальтированная дорога, по бокам которой росли лесополосы, состоящие в основном из акации, петляла, словно заяц. Друзья шли по трассе, стараясь производить как можно меньше шума. Вовчика пришлось оставить на караван — локатор ребятам нужен как воздух, да и зверюга особо не сопротивлялась. На удивление быстро и без приключений добрались-таки до Веселого. Это был хороший, добротный стаб. Балерун побежал спрашивать народ, где можно снять приличное жилье, Рыбник с Фаиной остались ждать в придорожной забегаловке, оставаться в которой не очень-то и хотелось. Парнишка, довольно позвякивая ключами, вернулся спустя сорок минут.

От кофе Балерун отказался, мотивируя это тем, что в коттедже отдохнет по-человечески. Вообще, жизнь на колесах в мало кого привлекала, а он, хорошо воспитанный мамин сын, привык к уюту. Собственно, наше дело — предложить.

Компания, расплатившись по счету, вышла из закусочной, направляясь к месту, которое на ближайшие три недели окрестят как ПМЖ.

Более-менее наладили быт. Фаина, рогами упершись в землю, напрочь отказалась от домашней работы, и начала устраивать конфетный бизнес. Сладости доставляли женщине порядочно геморроя. Подбор помещения, заказ оборудования, поиск постоянных поставщиков свежего и качественного сырья, персонал, в конце концов — кто имеет свое дело, прекрасно поймет, что нервы, потраченные на предприятие, измеряются десятками километров. Да и еще, вдобавок ко всему, не восстанавливаются. Или восстанавливаются и мстят? Впрочем, неважно.

По этой причине была нанята домработница. Финансы, которые достались Фаине в первый день жизни в Стиксе, были конечны, но сумма в перерасчете на «итога» оказалась вполне приличной. Хватило бы на пять предприятий.

Рыбник, не долго думая, начал заниматься знахарством на дому. Благо, опыт, который он поимел в арабских и индийских стабах, был бесценен. Так же беседы с более развитыми лекарями дали свой, стоит отметить, очень хороший результат. Очередь к нему пока еще не стояла, но каждый день к Рыбнику несли то покалеченного рейдера, то новичка. Чтобы просканировал на предмет иммунитета и возможного дара. Этот фокус у знахаря проходил на ура и под аплодисменты.

Балерун долго шлялся по Веселому в поисках подходящей работы, потом плюнул на все и стал помогать Фаине в налаживании производства сладких вкусняшек. Женщину это

обстоятельство очень радовало.

На вторую неделю пребывания в Улье произошла теплая встреча. Жмых и Аконита пришли посоветоваться со знахарем. Женщина была беременна, и ей было очень тревожно за судьбу будущего ребенка.

— Оооо, Рыбник, братка, какая встреча!

Медведь в человеческом облике раскрыл свои двухметровые объятия.

— И я очень рад тебя видеть.

— Ты куда пропал?

Знахарь, перебирая в памяти события, так или иначе связанные с бывшим напарником, решил немного поосторожничать.

— А ты что помнишь?

— Помню как орда на нас с тобой шла, потом, бац! Сижу под стенами Волгограда, рожа в креме, в руках пирожные... И элитник такой...это...жуткий. Разговаривал со мной.

Рыбник призадумался. Наверняка это фокусы Фаины. Что неудивительно.

Портал все рос, набираясь сил и поглощая материальные объекты. Ему многого не надо. А вот съесть чью-нибудь жизнь... Эх, мал еще, совсем мал.

В третий раз человек в черном костюме появился перед Фаиной в день открытия кондитерской. Он занял очередь у кассы, и, дождавшись, пока женщина отпустит посетителя перед ним, вежливо поздоровался.

Она впала в ступор. Опять. Опять пришел, чтобы все разрушить. Мужчина и на этот раз был немногословен.

— Бери машину, Рыбника, его друзей и уезжай. Сегодня же.

— ??!

— Балеруна оставьте, отдай ему управление своей булочной. Он скоро женится, пригодится.

Фаина хватала ртом воздух, нервно оглядывая посетителей, казалось, смотревших куда-то в протрацию.

— Успокойся. Меня они не видят. Иначе давно бы сожгли на костре. — Черный кривоухмыльнулся. — Я обещаю, смысл у тебя будет.

Закончив непонятную фразу, человек с самыми жуткими в мире глазами исчез, а на его место встала веснушчатая девчонка лет двенадцати.

— Мне три эклера.

— Слушай, Антон, ты что, вправду жениться собрался?!

— Да.

Балерун сидел на кухне, невозмутимо потягивая кофе из литровой чашки. В их общем доме другие размеры посуды считались неликвидом. Фаина налила себе бутылку вина в точно такую же посудину.

— А почему мне не сказал?

— Потому что ты — старая вредная тетка.

— Ну спасибо за комплимент.

— Стеснялся.

— Да хрен с тобой.

На кухню заскочил Рыбник. Фая, ты ужин еще не готовила?

— Нет

— А то у нас гости.

— Дай угадаю, твои друзья.

— Да

— Собирай манатки, мы уезжаем.

— Как? — хором выпалили приятели

— Ты, Балерун, остаешься здесь. Кондитерская твоя. Я оставлю немного потрохов на текущие расходы. А ты, — Фаина перевела взгляд на знахаря. — Бери в охапку своих друзей, собирай вещички, мы валим.

— Зачем?

— За шкафом. Так надо.

— Ты серьезно?

— Да.

— Опять твоя шизофрения в гости заглядывала?

— Да.

— Хорошо. Через два часа я буду готов.

— Вот и ладушки.

Рыбник, скорчив злую рожу, пристально вглядывался в ленту дороги

— Слушай, куда нам ехать?

— Без разницы.

— То есть твой страшный человек в черном-черном костюме и черных-черных лаковых туфлях не дал даже ориентира, куда нам двигаться?

— Абсолютно верно.

— Фая, мне кажется, что с логикой ты дружишь очень плохо.

— Читай «с головой». Да. Я полностью с тобой согласна.

— Тогда едем до ближайшего стаба, если повезет.

Дорога была так себе. Средней паршивости асфальт, погнутые дорожные знаки. А вокруг — поля помидоров. Шикарный вид на окрестности. Женщина по сторонам особо не заглядывалась. Где-то внутри сидела уверенность, что сейчас на машину никто не нападет. Не посмеет. А если такое и случится, Фаина кинет монстру кусок говядины и тот моментально станет как шелковый. Не впервые раз такой трюк проделывает. Она даже несколько раз задумывалась о создании армии карманных монстров, но быстро эту затею отменила как бредовую. Мутантов нужно кормить и уделять каждому из них внимание для поддержания устойчивой эмоциональной связи. А как это осуществить, если их сотня??! Если посмотреть с другого ракурса, с такой охраной можно и в Пекло сунуться. С целью заполучить себе в друзья матерую элиту. Мечты, мечты... Дар все-таки нужно развивать. И побыстрее.

Ага, вот и красавчики побежали.

Цып, цып, цып, родненькие...

Ближайший стаб располагался в ста семидесяти километрах от Веселого строго к северу. Туда Рыбник и направлял «Ниву» сливающегося с лесом цвета. Ехали около пяти часов. Покрытие дороги периодически менялось с асфальта на грунтовку, с грунторки — на проселок и так далее по нарастающей. Аконита блаженно дремала, держа за руку Жмыха. Они вытянули лотерейный билет. Ребенок, которого она носила под сердцем, будет устойчив к вездесущей заразе.

Знахарь искоса поглядывал на Фаину, которая спала, не замечая неудобства потасканного кресла машины отечественного автопрома. Зато проходимость у лошадки

шикарная.

Хорошее вино было. Только вторая бутылка была откровенно лишней.

Добрались без приключений. Человек со странными глазами улыбался, наблюдая, как друзья, заехав в стаб, лихорадочно ищут мало-мальски приличный ночлег.

Городом Киреево назвать было нельзя. Паршивенкий малонаселенный поселок. Убогие деревянные срубы посреди леса с удобствами на улице. Но выбирать не приходилось.

Получив за скромную плату покосившуюся избушку на курьих ножках и быстро поужинав, все легли спать.

Человек махнул рукой в направлении Киреево. Орда, насчитывающая несколько тысяч монстров, и пробегающая в нескольких километрах послушно повернула к поселку.

Фаина проснулась от неясного чувства тревоги. Рыбник тоже не спал.

— Ты тоже ЭТО чувствуешь? — женщина вопросительно посмотрела на знахаря.

— Да.

— У меня ощущение, что мутантов здесь очень и очень много. Когда на поселок нападали атомиты, и то такого ужаса не испытывала.

— Жмых, Аконита, подъем.

Супружеская пара встала, лениво потирая глаза.

— С вещами на выход.

До машины дойти друзья не успели. Послышался треск автоматной очереди.

У Фаины и Рыбника разом внутри съежилось по ледяному кому.

— Началось.

Автоматы остановили первую волну. В основном это были бегуны. Их посылали в разведку твари постарше, надеясь на то, что противник ошибочно решит, что на поселок напала мелочевка.

Не успели обороняющиеся перезарядить автоматы, как во втором потоке появились руберы с более мелкими горошниками.

Загрохотали пулеметы. Бесполезно. Мутантов было слишком много. Руберы первой и единственной волной смяли ряды защитников, желая всласть порезвиться в жилой части поселка. Люди, проснувшиеся от запоздалых завываний сирены, ничего толком не успевали понять. Кто-то, успев вникнуть в ситуацию, тщетно попытался отстреляться. Крики покалеченных, умирающих людей, заполнили фон пространства стаба. Кокафония длилась недолго. Все разом смолкло, лишь чавканье и урчание зараженных нарушали смертную тишину стаба. Киреево был съеден подчистую.

Такая же участь ожидала и Рыбника с Фаиной, если бы не Жмых, который с большим усилием трансформировал близлежащие металлоконструкции вперемешку с землей и деревом в толстостенный купол. Пока целы. Все еще голодные монстры пытались достать вкусную начинку. Утробное урчание слилось в единый вой, когти и зубы крошили единственную преграду, отгораживающую добычу от охотников. Попали. Вот и верь теперь галлюцинациям.

Чья-то уродливая клешня наконец-то пробила небольшую брешь в стенке купола. Аконита завизжала.

— Заткнись. — Фаина сидела, обхватив руками голову и пытаясь протянуть связь хотя бы к одной из тварей. Ну же, это так просто. Мясо осталось в багажнике машины. Орда неистовствовала. Сейчас все мутанты были единым целым разумом, тягаться с которым у Фаины не было сил. Что делать, она не знала. Чертов Черный! Женщина на все лады

костерила про себя этого загадочного ублюдка, который завел их не без ее подачи, в этот воспаленный нашествием орды аппендицит.

— Ну, не надо так, моя дорогая — раздался еле слышный знакомый голос.

Ну наконец-то блять. Вовремя же этот сукин сын появился.

— Вам нужна помощь?

— Да. И им тоже — Фая кивнула на своих соседей по земляной клетке.

— Куда вы хотите?

Не задумываясь, женщина выпалила.

— В Подземелье.

Аконита и Жмых, обнявшись, стояли посреди густонаселенного стаба. Люди, одетые в вечерние наряды сновали по оживленной улице, заходя в рестораны, казино и прочие заведения развлекательного характера.

— Надо же, — женщина удивленно воззрилась на мужа. — Мы были не здесь.

У них в ногах стояли рюкзаки. Те самые, которые лежали в багажнике.

Жмых смотрел на проходящий мимо народ, серьезно задумавшись. Чудо? Случайность?

Нет, думать на эту тему он не хотел. По крайней мере, сейчас.

Мужчина крупного телосложения закинул оба рюкзака к себе на плечо, подхватил Акониту на руки.

— Я люблю тебя, дорогая.

Фаина и Рыбник стояли на развилке дорог. Моментально почувствовав Катеньку, женщина указала направление.

— Туда.

— Ты уверена?

— Да.

— А как это мы... — знахарь подхватил рюкзак, сумку с мясом. Свой скарб подруга несла сама.

— Понятия не имею. Все это сделала моя шизофрения.

— Я бы тоже такую заимел.

Фая повернулась к нему, приняв торжественное выражение лица.

— Рожденный ползать — летать не может. Смирись.

— Тоже мне, орлица.

— Страус.

— Курица.

— Давай остановимся, пока я тебя не обидела.

Знахарь замолк, подавившись словами. Сколько обидных названий пернатых он уже подготовил для Фаины... Придется отложить до лучших времен.

Шагали вдоль по дороге. До ближайшего входа пешком оставалось не более трех километров. Их еще надо пройти. Ножками. С тяжеленным рюкзаком за спиной и язвой рядом. Рыбник хмыкнул. Еще будучи коммерческим директором такой склад характера в женщинах он ценил в первую очередь. Как сотрудницы они всегда проявляли себя с лучшей стороны, а вот что творилось дома с их мужьями...Вай. Бедные мужики. Он им не завидовал. Более того, откровенно жалел.

У Фаины было прекрасное настроение. Этот Черный не подвел. Единственный вопрос крутившийся в ее голове и не дававший покоя: зачем? Возможно, каравана уже не существует, и «галлюцинация» ее спасла. Но с какой целью нужно было натравливать на них

орду? Чтобы спасти от своей же напасти?.. Что-то здесь явно не так. И это «не так» нравилось Фаине все меньше и меньше.

Друзья свернули с дороги на лесную тропинку. Она еле заметно вилась, петляя между пушистыми ароматными пихтами. Идти следовало очень осторожно, Здесь на каждом шагу наставлены растяжки, раскиданы противопехотные мины и прочие сюрпризы. Уйти в тень в самом конце пути было бы очень обидно.

За дальним деревом Фаина заметила хорошо замаскированный ствол миномета.

— Ээээй! Свои!

Тишина. Никто не ответил.

Внутри шевельнулось противным комом нехорошее чувство.

— Слушай, дай-ка мне кусок мяса.

Рыбник молча расстегнул сумку, подавая женщине окровавленный ошметок. Золотые искорки, слегка коснувшись, пропитали кусок плоти насквозь.

Фаина кинула его влево от себя.

С дерева прыгнула туша. Мгновенно подцепив ошметок корявой лапой, съела.

Плюс один. Лотерейщик беззлобно двинулся в сторону друзей. Видимо, чтобы выразить свое почтение.

Оглушительный грохот. На Рыбника брызнуло чем-то липким и горячим. Минус один.

Тварь, не успев принести клятву верности, подорвалась на mine. А жаль. Перспективный был монстр.

Добрались. На границе леса и поляны ржавым пятном выделялся люк входа в Подземелье. Вот оно, счастье.

Глава 22. Пустые пенаты

Фаина развернулась от острого ощущения чьего-то назойливого присутствия.

Где-то на грани видимости бродила одинокая фигура. Она притягивала к себе, подманивая, хотелось как можно быстрее оказаться там, рядом. Это важно. Очень.

Фаина побежала навстречу.

— Ты куда? — до слуха дошел удивленный голос Рыбника.

— Меня зовут, надо идти, — и Фая, выкрикнув это, ускорила темп бега.

Знахарь стоял в недоумении, не зная, что делать. Догонять? Зачем? Взрослая женщина, что хочет, то и делает. Денег она ему не должна.

Пожав плечами, он наклонился, чтобы открыть люк. Тот поддался с легкостью. Вход в поселок не был даже запечатан. Странно. Рыбник спустился по узкой лесенке, ведущей вглубь. Еще несколько минут потерпеть. Он хорошенько поест и наконец выспится. Как же долго знахарь ждал этого момента.

Подземелье встретило полной темнотой и привычными запахами обжитого дома. Рыбник достал из рюкзака фонарик. Зажег. Странно. В поселке проблем с электричеством никогда не было.

Луч шарил по неприветливым бетонным стенам. На мгновение задумавшись, знахарь вышел на поверхность, посмотрел, где Фаина. Легкой, прыгающей походкой она быстро двигалась в направлении застывшей черной фигуры. Он попробовал просканировать неизвестного пришельца. Его фон сливался с окружающим пространством. Наверное, слишком велико расстояние.

За Фаю Рыбник был спокоен. Она прекрасно чувствовала людей и к отъявленному злодею в пасть сама не ползет.

Ладно. Хочется домой. Хорошенько отмыться после всех приключений, поесть и завалиться спать. Суток на трое, как медведь. Врядли получится, но надежда умирает последней.

Знахарь снова спустился. Этот вход он знал прекрасно, а потому даже в темноте заблудиться будет сложно.

Оглушающая тишина острым ножом царапала слух. Ни звука. Фонового шума нет. Создавалось ощущение, что все Подземелье вымерло до единого человека. Почему тогда нет трупов, костей? Все было чистым, словно законсервированным. На пути попала кухня.

Подсвечивая себе фонариком, Рыбник оглядел помещение. На столах стояли тарелки с недоеденной пищей. Вилки лежали так, как будто люди разом все побросали и ушли неизвестно куда. Приблизился. Пропавшим или сгнившим не пахнет, но и аромат свежеприготовленной еды здесь так же не витал. Что, черт возьми, происходит?!

Ни души. Жутко, но не тревожно. Зияющая пустота безразлично смотрела на знахаря, недоумевающего, куда подевалось население поселка.

Звук шагов глухо разносился по коридору. Непроницаемая тишина начинала раздражать. Чтобы хоть как-нибудь ее нарушить, Рыбник негромко позвал, обращаясь к возможно выжившим.

— Эй!

— Эй, эй, эй... — повторило за ним эхо.

Непохоже, что с ним играли в прятки. Знахарь развернулся и направился к выходу.

Подождет Фаину, а там будут решать что со всем этим делать.

Даже в такой загадочной обстановке Рыбник старался сохранить рассудок и не поддаться панике, выдворяющей его вон поганой метлой.

Шел неспешно, сознательно заставляя себя успокоиться и мысленно перебирая варианты.

Вторжение? Где тогда следы борьбы, кровь, валяющиеся под ногами гильзы, в конце концов.

Может быть, население просто собралось и ушло, избегая медленно надвигающейся опасности? Кто знает.

Знахаря мгновенно развернуло на звук, доносящийся из параллельного коридора.

Женский истерический плач с завываниями. Такое ни с чем не спутаешь.

Давным-давно Ярослав был женат и знал, как звучит расстроенная женская психика. Кто слышал раз, не ошибется никогда.

Он пошел на звук, освещая путь фонариком. Открыв очередную дверь, Рыбник убедился, что подсветка больше не понадобится.

На каменном полу посередине комнаты зияло нечто неординарное. Портал. Или большая дыра. Неизвестно, пока сам не попробуешь. Пульсируя бирюзовым сиянием, у краев переходящего в голубое, провал манил к себе. Притягивал. Просил зайти внутрь. Ненадолго. В гости.

Знахарь затряс головой, разгоняя наваждение. У края сидела одинокая женщина. Рядом лежала гора одежды. Именно гора. Хватило бы открыть небольшой комиссионный магазин.

Он подошел ближе. В ноющей барышне узнал Ренату. Ее лицо опухло от слез, плечи сотрясали рыдания. Волосы красивого медного оттенка растрепались по спине. Сколько она здесь сидит? Погладив по голове, ласково спросил:

— Что у тебя случилось?

Рената подняла невидящие глаза.

— Они ушли, — единственное, что смог разобрать Рыбник.

Опять наваждение. Странный, манящий зов, приглашающий войти. Туда, в бирюзово-голубое марево. Он мог дать руку на отсечение, что странная дыра в полу с ним разговаривала. На уровне подсознания, таща за тонкие ниточки, привязывающие знахаря к этому миру.

Зеленоватое сияние освещало комнату, до этого не имеющую специального назначения. Бирюзовые искорки, изредка вылетающие из провала, долго кружили, затем садились на неоштукатуренные стены.

Рыбник смотрел внутрь заворуженно, пытаясь понять суть этого явления. Казалось, еще немного, и пресловутая тайна этой загадочной дыры раскроется, дав взамен нечто большее, нежели просто понимание.

И знахарь сделал шаг. В направлении средоточия странной силы. Раздался женский визг, но он не придал этому обстоятельству особого значения.

Я спешу к тебе.

Рука Ренаты ухватила за штанину, пытаясь остановить. Он резко дернул ногой, высвобождаясь. Еще шаг.

Звонкая пощечина моментально привела в чувство. На лице разгорался костерок, все сильнее охватывая огнем правую сторону головы. Такого он никогда не прощал никому. Развернулся, чтобы вклеить ответку, и остановился, приходя в сознание.

— А? Что? — Рыбник уже и забыл, чего хотел постичь в этом странном провале.

— Во-о-от. Они все, точно так же, ушли... — ноющим голосом протянула девушка.

— Жители?! Все?!

— Все, — истерика Ренаты почти прекратилась, лишь изредка нарушаемая всхлипываниями. — Я пыталась остановить, меня никто не слушал.

— Пойдем, — знахарь взял рыжеволосую под руку, двигаясь к выходу.

Опять накрыло. Он быстро оттолкнул Ренату и побежал, навстречу зияющей дыре.

Девушка не успела опомниться. Она только почувствовала резкое отпихивающее движение, и не удержав равновесия отлетела к ближайшей стене, больно приложившись о кирпичную кладку.

Одежда Рыбника венчала из без того внушительных размеров кучу тряпья. На самой вершине лежала тетрадь с красочной обложкой, радуя взгляд напечатанной на ней красивой тропической птичкой. Колибри.

Тетрадь, которая своим содержимым сможет обрушить всю финансовую систему и принципы существования Улья. Она ждет своего часа. Доживет ли?

Рыбник нырнул в пустоту провала, окутанного пульсирующим бирюзовым маревом. Неведомая сила сорвала с него одежду, не заботясь о том, насколько ему будет комфортно.

Тело обжигало, сознание, мучимое болью, схлопнуло мир вокруг него до одной маленькой точки. Точки, где в которой сосредоточился ад. Время тянулось мучительно долго, он не мог точно сказать, сколько здесь находился.

В голове мелькала лишь одна повторяемая словно мантра мысль. Когда же конец, когда же меня отпустит.

Рыбник не заметил, что его сознание полностью очищалось от наносного физического тела, постепенно уничтожаемого порталом.

Боль прекратилась. Не постепенно, а как-то разом, сняв пелену тумана с изведенного страданиями разума. Остался лишь чистый дух. Небольшой, словно искра светящийся в пространстве, но вмещающий в себя бесконечное количество информации, как полезной так и совсем ненужной.

Искра упала на прекрасную мягкую ладонь. Ее владелец поднес к лицу руки, пристально рассматривая крохотную еле светящуюся пылинку.

— Ты выиграл, Оруэлл.

Юноша статного телосложения сидел в удобном мягком кресле, оббитом шелком с диковинной вышивкой. Изящные подлокотники были украшены драгоценными камнями, мягким светом сияющими всеми цветами радуги. Любой житель Земли мог смотреть на открывшуюся перед ним картину замороженно, но Пайрус испытывал лишь досаду.

— Конечно, ведь Удача — моя самая любимая спутница. Юноша протянул руку, и подвел со стороны кресла улыбающуюся девушку. Ни у одной из цариц никогда не было подобного наряда. В ушах, на руках и ногах мелодично позвякивали колокольчики. Она села на колени к Оруэллу... Поцеловав его в щеку и нежно приобняв, повернулась к Пайрусу.

— Я никому не помогала, честно. — глаза говорили то же самое Пайрус нахмурился.

Жульничали? Не знаю. Как один, все его пешки бесславно покидали мир Улья. Как бы тщательно не подбирал навыки, давал шансы, подкидывая своим подобечным подарки судьбы. Все одно. Деградация. Но почему у Оруэлла почти всегда все пешки остаются людьми, а? Каким критерием он руководствуется? Чем меряет перспективу.

Большой секрет Оруэлла. Увы, делиться им хозяин не желает. Еще бы. Серьезные дядьки, большие старки.

Даром, что с Оруэллом, памятуя о редкой его везучести, предпочитали не связываться.

Ведь в Игре, вроде бы шансы равны. Шары с матрицей духа тоже хранятся на одном стеллаже. И раз за разом он выигрывает. Чертов умик.

Так и сидел Пайрус, отрешенно глядя на доску, которая раскинулась пред ним лоскутным одеялом. Опять роиграл. Сегодня не его день. А жаль.

Свободной рукой залез в карман, достав кристалл Турмалина.

Жаль с тобой прощаться. Турмалин был здесь, в мире почти богов ценностью. Элементом, зарождавшим Вселенные. Не редок, но очень ценен. Один кристалл — одна Вселенная. И там Бог именно ты.

— И что мы будем с ним делать?

— А давай спросим, — Удача встала с колен своего возлюбленного, переняла искру души Рыбника. Пристально посмотрела, ласково улыбнулась. — Тебе куда: в небытие или на приключения?

— Приключения, приключения! — радостно подпрыгивала Искра, кружась на ладони Удачи.

— Помни, я всегда буду с тобой, — девушка выдохнула, отправляя душу в распределитель. Радостный смех. Выбирать всегда приятно. Находиться внутри. Здесь калейдоскопом сменяются мириады миров и форм существования. Переплетаясь в изящном узоре, линии делали непредсказуемые изгибы. Красиво. Все цвета радуги в бьющей ключом жизнерадостности гармонии бездушного распределителя. Или, может, эта штука живая? Ох и интересно же ей живется, надо сказать. Искра захлебывалась эмоциями, бьющими через край.

— Дело за тобой. Выбирай свой мир сама.

Искра закружилась, ища пристанище, наиболее ей подходящее. Калейдоскоп миров смазывался, образуя сливающиеся и плавно перетекающие друг в друга орнаменты. Искорка смеялась.

Что же выбрать? Здесь была, здесь тоже, в этой вселенной как-то все мрачно, видимо Помощник Создателя был не в духе.

Она знала, что попадая в материальный мир, испытает не только радость бытия, но и страдания, а все вместе — бесценный опыт, позволяющий на последнем этапе постичь Его. Создателя. Только познавшим его сущность искрам Он позволяет приблизиться к себе. И дарит бесконечную радость, не омраченную тройственными страданиями материального мира.

Теряясь в муках выбора, Искра решила отдаться на волю случая, ведь Удача обещала всегда быть с ней.

...На золотом крыльце сидели...

Сюда. Душа нырнула в мир, который выбрала опираясь на давно известную во всех вселенных считалку.

Покровители, немного переборщив с вином, ушли танцевать, и Удача кусок тяжелого подола слегка задел распределитель. Считанные мгновения помех. Кое-где на секунду меняются местами единицы и нули. Сбой. Такое иногда бывает. Ведь покровители тоже живые существа, а ничего совершенного у живых, к сожалению, нет.

Опыт, который должен был оставаться в памяти распределителя, параллельно передаваемый в Хранилище, в момент перехода остался с Искрой. Несколько мгновений. Но в нужный момент.

Профессор Гелиан Швондер делал лоботомию очередному зараженному.

— Одри закончи сама, пожалуйста.

Он снял маску, перчатки и устало потер переносицу. Глаза сильно болели от слишком яркого освещения операционного стола.

Одри ловко перехватила стальной инструмент, после чего с энтузиазмом завозилась в мозг жертвы. Одна рыжая кудряшка выбилась из-под шапочки и теперь постоянно спадала

ей на лицо. Профессор Гелиан заботливо поправил прическу своего старшего ассистента. Та благодарно посмотрела на своего учителя.

— Спасибо, доктор Гелиан.

Хорошая девочка. А главное, работает на перспективу.

— Я сегодня уйду пораньше, как закончишь — занеси данные в базу, хорошо?

— Все сделаю, не беспокойтесь.

Рабочий день подходил к концу. Профессор успел сделать ровно три шага от операционного стола, потом резко завалился навзничь. К нему уже подбежали помощники, когда Одри, увлеченная работой, только-только заметила, что в помещении творится что-то неладное. Впрочем, профессору уже помогли. А вот за выполнение своей работы отвечает только она. Проводив помощников доктора неодобрительным взглядом, снова уткнулась в мозг зараженного, изучая внешние характеристики тканей. Трудиться, трудиться, и еще раз трудиться...

Профессора унесли в его комнату. Банальный обморок, скорее всего от перенапряжения и хронической усталости. Что тут скажешь, семьдесят лет человеку.

Доктор Гелиан лежал на кровати, находясь в пограничном состоянии. Искра, болезненно проникшая в его сознание, начала постепенно захватывать тело.

Более сильный разум, полностью подтверждая теорию естественного отбора, оккупировал более слабый. Пока они еще соседствовали, но Искра уже начала потихоньку отвоевывать себе территорию.

Гелиан Швондер, заведующий 17 лабораторией Объединенного Крайона, постепенно уходил в небытие, изредка просыпаясь и с трудом вспоминая себя.

Искра же вела себя очень нагло. Она парализовала тело на несколько недель, чтобы полностью освоиться в материальном мире. Умно.

Профессор наблюдал за ней из-за самого темного и грязного закутка сознания. У него совсем нет шансов. Что доктор может противопоставить Ей?

Связи? Интеллект? Опыт?

Не смешите. Разум Искры, вытеснивший Гелиана, был во много раз умнее, хитрее и образованнее.

Дни шли за днями. Наконец, душа Рыбника ощутила себя безраздельным пользователем нового тела.

Рыбник встал, потягиваясь. Дискомфорт? Ничуть. Телу было семьдесят лет. Для разума это может быть и возраст, а для материальной оболочки, поддерживаемой действием синтетического экстракта белого жемчуга...

Прощай, доктор Гелиан, с тобой было весело, и знания, которыми ты так щедро поделился, оказали мне неоценимую помощь.

Мир, в который попала Искра, Рыбник помнил. Опыт нескольких жизней даром не прошел, да и признаться, не так уж давно это было. Искра знала: Крайтон — тот еще кусок тухлого мяса. Которому нужен антибиотик. И он станет прививкой. Болезненной, но тем не менее, оздоравливающей.

Так надо, так правильно.

Рыбник подошел к встроенной в стене полке с одеждой. Выбрал экипировку, наиболее подходящую поставленной задаче. Кажется, оружие можно достать на складе. Вышел, двинулся вдоль по коридору. Ага, вот и склад. На ходу свернув шею работнику в черной униформе прошел внутрь помещения. Выбор был приличным, а потому глаза лихорадочно

забегали, оценивая все, что могло бы пригодиться. Через десять минут Рыбник, обвешенный под завязку разнообразными инструментами членовредительства, вышел, негромко прикрыв за собой дверь. Раз, два, три, кто не спрятался, я не виноват.

Так что, крепитесь, ублюдки. Сегодня будет кровь и мясо.

Фаина наконец дошла до него. Спотыкаясь почти на каждом шагу, она бежала, боясь, что этот человек, который сможет дать ответы на все мучающие ее вопросы, уйдет. Не дождавшись. Такой шанс упускать было нельзя. Не зря он стоял здесь. До этого момента он появлялся всего на несколько секунд, чтобы дать совет или предупредить. А сейчас позволил до себя добраться.

Она стояла перед ним, растрепанная, со сбитым дыханием, боясь поднять глаза.

Мужчина, одетый в черный строгий костюм, улыбнулся. Под сенью деревьев они были вдвоем. Тихий теплый ветер едва шелестел зеленой листвой.

— Я рад, что ты пришла, Фаина.

— Я старалась, — она все никак не могла успокоить тяжелое дыхание. Да, этот забег дался ей очень тяжело. Подняла взгляд на мужчину. — Ты мне поможешь?

— Я думаю, для начала, мне следует представиться. Я Лепра.

— Фаина.

— Я знаю.

Женщина опустила глаза. Меньше всего ей хотелось показаться невежливой перед этим человеком.

— Ты пришел за мной?

— Да.

— Зачем?

— Ты знаешь. Тебе здесь не место.

— А где оно, мое место?

Лепра поднял трость и указал направление.

— Там.

Фаина содрогнулась. На запад? В Пекло? Пристанище самых жутких тварей Улья наверняка гостиприимством не отличалось.

— Пойдем потихоньку. У нас немного времени. Ты должна многое осознать.

Женщина, сама того не желая, двигалась рядом со странным мужчиной в черном костюме. В такт его шагам. Сомнения ее не терзали. Слова, произносимые Лепрой, имели такую силу, что воспринимались безапелляционной истиной последней инстанции.

— Вы когда-нибудь задумывались о смысле жизни, дорогая?

— Смысл состоит в том, чтобы стараться как можно лучше выполнять свой долг.

Эту мантру женщина знала давно. Очень давно. Еще на Земле, тщательно роаясь в священных писаниях (ох и книжным червем она была когда-то!) Фаина поняла, что смысл всех заповедей различных религий сводится к одному. Исполни и умри. Иначе как? Зачем дается жизнь? Только для наслаждений? Да-да, знаем эту песню. А догадываетесь, кто ее главный исполнитель? Его Величество Эгоизм. Я, я, я... вечно жаждущее нового, больше, слаще, быстрее.

Стоит лишь на время поддаться моменту слабости, и сказать себе: можно, и всё! Все летит в тартарары, едва ты начинаешь поступать неразумно, в угоду своим прихотям. И где потом оказываешься? У порога. Порога, пересекая который ты сделаешь в себе надлом. Сам, своими руками. Так, что хруст услышат за много километров окрест. Твоё Я покроется

дубовой корой, пробить которую не под силу будет даже самым близким людям. Исчезнет сострадание, жалобно поджав хвост и скуля, забившись в дальний угол. Меняешься. Незаметно, на первый взгляд, но так, что окружающие люди, глядя на тебя, ужасаются, разбегаясь в страхе. Лишь бы обошел стороной.

О чем это я? Ах, о долге, об ответственности. Перед кем? Да перед собой же! Жизнь каждого состоит из кирпичиков. Что делал сегодня ты? Можешь ли сказать — я сделал все, что мог? Нет? Живи полной жизнью, не переломишься. Работай, старайся., решайся на поступки, выходящие вон из твоей зоны комфорта. Вздох полной грудью. Счастье. Радуетесь ли тому, что имеешь, или бесконечно стонешь от груза проблем?

Меняй свой угол зрения, запихни свой эгоизм в задницу. Нечего ему руководить твоей жизнью. Вытри соплю. Ты — индивид, уникален в своем роде. Неповторим. А твоя судьба — совершенно дикий ковер, исписанный тарабарщиной. Меняй язык, и все будет просто. Понятно.

Дыши, живи, будь счастлив.

— Это вы верно заметили... Долг — основа существования разумного существа. Но, позвольте спросить, какой он у вас?

— Мой? — Фаина задумалась.

Задача не из простых. Родных и близких у нее здесь нет. И, скорее всего, не будет. Хотя..

Размышления прервал насмешливый голос Лепры.

— Только не говорите, что собираетесь нарожать детишек и планомерно заниматься их воспитанием. Улей — не место для создания династий. И вы, смею отметить, это прекрасно понимаете. Вы даже не допускаете привязанностей, и это очень похвально.

— Тогда я не знаю, — Фаину начал раздражать этот мужик. Корчит из себя невесть что. Ну плывет она по течению. Надо сказать, вполне себе увлекательно!

— Не злитесь, дорогая, от этого цвет лица портится. Я вам расскажу о вашем долге. Только немного отойдем на безопасное расстояние.

Он приобнял ее, и мир вокруг закружился калейдоскопом красок. Когда наконец-то удалось сфокусировать зрение на более-менее устойчивом объекте, Фая с некоторой оторопью обнаружила, что стоит на вершине горы. Высокой. Высоченной, острыми пиков цепляющей пробегающие мимо облака.

Обзор был потрясающим. Несмотря на страх высоты, испытываемый женщиной при любом подъеме на сколько-нибудь приличное расстояние над землей, она не смогла не залюбоваться.

Лоскутное одеяло, состоящее из неровных и разнокалиберных кусочков. На общем фоне резко выделялись точки черных кластеров. Фаина посмотрела повнимательнее. У Улья была четкая структура, которую сложно понять, но визуально оценить масштаб художественной работы Конструктора вполне реально. Голова начала кружиться.

— Ну что Фаечка, как вам?

— У меня кружится голова. Лепра покрепче взял ее под руку.

— Это пройдет. Слова бессмысленны, пока не почувствуешь. Что вы видите, дорогая?

— Я вижу Улей.

— Понятно. Всмотритесь внимательнее.

— Структура?

— Именно. Сюда я никогда не приводил кого попало. И лишь некоторые из них смогли

по достоинству оценить всю красоту Стикса.

— Здесь дело не в красоте. А в гармонии. — Фаина наконец-то набралась смелости, чтобы что-то возразить Лепре.

Мужчина действовал на нее гипнотически. Все его слова подкреплялись авторитетом, который окутывал ближайшее окружение плотной вязкой пеленой уверенности. Что-либо сказать против язык не поворачивался.

— Вот мы и добрались, дорогая, до первого правила, — его глаза не блестели. Мутные, матовые, они не вселяли ужаса. Равнодушные, ничего не выражающие. Мимика? Да, возможно, то здесь, то там проявляющиеся складки смуглой кожи и говорили кое-что о настрое хозяина тела... Субъективно, все субъективно.

— Сила — в Истине. Вам всего-то осталось ее понять, Истину. Для себя. Вы сказали что созерцаете гармонию?

— Да. — Лепра ласково погладил женщину по голове. — Посмотрите туда, я покажу.

Фаина крупным планом увидела караван. Большой, хорошо вооруженный, следующий вдоль серой полосы асфальтированной дороги куда-то по своим делам. Зактное солнце еще бросало блики, день сменялся сумерками.

Колонна мерно растянулась гусеницей вдоль приличного отрезка дороги. Шла к цели. Какой? Да черт его знает... Цель. Женщина нутром ощутила, что ее выполнение принесет перемены. и Неправильные перемены. Все рухнет! Все! Везде будет царить разруха! О, Господи.

— А теперь взгляните сюда.

Стая. Крупная. Во главе с монстром, во много раз превосходящим ее милую и добрую Катерину. Еще одна стая, с боссом помельче. Несколько групп мутантов чуть дальше медленно, но верно подбираются к добыче. Их очень много. Фаина ужаснулась. И поняла, что так нужно. Так правильно. Именно так должна завершиться поставленная цель. Провалом.

Люди в этом караване уже могут начинать рыть себе могилы. Даже не пытайтесь отбиться. Такой силе противостоять бессмысленно. Глупо.

Картинка померкла, перед Фаиной опять простирался пейзаж бесконечного лоскутного одеяла.

— Я думаю, сцены с кровью вас не особо прельщают. Как и меня. Вы все видели. Как думаете, почему эти люди будут уничтожены?

— Выполнение их цели колеблет равновесие?

— Именно. Сохранение равновесия и есть ваша непреложная Истина..

— Каким образом?

— Терпение, дорогая. Вы, конечно, понимаете, что отличаетесь от тех людей, которые все это время с вами находились. Вы прошли свой жизненный путь на Земле, в совершенстве исполнив свой долг.

Фаина хмыкнула. Глаза боятся, а руки делают. Порой ее мысли могли бы ужаснуть даже Чикатило. Или Джека-Потрошителя.

— Дорогая, не мысли, а действия. Везде оценивают результат. И заметьте, святые в Стиксе попадают редко. А если и попадают, то живут недолго.

Хоть Лепра и читал ее как открытую книгу, ход его рассуждений понять было сложно. Что это он рака за камень заводит?

— Я вижу, вы с трудом меня понимаете. Приведу простейшую аналогию. Вы знаете, что

такое религиозный пост? — Молчаливый кивок. — А вот теперь представьте. Где проще его соблюдать — в пустыне или в наполненной вкусными блюдами кухне.

— Конечно в пустыне проще.

— Я говорю о том же. Дорогая, имея множество соблазнов, не свернуть с выбранного пути — большое испытание. И не всем дано его пройти достойно. Вы прошли. А потому здесь.

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Вас избрали для совершения долга перед Ульем.

Мысленно Фаина присвистнула. И, что уж греха таить, себе, любимой, поаплодировала. Браво, дорогая. Ты будешь здесь большой птицей. И что она там должна Стиксу?

— Ваш удел — сохранение равновесия. Или гармонии, как вы это называете.

— Этим обязательно заниматься в Пекле?

— Да. Знаю, вы удивлены. На вас не свалят всю черную работу. Вы будете обязаны отвечать лишь за небольшой сектор. Потом, со временем, как освоитесь, полномочия будут расширены.

— У меня нет способности держать равновесие, — Лепра опять начал немного раздражать Фаину. Но.... Все чудесатее и чудесатее. Динамика развития событий откровенно нравилась, а ее место и вовсе было, можно сказать, козырным.

— Пока нет. Но предварительно я должен удостовериться — вы готовы взять на себя эту ответственность? — тон был таким, что, видимо, наказание за недобросовестное выполнение обязанностей следовало очень страшное. Куда уж там распиленному напополам Гипсу.

— Я не могу адекватно оценить свои возможности.

— Они у вас будут.

— Тогда согласна. — Фая ликовала.

Мама? Бабушка? Заведующая столовой? Хозяйка булочной? Не смешите. Я стану легендой.

Одним из прочнейших винтов в стальной мясорубке. В самой головной части этого существа. В его моторе, в его сердце.

Лепра отошел, выпустив руку Фаины. Встал сзади, прислонив горячие ладони к вискам женщины.

— Смотрите, дорогая. Смотрите во все глаза. И слушайте, услышьте, что я говорю.

То ли тепло рук Лепры так подействовало, то ли его слова, но то, что увидела Фаина, совершенно отличалось он ранее обозреваемой картины. Мириады невидимых нитей пронзили насквозь тело, запульсировав в медленной завораживающем ритме. Боли нет. Нет страданий. Ничего нет... Есть Он.

Улей был организмом. Единым, целостным, поддающимся логическому осмыслению. Он был **живым**, и питался за счет эмоций людей и монстров, его населявших. Отрицательных эмоций.

— Мы не садисты. Те, кто попадает в Улей — души, в свое время захотевшие поиграть. Почувствовать вкус жизни. Здесь. Вы, Фаина, это не то тело, которое когда-то жило на Земле. Оно там и осталось. Вы — всего лишь душа с чужими воспоминаниями. Душа примерившая чью-то маску, чтобы испытать ощущения. Игра — в этом заключается смысл переноса сюда людей. Кто-то втянулся, а кто-то не успел сделать и первого шага.

Фаина чувствовала, как тепло его рук мягко распространяется бурлящими потоками в

голове, наполняет тело и успокаивает разум. Умиротворение. Оно постепенно накрывает с головой, притягивая, и не давая возможности сделать свежий глоток бесполезной суеты.

— Мы за гранью добра и зла. Мы всего лишь храним равновесие. Для дальнейшей игры. Ибо она — суть существования Улья.

Ну действительно. Пришел поиграться — получи распишись. Теперь совесть не будет мучить Фаину до конца существования в этом мире. Как же хорошо. Давно она не испытывала такого спокойствия. Темп, навязанный ей жизнью, спадал, стремясь к нулю.

— Откройте свой панцирь, Фая. Впустите Улей, и дайте ему изменить Вас.

Женщина действительно услышала треск, будто кто-то разбил яйцо. Скорлупа лопалась, крошась мелкими звонкими осколками. А в место, где должно находиться сердце, кто-то аккуратно вложил кусочек недостающего пазла... Это прекрасно. Восхищение таким сложным, разумным миром. Хорошо...

Фая кожей, до того момента бесчувственной, ощутила Стикс. Его пульс, дыхание. И любовь.

Я рядом, мой хороший. И никогда больше тебя не покину.

— Вы готовы к путешествию?

— Да, брат, — ее глаза помутнели и потеряли блеск. — Я рада, что нахожусь среди вас.

— Пойдем, — Лепра взял женщину за руку, — я покажу твои владения.

Зал управления. Большое панорамное окно. Вместо стен — прозрачные стела, находившееся, на самой высокой точке башни, было стеклянным. Обзору ничего не мешало, и Фаина с удовлетворением осматривала раскинувшийся пейзаж.

Мегаполисы. Стаи матерых тварей, постоянно отстаивающих свое право сильного и мигрирующих от города к городу в поисках легкой добычи. Иногда мутанты, собираясь приличными стаями, выходят из зоны Пекла, снося все на своем пути и имея целью разорить базы внешки. Чтобы тем жизнь медом не казалась.

За границей загрузки крупных городов — населенная людьми территория, которую они пытаются удержать. Глупцы. Зачем удерживать то, что изначально принадлежит вам. Люди жили по-разному. Где-то кооперируясь в небольшие государства и создавая альянсы. Где-то — влачили жалкое существование, пытаясь раздобыть споран или банку тушенки. Эта разношерстность была закономерной и являлась основной текстурой срединной полосы.

Чернота мертвых кластеров и порталы внешников. Здесь их называют визитерами. Смешные. Не думайте, что это вы открыли порталное сообщение. Вам просто позволили его открыть.

С неба посыпались, мелькая разноцветными огнями, Искры. Добро пожаловать в игру. Пора.

Фаина подошла к серой, мигающей разноцветными огнями панели. Погладила одну из них, ощущая тепло, рычаги — тоже его части. Части тела Стикса. Фаина, Лепра и другие хранители — лишь преданные операторы. Любящие. И готовые на все. Ради равновесия. Ради жизни.

— Улей — интересное место, — думала женщина, выбирая, какую кнопку следует нажать первой. — Что там у нас по плану? Ах да, банда Рухима второй день шастает голодной. Пора позаботиться и о них. Путь полакомятся свежим мясом. Что ж, начнем. Раз, два, три..

Она начала играть. Звучать. С легкостью определяя нужные инструменты. Следуя то ли чутью, то эстетическому вкусу...

Улей задрожал, на перезагружаемом кластере провалилась земля, провалилось все, распадаясь на простейшие элементы. Прорвавшийся нарыв выплюнул концентрированные споры в воздух. Небольшой участок земли окутало белым туманом с химическим привкусом.

Разрушая — создавай. Элементы недолго находились в свободном состоянии. Еще немного, лишь мгновение, и вот уже они — очертания деревьев, домов, транспорта. Пока еще все безжизненно, пусто, ненатурально. Жизнь сюда вдохнут новые Искры.

Какой интересный момент. Вот оно, дерево. Коричнево-рыжий ствол, зеленые листья... но чего-то не хватает. Неуловимого, но важного по своей сути. Золотистый огонек, медленно опускаясь, падает на кажущиеся игрушечными ветви. И... о, чудо. Вот оно. Настоящее, неподдельное. Живое.

Взгляд наслаждался созерцанием сказки. Таинства рождения.

Внутри неистовствовала буря, смешивая самые сильные эмоции в неподдающийся определению ком. А потом...Тишина. Все проходит, словно ком внутри растаскивают медленно, спокойно, по ниточке... И с каждой секундой все легче, легче, легче...

Руки делали свою работу, плавно перебирая кнопки панели. Ритм, четкость. Никакого страха. Тело расслаблено, взгляд помимо воли убегает вдаль, за горизонт.

И сердце, наполненное умиротворением, медленно возвращает цветок золотой жемчужины.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Автор благодарит))

Искренней благодарности глава.

СПАСИБО

Создателю вселенной СТИКС, Артему Каменистому — было приятно погреться в лучах Вашей славы.

Другим авторам — за терпимость и вежливость.

Читателям. Видя, как накручивается счетчик просмотров — приятно удивляешься

Комментаторам — дифирамбы я люблю. Есть во мне все-таки тщеславие, не без греха.

Критикам, Без вас бы автор всех своих косяков не увидел, и не исправил. Но иногда Вы, злые тролли, повергали меня в отчаяние и депрессию. Карма вам бумерангом.

Отдельная благодарность Олегу Старкову, за помощь в написании боевых сцен и оперативность.

Родственникам — за поддержку и пинки.

Без Вас, мои дорогие, книга никогда бы не получилась такой, какой она выложена сейчас, в конечной редакции.

Низкий Вам поклон. Спасибо.